
3 1761 08821059 6

ВЛ. КОРОЛЕНКО

ИСТОРІЯ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА

IV

1 9 2 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЗРОЖДЕНІЕ
МОСКВА * БЕРЛИНЪ

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

ВЫШНЕВОЛОЦКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЮРЬМА

CVI

НАСЕЛЕНІЕ В. П. Т. — АНДРІЕВСКІЙ, АННЕНСКІЙ, ПАВЛЕНКОВЪ

Въ то время, когда меня привезли въ В. П. Т., въ ней было около 40 человѣкъ, и число заключенныхъ все увеличивалось. Противуправительственное движеніе росло, росло и сочувствіе къ нему въ обществѣ, а у самодержавія былъ одинъ отвѣтъ — полицейскія репрессіи. Съ осужденными поступали очень сурово. Въ Бѣлгородѣ и Борисоглѣбскѣ Харьковской губерніи были основаны центрально-каторжныя тюрьмы, о порядкахъ которыхъ ходили чудовищные слухи. Люди были точно замурованы: ни переписки, ни свиданій не допускалось. Проводилась система абсолютнаго одиночества. Обращеніе тюремщиковъ было нарочито грубое, непремѣнно на ты. А такъ какъ система практиковалась и въ то время, когда харьковскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Лорисъ-Меликовъ, то его возвышеніе было встрѣчено сомнѣніемъ и враждой. Выстрѣлъ Млодецкаго былъ выраженіемъ этихъ чувствъ, а немедленная казнь его, казалось, подтверждала усиленіе репрессій.

Но кромѣ явныхъ революціонеровъ, осужденныхъ судами, было много «сочувствующихъ», для суда надъ которыми не было данныхъ. «Административный порядокъ» долженъ былъ бороться съ этимъ «сочувствіемъ». Жандармскій строй изощрялся надъ реформами въ этой области. Уже процессъ Засуличъ показалъ, какъ широко разлито это неблагонадежное настроеніе. Начавшіяся забастовки показывали, что пропаганда начинаетъ проникать въ рабочую среду. «Неблагонадежныхъ» всѣхъ слоевъ хватали и высылали. Но это обходилось дорого казнѣ. Придумали усовершенствованные пріемы: административную ссылку цѣлыми партіями. Мценская и Вышневолоцкая политическія тюрьмы и были назначены для такой оптовой эвакуаціи «неблагонадежныхъ».

Одна изъ такихъ партій была уже выслана изъ В.-Волочка въ Сибирь въ прошломъ (1879) году. Теперь набирали другую, и я понялъ, что меня продержатъ здѣсь до открытія навигаціи, послѣ чего отправятъ въ восточную Сибирь. Оставалось примириться съ этой перспективой, какъ уже примирились мои новые товарищи. Кажется, что въ обществѣ къ этому времени водворились «ожиданія» и надежды, связанныя съ назначеніемъ Лорисъ-Меликова, но мы были настроены скептически. Въ послѣднее время всѣ «реформы» сводились на технику полицейскихъ мѣропріятій. Институтъ жандармовъ выдвинулся на первый планъ русской жизни. Основывались новыя окружныя управленія, увеличивались жалованія, расширялись штаты, жандармы появились въ самыхъ

глухихъ углахъ. Поэтому, если и были теперь новыя ожиданія со стороны общества и прессы, то намъ они казались обычными россійскими упованіями, въ родѣ тѣхъ, какія тогда-то высказалъ въ своей газетѣ покойный Гирсъ по поводу назначенія шефомъ жандармовъ боевого генерала Дрентельна... Газета получила предостереженіе, и все осталось по старому.

Общество, которое я засталъ въ В. П. Т., было довольно разнообразно. Самымъ старшимъ и самымъ солиднымъ изъ насъ былъ Алексѣй Александровичъ Андріевскій, педагогъ, преподаватель русской словесности въ одной изъ одесскихъ гимназій. Онъ былъ родной братъ моего ровенскаго учителя словесности Митрофана Александровича, о которомъ я говорилъ въ первомъ томѣ. Это былъ настоящій педагогъ, очень серьезно относившійся и къ своему учительству, и къ своей карьерѣ. Онъ былъ друженъ съ Драгомановымъ и очевидно попалъ въ В. П. Т. именно за эту дружбу. По убѣжденіямъ онъ былъ ярый украинецъ, — какъ тогда называли, — украинофилъ. Заключеніе онъ переносилъ тяжело и пускалъ въ ходъ всѣ свои связи, чтобы избавиться отъ ссылки, что въ концѣ концовъ ему и удалось. У него была замѣтная складка украинскаго юмора, и порой онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи писать по тому или другому поводу довольно язвительные отзывы... Смотритель Лаптевъ относился къ нему съ почтеніемъ и гордился, что подъ его начальствомъ состоитъ коллежскій совѣтникъ.

Черезъ нѣсколько дней въ нашу камеру, подъ

внимательнымъ руководствомъ самого Лаптева, внесли еще одну кровать. — Кого это Богъ намъ дастъ, Ипполитъ Павловичъ? — спросили мы у смотрителя.

— Привезутъ съ поѣздомъ... надворнаго совѣтника...

Этотъ надворный совѣтникъ оказался Николаемъ Федоровичемъ Анненскимъ. Я уже видѣлъ его разъ, попавъ на собраніе «трезвыхъ философовъ», — неузаконеннаго кружка, группировавшагося около «Отечественныхъ Записокъ». Тамъ кидался въ глаза человѣкъ лѣтъ уже за тридцать, полный, необыкновенно жизнерадостный и веселый. Во время перерывовъ за нимъ постоянно слѣдовалъ хвостъ молодежи, прислушиваясь къ его мѣткимъ замѣчаніямъ, сдобреннымъ постоянными шутками, каламбурами, остротами... Въ то время онъ уже пріобрѣлъ извѣстность своими экономическими статьями. Онъ все готовился къ каѳедрѣ, но разныя обстоятельства мѣшали его ученой карьерѣ; пока онъ занимался литературой и служилъ въ министерствѣ путей сообщенія, куда министръ (кажется Посьетъ) охотно принималъ лицъ свободнаго образа мыслей.

— «Вы, конечно, конституціоналистъ, — говорилъ онъ одному изъ кандидатовъ, — это вашей службѣ помѣшать не можетъ. Всѣ просвѣщенные люди теперь конституціоналисты». Жандармы, конечно, думали иначе и послѣ приказа «не стѣсняться ни званіемъ, ни состояніемъ», — произвели атаку на либеральное вѣ-

домство. Одной изъ жертвъ этой атаки и сталъ Н. Ф. Анненскій.

Въ нашу камеру онъ вошелъ съ улыбкой и шуткой на устахъ и сразу сталъ всѣмъ близкимъ. Какая-то особая привлекательная беззаботность вѣяла отъ этого замѣчательнаго человѣка, окружая его какъ бы свѣтящейся и освѣщающей атмосферой. Къ своей служебной карьерѣ онъ относился насмѣшливо, какъ къ временному этапу. У него была та бодрая увѣренность въ собственныхъ силахъ, которую придаютъ солидныя знанія и способность къ работѣ. Въ ссылкѣ онъ принялся сначала за литературу, а затѣмъ сталъ однимъ изъ самыхъ выдающихся организаторовъ земской статистики въ Казани, а потомъ въ Нижнемъ, пока не переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ принялъ живѣйшее участіе въ «Русскомъ Богатствѣ».

Вскорѣ послѣ его водворенія къ намъ внесли еще одну кровать, уже седьмую, и Ипполитъ Павловичъ заявилъ, что на этотъ разъ прибылъ «маіоръ» Павленковъ. Видъ у Лаптева былъ особенно торжественный.

Въ тотъ же день, послѣ вечерней повѣрки, дверь нашей камеры открылась, и въ нее вошелъ Ипполитъ Павловичъ. Онъ пришелъ познакомиться съ маіоромъ. Войдя, онъ прямо подошелъ къ его койкѣ и, попросивъ позволенія, присѣлъ на ближайшую кровать.

Я очень жалѣю, что не могу воспроизвести эту картину. Другъ противъ друга сидѣли два человѣка, представлявшіе прямую противоположность. Лаптевъ, огромный, неуклюжій, съ топорнымъ лицомъ простодушнаго гиганта, въ

мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, какъ будто онъ явился къ начальству. И противъ него — маленькій человѣкъ въ арестантскомъ халатѣ, съ мелкими чертами лица и вздернутымъ носикомъ. Его живые темные глаза сверкали лукавой усмѣшкой...

Нѣкоторое время оба молчали и глядѣли другъ на друга. Лаптевъ началъ первый.

— Какъ же это, господинъ маіоръ?..

— То-есть?..

— То-есть... За что же?..

Павленковъ пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Не знаю, — сказалъ онъ кратко.

— Ну... можетъ быть все таки... хоть догадываетесь...

— И не догадываюсь, — рѣшительно сказалъ Павленковъ и тотчасъ же, кинувъ исподлобья взглядъ своихъ быстрыхъ глазъ на смущенное лицо Лаптева, прибавилъ:

— А вѣдь я знаю, что вы сейчасъ подумали, г. смотритель.

— Это не можетъ быть, — сказалъ Лаптевъ съ сомнѣніемъ...

— Вы сейчасъ подумали: вотъ бывшій офицеръ, отставной маіоръ... А какъ вретъ...

Съ Лаптевымъ случилось что-то необычайное. Его большіе глаза остолбенѣли, онъ невольно поднялся съ своего сидѣнія и растерянно оглянулся на насъ всѣхъ.

— Правда, — сказалъ онъ съ изумленіемъ. — Ей-Богу, правда... Извините меня, господинъ маіоръ, но ей-Богу — подумалъ... И какъ вы могли угадать...

Впослѣдствіи, когда мы всѣ, свидѣтели этой

сцены, давно оставили В. П. Т. и наши мѣста заняли другіе временные жильцы, — Лаптевъ любилъ показывать мѣста, гдѣ у него жилъ надворный совѣтникъ и писатель Анненскій, другой писатель — Волоховъ и наконецъ — издатель многихъ книгъ, маіоръ Павленковъ.

— Пг'оницательный человѣкъ, — прибавлялъ онъ каждый разъ, — мысли въ душѣ человѣка читаетъ, какъ въ открытой книгѣ...

За что, въ самомъ дѣлѣ, былъ высланъ Павленковъ? Въ точности я не знаю, какіе доносы поступили на него отъ филеровъ и сыщиковъ, но основную почву составляло конечно то, что онъ былъ одинъ изъ неблагонадежнѣйшихъ издателей. Молодой офицеръ во времена Добролюбова и Писарева бросаетъ военную службу и приступаетъ къ изданію книгъ. Для него это былъ, несомнѣнно, не способъ заработка (хотя и въ этомъ отношеніи онъ велъ свои дѣла очень практично), но также и «дѣло идей». Я помню одну лекцію въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ, гдѣ лекторъ, излагая ученіе извѣстнаго астрофизика аббата Секки — привелъ параллельно мѣста изъ его книги «Единство физическихъ силъ» и русскаго перевода этой книги, изданнаго Павленковымъ. Въ переводѣ оказались исключенными всѣ мѣста, гдѣ авторъ, замѣчательный ученый, но вмѣстѣ іезуитскій аббатъ, — допускалъ непосредственное вліяніе божества на основныя свойства матеріи, какъ тяготѣніе. Когда я передалъ объ этой лекціи Павленкову, онъ усмѣхнулся и сказалъ: — «Еще бы! Стану я распространять іезуитскую софистику».

Съ энергіей, съ настойчивостью, съ присущимъ ему необыкновеннымъ лукавствомъ, въ цѣломъ рядѣ изданій онъ старался провести извѣстное міровоззрѣніе, такъ какъ изданная имъ библіотека представляла въ этомъ отношеніи извѣстную цѣльность. Цензура не могла справиться съ этимъ: онъ умѣлъ ее обойти, — гдѣ взяткой, гдѣ просто лукавствомъ. При изданіи сочиненій Писарева, цензура уничтожила одну статью, а издателя постановила привлечь къ суду. Въ промежуткѣ между конфискаціей книги и судомъ Павленковъ успѣлъ съѣздить въ Москву, представилъ въ московскую цензуру запрещенную статью Писарева и... получилъ разрѣшеніе. На судѣ цензурное вѣдомство оказалось въ глупѣйшемъ положеніи: въ Петербургѣ судятъ за то, что въ Москвѣ одобряетъ цензура. Судъ оправдалъ Павленкова, но постановилъ уничтожить самую статью. Павленковъ привелъ на гласный судъ стенографа, который записалъ пренія. Прокуроръ цитировалъ ту часть статьи, которая подавала поводъ къ обвиненію. Защитникъ привелъ обширныя цитаты изъ другихъ ея частей. Такимъ образомъ, почти вся статья цитировалась въ преніяхъ, а такъ какъ процессы гласнаго суда тогда печатались, то Павленковъ ввелъ стенографическій отчетъ въ послѣдній томъ изданія. Судебное преслѣдованіе не помѣшало появленію статьи, а только содѣйствовало ея огласкѣ.

Помню еще такой случай: Павленковъ издалъ какую-то азбуку съ книжкой для начальнаго чтенія, которую цензура тотчасъ же конфисковала. Извѣстіе о «неблагонадежной аз-

букѣ» тотчасъ же распространилось среди молодежи, и книжечка стала ходить по рукамъ нелегальнымъ образомъ. Затѣмъ Павленковъ заказалъ предисловіе, авторъ котораго жестоко разносилъ изданную имъ азбуку и предлагалъ вмѣсто критикуемой книжки для первоначальнаго обученія свою. Цензура пропустила книжку, не замѣтивъ, что къ этому предисловію былъ приложенъ... тотъ же запрещенный ею текстъ... Павленкову оставалось только устранить предисловіе, на что онъ имѣлъ законное право, а книжку пустить въ продажу съ большимъ успѣхомъ, такъ какъ его продѣлка стала опять широко извѣстна. На этотъ разъ цензура не рискнула вторичнымъ процессомъ.

Вся его издательская дѣятельность прошла въ такой борьбѣ съ цензурой. Конечно, все это было неуловимо для точной законной квалификаціи. Нельзя же было карать человѣка по закону за то, что цензора глупы или продажны. Но административный порядокъ съ его «неблагонадежностью», — дѣло другое. Павленковъ сначала былъ высланъ въ Вятку.

Здѣсь онъ опять ухитрился издать сборникъ подъ названіемъ «Вятская Незабудка», для котораго соединилъ литературныя силы ссыльныхъ. Сборникъ былъ ярко обличительный, имѣлъ громадный успѣхъ не только на мѣстѣ, но и на общемъ книжномъ рынкѣ и опять причинилъ много хлопотъ цензурѣ.

Здѣсь же съ Павленковымъ случился очень характерный для него эпизодъ. Онъ получилъ изъ столицы извѣстіе, которое призывало его въ Петербургъ недѣли на двѣ. Добиться отпу-

ска изъ ссылки не было никакой надежды. Приходилось опять пуститься на хитрость.

Въ то время въ Вяткѣ существовалъ уже особый порядокъ надзора: ссыльные обязаны были являться ежедневно и расписываться въ полицейскомъ управленіи. Съ Павленковымъ все таки поцеремонились: онъ сказался больнымъ, и къ нему посылали полицейскаго на квартиру. Павленковъ сумѣлъ добиться и еще одной уступки: полицейскій не являлся къ нему лично, а справлялся у хозяйки. Павленковъ облегчилъ ему этотъ надзоръ: его квартира была во 2-мъ этажѣ, и окна ея выходили на улицу. Каждый вечеръ въ опредѣленные часы Павленковъ прогуливался по своей комнатѣ, и его тѣнь размѣренно мелькала на освѣщенныхъ лампою шторахъ. Съ нѣкоторыхъ поръ хозяйка, — кстати сказать, очень преданная своему неблагонадежному жильцу, — сообщила полицейскому, что Павленковъ нездоровъ, очень раздражителенъ и даже ей не позволяетъ безъ крайней надобности входить въ его комнаты. Но все таки въ опредѣленные часы силуэтъ поднадзорнаго появлялся на освѣщенныхъ шторахъ къ полному удовлетворенію полицейскаго.

Такъ прошла недѣля. Павленковъ былъ въ Петербургѣ, а на шторахъ появлялся силуэтъ хозяйкина сына, обвязаннаго, въ «виду болѣзни» шарфами. У полицейскаго явились все таки подозрѣнія. Онъ сталъ безпокойно приставать къ хозяйкѣ и наконецъ потребовалъ, чтобы она допустила его къ жильцу. Та отговаривалась подъ разными предлогами, а сама въ это

время послала въ Петербургъ условную телеграмму. Полицейскій еще дня три довольствовался созерцаніемъ силуэта на окнѣ, но его подозрѣнія и безпокойство росли и принимали все болѣе осязательныя формы. Онъ сталъ настоятельно требовать свиданія. Положеніе обострялось. Наконецъ, полицейскій потерялъ терпѣніе и, устранивъ, послѣ нѣкотораго шума, хозяйку, бросился наверхъ по лѣстницѣ, громко требуя, чтобы Павленковъ ему показался. Онъ былъ уже на верхнихъ ступенькахъ, когда дверь вдругъ открылась, и на порогѣ показался... Павленковъ.

— Что вы тутъ дебоширите! .. Вонъ. Я пожалуюсь губернатору.

Ошеломленный полицейскій чуть не кубаремъ скатился съ лѣстницы. Только за полчаса передъ тѣмъ въ сумерки Павленковъ вернулся и незамѣтно пробрался въ квартиру. Этотъ эпизодъ Павленковъ охотно разсказывалъ, и при этомъ воспоминаніи его живые глазки сверкали удовольствіемъ.

Благодаря разностороннимъ связямъ и настойчивости, ему удалось освободиться изъ подъ надзора и вернуться въ Петербургъ. Жандармы имѣли удовольствіе увидѣть его опять съ тѣми же мефистофельскими пріемами относительно цензуры и... съ «Вятской Незабудкой», на которую изъ Вятки летѣли жалобы: неблагонадежные ссыльные жестоко высмѣивали въ сборникѣ благонамѣренную вятскую администрацію. Это, наконецъ, надоѣло, и Павленковъ очутился въ В. П. Т. Могъ ли

онъ точно отвѣтить на вопросъ Ипполита Павловича Лаптева, за что его высылаютъ?..

Онъ былъ «сочувствующій», — это несомнѣнно. Однажды въ нашей камерѣ затѣялся разговоръ о томъ, что можно дѣлать для политическаго развитія Россіи, кромѣ террора. Я продолжалъ доказывать, что необходимо поднять уровень сознанія въ народѣ, что для этого необходимо идти съ широкой проповѣдью культуры со стороны мирной интеллигенціи и нелегально проводить только политическіе взгляды о необходимости измѣненія строя. Павленковъ рѣзко возразилъ: просвѣщеніе подавляется, учитель превращенъ въ казенную машину для обученія азбукѣ, а нелегальная идейная работа требуетъ совершенно «сверхсмѣтныхъ» качествъ со стороны пропагандистовъ. Остается только одинъ путь. Это — терроръ.

Меня поразилъ тогда рѣшительный тонъ, прозвучавшій въ этомъ возраженіи. Вообще мягкій и слабый голосъ Павленкова звучалъ какими-то гнѣвными нотами. Большинство собесѣдниковъ съ нимъ соглашалось. Это носилось въ воздухѣ... Это была сила вещей.

CVII

ИСТОРІЯ ПЕТИ ПОПОВА

Одной изъ самыхъ оригинальныхъ фигуръ среди интеллигентной молодежи, наполнявшей тогда камеры В. П. Т., представляется мнѣ Петръ Зосимовичъ Поповъ, котораго всѣ мы

называли попросту Петей Поповымъ. Родомъ онъ былъ изъ Петрозаводска, гдѣ учился въ одной гимназіи съ моимъ зятемъ, Лошкаревымъ. Я познакомился съ нимъ еще на волѣ, и мы вмѣстѣ ходили на петербургскую сторону къ П. А. Лебедеву, мастеру патроннаго завода, гдѣ пытались изучать слесарное дѣло.

Въ то время (1879 годъ) ему шелъ 21-й годъ. Въ его наружности не было никакихъ внѣшнихъ признаковъ «интеллигента». Небрежно одѣтый, въ простой блузкѣ, онъ скорѣе походилъ на фабричнаго мальчишку, чѣмъ на студента медико-хирургической академіи... Только разговорившись съ этимъ простоватымъ на видъ юношей, можно было замѣтить, что подъ невзрачной наружностью скрывается незаурядная и чрезвычайно оригинальная личность.

Есть у Щедрина разсказъ «Непокорный Коронатъ». Сынъ священника не хочетъ идти по стопамъ родителя, а желаетъ пахать землю. Впослѣдствіи желаніе вымышленнаго щедринскаго героя оказалось до такой степени нецензурнымъ, что уже въ отдѣльномъ изданіи этотъ юноша превратился въ «непочтительнаго Короната», сына кузины Машеньки, и непочтительность его смягчена: онъ уже стремится не къ землепашеству, а только желаетъ смѣнить выбранную маменькой юридическую карьеру на карьеру медика. Сыну почтенныхъ родителей даже въ беллетристическомъ разсказѣ не полагалось пахать землю, какъ мужику...

А между тѣмъ такое стремленіе было у очень многихъ молодыхъ людей моего поколѣнія, и можетъ быть это-то и казалось опас-

нымъ. Сначала пашня, а потомъ пропаганда. Между тѣмъ цѣлые годы народническо-литературной проповѣди не прошли даромъ, и стремленіе просто зажить трудовой жизнью, опроститься, даже безъ стороннихъ цѣлей, — уже тогда сказывалось у многихъ, и Петя Поповъ былъ однимъ изъ такихъ юношей. Онъ говорилъ совершенно откровенно, что убѣжденія его еще не сложились, что онъ не считаетъ себя революціонеромъ, а только хочетъ сдѣлать опытъ, — сможетъ ли онъ жить трудовой жизнью, такъ какъ его не манитъ ни одна изъ интеллигентныхъ профессій. При этомъ было что-то въ его характерѣ, что очень быстро сближало его именно съ простыми людьми. Онъ не имѣлъ въ виду ни учительства, ни пропаганды: ему только хотѣлось жить жизнію трудового народа, въ одинаковыхъ съ нимъ условіяхъ... Для этого онъ рѣшилъ поступить на одну изъ петербургскихъ фабрикъ.

Познакомившись съ кружкомъ молодыхъ рабочихъ, кажется, патроннаго завода и по обыкновенію скоро сойдясь съ ними на товарищескую ногу, онъ устроился на заводѣ, причемъ рабочіе на первое время, не безъ вѣдома мастера, помогали ему исполнять уроки. Въ то время онъ былъ студентъ медико-хирургической академіи, и этого, конечно, отъ рабочихъ не скрывалъ. Держался онъ съ ними просто, какъ сверстникъ и товарищъ. По праздникамъ они вмѣстѣ ходили въ театръ и досуги проводили за чтеніемъ. Чтеніе, конечно, бывало всякое: кружокъ уже былъ отчасти затронутъ начинавшимся тогда броженіемъ. Пе-

тя Поповъ былъ не пропагандистомъ, а только членомъ кружка рабочихъ, совмѣстно старавшихся рѣшить поставленные временемъ вопросы. Въ это время я видѣлся съ нимъ рѣдко, но, когда мы видѣлись, онъ съ увлеченіемъ разсказывалъ о жизни въ новой средѣ. Революціонеромъ себя по прежнему не считалъ и рѣшительно отклонялъ всякія «партійныя порученія».

Чѣмъ кончился бы для него этотъ опытъ, — сказать трудно. Но — почва для такихъ «Коронатовъ» была тогда скользкая. Щедринскій Коронатъ (въ первой редакціи) тоже скоро узналъ все неудобство для сына привилегированныхъ родителей заниматься непривилегированнымъ дѣломъ. Узналъ это на опытѣ и Петя Поповъ. Кружокъ рабочихъ, проводящихъ досуги не въ пьянствѣ, а въ совмѣстномъ чтеніи, навлекъ на себя доносъ и обратилъ вниманіе жандармовъ. Въ одинъ день, когда товарищи были на заводѣ, а Петя оставался на квартирѣ одинъ вслѣдствіе нездоровья, — онъ увидѣлъ въ окно полицію и понятыхъ. Догадавшись, что это идутъ къ нимъ, онъ успѣлъ взять въ руки невинную брошюрку «Сельцо Отрадное», и неожиданные посѣтители застали его погруженнымъ въ чтеніе. Онъ былъ моложавъ не по возрасту и имѣлъ видъ фабричнаго парня, по складамъ разбирающаго печатное.

На этомъ онъ основалъ планъ защиты и разыгралъ свою роль такъ искусно, что даже найдя кое-что нелегальное, обыскивавшій жандармъ повѣрилъ всему, что ему разсказалъ «про-

стоватый паренекъ»: нелегальщину принесъ молодой господинъ...

— Въ очкахъ и пледѣ? — проницательно вставилъ жандармъ.

— Да, въ очкахъ и пледѣ, и приказалъ непремѣнно прочитать. Но читать его книги скучновато, — «Сельцо Отрадное» много занятнѣе... Въ это минуту вернулись съ завода товарищи. Поповъ кинулся имъ навстрѣчу и, захлебываясь, съ увлеченіемъ сталъ говорить, что онъ уже все разсказалъ его благородію про студента въ очкахъ и пледѣ. Пусть, ежели эти книги вредныя, — самъ и отвѣчаетъ...

Все это было такъ натурально, что дня черезъ три рабочихъ, для порядка все таки арестованныхъ, отпустили, прочитавъ соотвѣтствующее наставленіе. Петѣ Попову жандармъ посовѣтовалъ еще особо, — уѣзжать лучше домой: такимъ дурачкамъ въ столицѣ неудобно, — какъ разъ запутаешься и пропадешь. Вотъ видишь, ты и фамиліи своей подписать не умѣешь...

Такъ этотъ эпизодъ и сошелъ бы благополучно для всего кружка, если бы не особое обстоятельство. Въ числѣ понятыхъ при обыскѣ случился дворникъ того дома, гдѣ Петя еще недавно жилъ въ качествѣ студента медика. По странной прихоти этого своеобразнаго юноши, онъ даже не перемѣнилъ фамиліи, поселившись съ рабочими, и только въ паспортѣ измѣнилъ званіе студента на званіе крестьянина. Дворникъ былъ парень глуповатый и смотрѣлъ съ изумленіемъ на непонятное превращеніе студента въ фабричнаго ра-

бочаго. Такъ онъ и не рѣшился сказать о своемъ открытіи во время обыска, но дня черезъ два, тяжело обдумавъ весь эпизодъ, онъ все таки понесъ свои сомнѣнія къ управляющему домомъ, который тотчасъ же направилъ его къ начальству. Жандармы сначала не повѣрили: трудно было думать, чтобы пропагандистъ не перемѣнилъ фамилію. Но все-таки, наведя кое-какія справки, убѣдились, кого они сочли дурачкомъ и кому давали снисходительные совѣты — уѣзжать изъ Петербурга.

Совѣтъ этотъ Поповъ, конечно, исполнилъ. Давъ товарищамъ подробнѣйшія наставленія, какъ имъ держать себя, онъ уѣхалъ на родину, въ Петрозаводскъ, чтобы записаться на призывъ въ воинскомъ присутствіи, такъ какъ личный вопросъ о продолженіи образованія онъ еще для себя считалъ нерѣшеннымъ. Рабочихъ арестовали вторично, но скоро опять отпустили, а Поповъ, безпрепятственно отбывъ формальности по воинской повинности, уѣхалъ пока что въ Москву.

Тутъ злая судьба захотѣла, чтобы онъ, скрываясь, попалъ какъ разъ на конспиративную квартиру шпіона Ренштейна, о которомъ я говорилъ въ третьемъ томѣ. Роль Ренштейна, къ тому времени, выяснилась вполнѣ, и онъ былъ убитъ. Я уже упоминалъ о тѣхъ кошмарныхъ дняхъ и ночахъ, которые наступили для жильцовъ конспиративной квартиры послѣ убійства ея хозяина. Напомню теперь эту исторію. Жильцовъ въ квартирѣ Ренштейна было трое. Поповъ, затѣмъ С-въ, тотъ «любитель революціи», о которомъ я тоже упоминалъ въ третьемъ

томѣ. Несмотря на урокъ съ первымъ арестомъ, — С-въ опять принялъ участіе въ какой-то конспираціи и вынужденъ былъ скрываться. Съ ними жилъ еще одинъ недавно пріѣхавшій изъ провинціи рабочій изъ крестьянъ. У бѣдняги тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву украли деньги и паспортъ. Петя Поповъ нашелъ его на вокзалѣ въ полной растерянности отъ пропажи и тотчасъ же предложилъ ему пріютъ на конспиративной квартирѣ, пока ему вышлютъ по этому адресу новый паспортъ. Затѣмъ Поповъ тотчасъ же подружился съ нимъ и до прихода паспорта не могъ его бросить.

Въ теченіи почти двухъ недѣль полиція не знала, что ея ловкій агентъ лежитъ убитый въ номерѣ одной изъ московскихъ гостинницъ. «Партія», знавшая о конспиративной квартирѣ, рѣшила предупредить объ этомъ С-ва. Въ серединѣ ночи раздался звонокъ. С-въ пошелъ отворять. На его вопросъ отвѣтилъ дворникъ, который привелъ какого-то незнакомаго человѣка. Тотъ подалъ С-ву запечатанный конвертъ, и тотчасъ же оба ушли. С-въ вошелъ въ спальню, вскрылъ конвертъ, страшно измѣнился въ лицѣ и, выскочивъ на площадку, сталъ звать ушедшихъ. На темной лѣстницѣ никто ему не откликнулся. С-въ вернулся къ себѣ, бросился на кровать лицомъ въ подушку и на всѣ вопросы Попова только отмахивался: «Не спрашивай, ради Бога, не спрашивай»... Поповъ насильно взялъ у него таинственный конвертъ. Въ немъ сообщалось, что хозяинъ квартиры, шпіонъ Ренштейнъ, убитъ по при-

говору партіи. С-въ предупреждается объ этомъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ никому не сообщалъ «подъ страхомъ смертной казни».

На слѣдующее утро С-въ оставилъ квартиру, но Поповъ не могъ этого сдѣлать изъ участія къ рабочему, ни къ чему не причастному и выжидавшему со дня на день паспорта. Легко представить настроеніе этихъ двухъ жильцовъ роковой квартиры. Съ утра рабочій уходилъ на фабрику, а Поповъ въ Петровскую академію и по студенческимъ квартирамъ, гдѣ нужно было предупредить людей, имѣвшихъ дѣло съ Ренштейномъ. Попова не пугала «угроза смертной казни», и скоро вся радикальная молодежь знала о судьбѣ Ренштейна. Поповъ первое время не вѣрилъ, что его пріятель-рабочій былъ провокаторомъ, и считалъ убійство роковой ошибкой. Только впослѣдствіи, изъ показаній его жены, убѣдился, что подозрѣнія были основательны. А пока — каждый вечеръ онъ возвращался къ товарищу, и они вмѣстѣ проводили тревожныя ночи, ежеминутно ожидая, что къ нимъ нагрянетъ полиція. Рабочій, кромѣ того, питалъ суевѣрный страхъ, и ему казалось, что по темной квартирѣ ходитъ ея мертвый хозяинъ.

Наконецъ, паспортъ былъ полученъ, и Поповъ могъ оставить своего товарища, который поселился легально на новой квартирѣ. И только послѣ этого трупный запахъ, распространявшійся изъ номера гостинницы, заставилъ вскрыть дверь. Убійство было обнаружено. Кинулись на квартиру Ренштейна, но тамъ никого уже не было.

Для Попова начались нелегальныя скитанія, какъ и для С-ва. Въ Москвѣ шли сплошные обыски, и скоро С-въ былъ арестованъ. «Любитель революціи» тотчасъ же прибѣгъ къ своему обычному пріему: разсказалъ все, о чемъ его спрашивали, и даже то, о чемъ совсѣмъ не спрашивали. Разсказалъ и то, кто были другіе жильцы конспиративной квартиры. Полиція, конечно, рѣшила, что въ лицѣ Попова она имѣетъ дѣло съ «важнымъ и опытнымъ политическимъ преступникомъ» и стала его усиленно разыскивать. Скоро и онъ былъ арестованъ.

По дѣлу Ренштейна была назначена особая слѣдственная комиссія, засѣдавшая въ зданіи окружнаго суда. Засѣданія эти происходили очень торжественно, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока комиссіи не пришлось допрашивать Попова. Поповъ поставилъ себя въ отношеніи слѣдователей совершенно особымъ образомъ. Когда его ознакомили съ показаніями С-ва, который ихъ закончилъ обращеніемъ къ товарищамъ съ просьбой вспомнить, что «давая эти показанія, — онъ сидѣлъ въ темницѣ», — то Поповъ откровенно заявилъ, что еще не составилъ себѣ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, но со школьной скамьи питаетъ отвращеніе къ доносу. Поэтому, сколько бы его ни держали въ тюрьмѣ, — отъ него не добьются ни одного показанія о другихъ. О себѣ онъ скажетъ все. Когда предсѣдатель все таки далъ ему листъ бумаги и предложилъ, ознакомившись подробно съ показаніями С-ва, — отвѣтить совершенно откровенно на всѣ во-

просы, то Поповъ, пожавъ плечами, бумагу взялъ, но вернулъ ее съ такими показаніями, что предсѣдатель, начавшій читать съ тѣмъ же важнымъ и торжественнымъ видомъ, вскорѣ потерялъ всю свою важность и едва могъ дочитать ее громко. Начавъ тѣмъ же торжественнымъ и офиціальнымъ тономъ, Поповъ совершенно неожиданно, нигдѣ не отступая отъ принятыхъ канцелярскихъ формъ, уснастилъ свои показанія такими юмористическими выходками, что за столомъ стоялъ сплошной хохотъ. Даже чиновники изъ другихъ отдѣленій суда открывали двери и тихонько проникали въ комнату, гдѣ происходило такое веселое слѣдствіе. И это повторялось каждый разъ, когда для допроса приводили этого простоватаго на видъ, невзрачнаго мальчика. Онъ умѣлъ отлично пользоваться особенностями торжественнаго канцелярскаго стиля въ юмористическихъ цѣляхъ, и неожиданно находилъ смѣшную сторону въ офиціальныхъ дѣйствіяхъ. Вначалѣ къ нему относились съ тою надменною снисходительностью, какую вызывалъ его простоватый видъ. Однажды онъ попросилъ, чтобы его перевели изъ какой-то части, гдѣ онъ до тѣхъ поръ содержался, въ болѣе приличное и болѣе здоровое помѣщеніе. Одинъ изъ участниковъ комиссіи, молодой товарищъ прокурора, важно замѣтилъ, что онъ самъ, будучи студентомъ, тоже содержался въ этой части. Поповъ вздохнулъ и посмотрѣлъ на него восторженными глазами.

— И съ тѣхъ поръ успѣли искупить заблужденія и достигнуть такихъ высокихъ степе-

ней... Скажите мнѣ, пожалуйста, какъ вы этого достигли? Можетъ и меня удостоитъ Господь?..

Опять за столомъ раздался хохотъ. Вѣроятно, у молодого товарища прокурора были свои причины не открывать благодѣтельнаго рецепта, и онъ пожалѣлъ о своей снисходительности къ лукавому юношѣ.

Я не помню фамиліи предсѣдателя этой комиссіи. Это, должно быть, былъ человѣкъ не глупый и успѣлъ разглядѣть истину: юноша, почти мальчикъ, замѣчательно даровитый и необыкновенно симпатичный, благодаря только особенностямъ нашихъ порядковъ — вовлеченъ въ трагическую исторію политическаго убійства. Подъ конецъ слѣдствія онъ совершенно оставилъ по отношенію къ Попову сухой и офиціальный тонъ и даже.. призналъ на прощаніе, что желаетъ ему остаться и впредь такимъ же и что въ его отвращеніи къ доносу есть много здороваго...

Комиссія дала о Поповѣ самый лучшій отзывъ и, если бы дѣло рѣшалось ею, то Попова оставалось бы только немедленно освободить. Но... жандармы строже смотрѣли на продѣлку «непокорнаго Короната» съ ихъ петербургскимъ товарищемъ, и въ одинъ прекрасный день Поповъ присоединился къ обществу В. П. Т., а затѣмъ послѣдовалъ въ восточную Сибирь.

Въ наши тюремныя будни онъ внесъ большое оживленіе. Повидимому онъ самъ начиналъ все больше и больше сознавать въ себѣ присутствіе внутренняго юмора и съ нѣкоторымъ

удовольствіемъ какъ бы прислушивался къ нему. Порой онъ даже любилъ испытывать его силу. Часто въ часы, когда у насъ водворялась тюремная тоска, стоило Попову появиться въ камерѣ со своимъ простоватымъ видомъ и неожиданной шуткой, — чтобы тоскливая атмосфера разсѣялась. Подъ конецъ онъ достигалъ этого однимъ своимъ появленіемъ. Былъ у насъ рабочій, по фамиліи Волосковъ. Это былъ дюжій, нѣсколько мѣшковатый парень съ медленными и какъ будто утомленными движеніями. Во время одного изъ бунтовъ заключенныхъ въ домѣ предварительнаго заключенія, — кажется во время расправы Трепова надъ Боголюбовымъ, — на него «надѣли нарукавники». Это приспособленіе при нѣсколько неосторожномъ употребленіи «можетъ навсегда испортить человѣка», какъ говорилъ Волосковъ. И его дѣйствительно испортили: онъ кашлялъ, пріобрѣлъ вялость движеній и тоску... Развеселить его могъ только Поповъ. Послѣдній пріобрѣлъ надъ нимъ такую власть, что, стоило ему порой мигнуть особымъ образомъ или показать палецъ, какъ Волосковъ начиналъ смѣяться, а при нѣкоторомъ продолженіи, — кидался съ хохотомъ на кровать и упрашивалъ товарищей — увести Попова...

И все-таки это былъ только «веселый меланхоликъ», какъ Пушкинъ когда-то назвалъ Гоголя. Однажды, когда ему удалось опять разогнать тучу тюремной тоски своими неожиданными выходками, я сказалъ ему, сидя съ нимъ рядомъ на тюремной постели:

— Счастливый вы человѣкъ, Петя. Въ васъ

такой неистощимый запасъ жизненной радости.

Онъ задумчиво посмотрѣлъ передъ собой внезапно потускнѣвшими глазами и сказалъ:

— А между тѣмъ... вспомните когда-нибудь этотъ разговоръ. Я, вѣроятно, кончу самоубійствомъ...

Я счелъ это тогда шуткой. Забѣгая впередъ, скажу, что въ ссылку Поповъ попалъ сначала въ Красноярскъ, а потомъ въ Минусинскъ, и въ обоихъ этихъ городахъ въ то же время жилъ мой зять съ семьей и моя мать. Петя былъ съ ними очень друженъ, проводилъ у нихъ много времени и попрежнему оживлялъ все ссыльное общество. Повременамъ однако въ немъ стала появляться нѣкоторая нервность и неровности...

Въ чемъ же крылся источникъ меланхоліи этого веселаго юноши.

Мать и сестра разсказывали мнѣ слѣдующій случай... Въ Красноярскѣ составился большой и дружный кружокъ ссыльныхъ. Потомъ администрація рѣшила, что, такъ какъ Красноярскъ лежитъ на большомъ сибирскомъ трактѣ, то ссыльныхъ лучше перевести въ Минусинскъ. Кажется именно въ Минусинскѣ ихъ посѣтилъ извѣстный изслѣдователь сибирской ссылки американецъ Кеннанъ. Описывая одинъ изъ устроенныхъ для него ссыльными загородныхъ пикниковъ, онъ разсказываетъ, между прочимъ, о цѣлой стайкѣ совсѣмъ молоденькихъ дѣвушекъ, высланныхъ съ юга одесскимъ генер.-губернаторомъ Тотлебеномъ, вѣрнѣе его адъютантомъ, Панютинымъ. Набро-

савъ силуэтъ одной изъ такихъ дѣвушекъ, дѣтски веселаго полуребенка, — Кеннанъ приводитъ затѣмъ свой разговоръ съ сопровождавшимъ его пріятелемъ-художникомъ. — Знаешь что, — сказалъ одинъ американецъ другому: — если бы я былъ русскимъ императоромъ и не могъ спать спокойно до тѣхъ поръ, пока такія дѣвочки не удалены отъ меня на десять тысячъ верстъ, то... я бы лучше отказался отъ этого безпокойнаго престола...

Съ одной изъ такихъ дѣвушекъ, можетъ быть даже съ той самой, которую описывалъ Кеннанъ, у Попова установилась большая дружба, и, приходя въ квартиру матери и сестры, они цѣлые часы проводили въ веселой болтовнѣ и хохотѣ. Дѣвушка любила общество веселаго Пети, но порой обижалась, что онъ относится къ ней не серьезно и часто насмѣхается.

Въ дѣйствительности онъ относился къ ней даже слишкомъ серьезно. Однажды, когда оба они опять бесѣдовали въ сосѣдней комнатѣ, шутки и смѣхъ какъ-то стихли и вдругъ раздался удивленный голосъ дѣвушки:

— Послушайте, послушайте!.. Ей-Богу, Петя объясняется мнѣ въ любви.

— А ты и повѣрила. Ну, какъ же считать тебя умной, — отвѣтилъ Поповъ обычнымъ насмѣшливымъ тономъ. — Станетъ серьезный человѣкъ объясняться ей въ любви.

И онъ опять засыпалъ ее дразнящими остротами... Но черезъ нѣкоторое время вновь наступила тишина и вновь послышался торжествующій голосъ дѣвушки. Она хлопала въ ладоши и кричала:

— Честное слово, онъ цѣлуетъ у меня руки... На глазахъ у него слезы... Плачетъ, плачетъ... Что, — скажешь и это не серьезно?

— А ты опять повѣрила... Дура ты, д-дура.

И опять въ сосѣдней комнатѣ все стихло. Чуть доносился тихій голосъ Пети. Что говорилъ онъ? Можетъ быть убѣждалъ посмотрѣть на его слова серьезно безъ ребяческаго ехидства, можетъ быть старался разъяснить, какъ тяжело порой даются эти шутки, просилъ серьезно оцѣнить его чувство... Но безжалостная дѣвочка знала только, что Поповъ «смѣшной», что съ нимъ весело, и не могла представить себѣ другихъ чувствъ подъ такой не рыцарской наружностью. А вскорѣ въ ссыльный городъ прибылъ студентъ-полякъ изъ Варшавы, и она стала его женой.

Я не знаю навѣрное, — имѣла ли эта романическая исторія прямое вліяніе на рѣшеніе Попова, или явились еще другія причины, но только въ ссыльныхъ кругахъ еще до конца моей ссылки разнеслось извѣстіе: веселый Петя Поповъ застрѣлился...

CVIII

ИСТОРІЯ ЮНОШИ ШВЕЦОВА

Былъ среди интеллигентной молодежи В. П. Т. и еще одинъ интересный юноша съ любопытной дотюремной біографіей. Это Сергѣй Порфирьевичъ Швецовъ, впослѣдствіи извѣстный сибирскій статистикъ и писатель, играв-

шій въ послѣдніе годы довольно видную роль въ періодъ неудавшагося учредительнаго собранія. Когда онъ прибылъ въ В. П. Т., ему едва исполнилось 19 лѣтъ. А между тѣмъ, онъ успѣлъ уже испытать періодъ нелегальной жизни и сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Тифлисѣ, въ такъ называемомъ Метехскомъ замкѣ.

Совсѣмъ юношей онъ былъ членомъ такого же юнаго кружка революціонеровъ, который снарядилъ его однажды «на пропаганду». Ему дали въ руки цѣлую связку нелегальныхъ изданій и послали пѣшкомъ вдоль николаевской жел. дороги. По пути онъ долженъ былъ вести пропаганду и скрѣплять ее раздачей листковъ. Юноша отправился, сразу увидѣлъ, что для его пропаганды нѣтъ подходящихъ условій, никакой агитаціи не велъ и нелегальные листки такъ и несъ все время завязанными въ тючекъ, пока дорогой онъ не свалился гдѣ-то больной. Его подобрали и доставили съ его тючкомъ въ больницу какого-то уѣзднаго города Тверской, кажется, губерніи. Здѣсь онъ нѣкоторое время пролежалъ въ безпамятствѣ, потомъ выздоровѣлъ, выписался изъ больницы, получилъ въ неприкосновенности свой тючекъ и вернулся къ товарищамъ. Здѣсь уже шелъ разгромъ, и его сочли нужнымъ отправить для безопасности въ Тифлисъ, гдѣ онъ и проживалъ нелегально, попавъ по рекомендаціи въ кружокъ князя Орбеліани.

Этотъ грузинскій князь, вращавшійся въ высшемъ обществѣ Тифлиса, успѣлъ повидимому сорганизовать въ этомъ городѣ какую-то революціонную конспирацію, съ участіемъ свѣт-

ской молодежи. Говорили въ то время, что въ его кружкѣ участвовала даже дочь бывшаго кавказскаго намѣстника (фамилію его, къ сожалѣнію, забылъ). Жандармы кое-что узнали объ этомъ. Были даже произведены обыски, но осязательнаго ничего не нашли. Слухи дошли до Петербурга, и здѣсь неудачу принятыхъ мѣръ приписывали участію и заступничеству вліятельныхъ лицъ.

Во время одного изъ обысковъ арестовали Швецова, жившаго подъ вымышленной фамиліей. При видѣ этого юноши, почти мальчика, у власти явилась надежда, что онъ можетъ кое-что разсказать объ интересующей ихъ организаціи. Но юноша не давалъ никакихъ показаній.

Тогда произошелъ почти невѣроятный эпизодъ. Однажды, когда Швецовъ сидѣлъ въ своей камерѣ въ одномъ бѣльѣ, — дверь внезапно отворилась и въ камеру вошелъ немолодой офицеръ въ черкескѣ и бѣлой папахѣ. Пройдя вглубь камеры, чтобы положить папаху на столъ подъ окномъ, офицеръ повернулся къ койкѣ, на которой сидѣлъ Швецовъ, и подойдя къ нему, сказалъ:

— Молодой человѣкъ! Вы попали въ опасную компанію и вамъ грозитъ серьезное наказаніе. Но вы еще можете избѣгнуть грозящей вамъ участи, если разскажете все, что знаете о князѣ Орбеліани и о всѣхъ, причастныхъ къ его кружку.

Юноша получилъ самое простое воспитаніе, не отличался утонченными манерами и былъ

вспыльчивъ. Онъ понялъ, что ему для смягченія собственной участи предлагаютъ стать предателемъ, и — разсердился.

— П-послушайте, — сказалъ онъ, слегка заикаясь, что случалось съ нимъ всегда, когда онъ волновался. — П-послушайте. Возьмите свою папаху, подите вонъ и никогда не являйтесь къ честнымъ людямъ съ подлыми предложеніями.

Офицеръ былъ видимо озадаченъ, но тотчасъ же взялъ свою папаху и ушелъ. Оказалось, что юноша выгналъ такимъ невѣжливымъ образомъ... самого великаго князя Михаила Николаевича. Его высочество былъ повидимому очень заинтересованъ дѣломъ князя Орбеліани, считалъ, что вліятельные участники ловко тормозятъ разслѣдованіе и, узнавъ изъ докладовъ о юношѣ, арестованномъ при обыскѣ у Орбеліани, рѣшилъ подавить его своимъ величіемъ и исторгнуть важныя показанія. Результаты показали, какъ неудобно иной разъ совмѣщать высокое званіе съ функціями полицейскаго Лекока.

Вскорѣ послѣ этого — юноша еще даже не успѣлъ одѣться, какъ къ нему ворвались надзиратели и такъ, какъ былъ, въ одномъ бѣльѣ бросили въ карцеръ. Этотъ карцеръ находился посреди тюремнаго двора. Метехскій замокъ былъ когда-то крѣпостью, а карцеръ представлялъ нѣкогда пороховой погребъ. Стѣны были толщиной почти въ сажень, отверствія оконъ шли зигзагами въ нѣсколько поворотовъ. Темнота была абсолютная, полъ покрытъ липкой грязью. На немъ шевелились

и ползали какіе-то гады. Сюда сажали только за особо важные проступки. На этотъ разъ проступокъ показался «особо важнымъ».

Держали его тутъ нѣсколько дней и унесли въ безпамятствѣ въ тюремную больницу. Съ нимъ случился гнойный плевритъ. Могло бы кончиться еще хуже, если бы заключенныхъ въ этотъ карцеръ не охраняла особенная заботливость арестантской общины. Въ тотъ же день послѣ обѣда во время прогулки, во дворѣ вдругъ раздался неистовый шумъ: среди каторжныхъ вспыхнула общая свалка, одна изъ тѣхъ дракъ, на какія способны пылкіе кавказцы. Казалось, что это настоящій тюремный бунтъ и что арестанты разносятъ стѣны тюрьмы. Всѣ надзиратели и весь наличный караулъ кинулись въ отдаленный уголъ двора, откуда неслись крики. Въ это время дверь каменнаго мѣшка кто-то открылъ отмычкой. Вбѣжалъ арестантъ, подалъ Швецову бутылку коньяку и свертокъ съ ѣдой и сказалъ торопливо: «на три дня» и исчезъ тѣмъ же путемъ. А вскорѣ послѣ этого и драка стихла. Такая же исторія повторилась черезъ три дня, и только благодаря этому юноша уцѣлѣлъ.

Въ В. П. Т. онъ прибылъ сильно ослабѣвшимъ, съ удушливымъ кашлемъ и, только благодаря богатырскому сложенію, ему удалось все таки оправиться...

CIX

РАБОЧІЕ

Въ дальнѣйшемъ мы встрѣтимся еще съ представителями интеллигентной молодежи, населявшей тогда В. П. Т. Тутъ были студенты разныхъ высшихъ заведеній, были гимназисты, какъ Дорошенко и, помнится, Базилевскій, мой землякъ, ученикъ 6-го класса Житомірской гимназіи, были служащіе въ разныхъ учрежденіяхъ, какъ Кожуховъ, былъ молодой, только что окончившій врачъ Н. И. Долгополовъ, былъ прапорщикъ Верещагинъ, былъ другой отставной офицеръ Ахаткинъ, человѣкъ впрочемъ уже за 30 лѣтъ и больной... Помню еще студентовъ Алексѣева и Боголюбова, и кажется народнаго учителя Князевскаго. Очень возможно, что біографіи нѣкоторыхъ изъ нихъ тоже представляли интересныя черты, но я ихъ не узналъ.

Затѣмъ слѣдовала цѣлая группа рабочихъ, которыхъ стали привозить къ намъ изъ дома предварительнаго заключенія и изъ Московскихъ частей. Все это были по большей части еще очень молодые люди, за исключеніемъ бѣлорусса Девятникова, которому было уже за тридцать. Среди этой рабочей молодежи особенно ярко всплываетъ въ моей памяти фигура почти еще ребенка Шиханова. Когда его привезли въ В. П. Т. ему едва ли исполнилось 19 лѣтъ, но по наружности онъ выглядѣлъ еще моложе. У него было круглое лицо съ ямками на щекахъ, дѣтски свѣжее и румяное,

несмотря на то, что этотъ полуребенокъ уже года 4 провелъ въ домѣ предварительнаго заключенія. Представители нелегально существовавшаго политическаго краснаго креста сразу обратили вниманіе на этого очень милаго мальчика рабочаго и усиленно носили ему все, въ чемъ онъ могъ нуждаться. Онъ особенно просилъ книгъ и жадно поглощалъ сочиненія самаго серьезнаго содержанія. Читалъ онъ запоемъ цѣлые дни и — трудно представить, какой кавардакъ произошелъ въ юной головѣ отъ этого чтенія. У бѣднаго юноши, впитывавшаго новыя мысли, какъ губка, безъ предварительной подготовки и безъ руководства — какъ говорится — зашелъ умъ за разумъ. Когда камеры (часть нашего дня) бывали раскрыты, — звонкій голосъ Шиханова (или Шиханенка, какъ мы скоро стали называть его), то и дѣло выносился изъ той или другой камеры, куда онъ врывался, внося съ собой шумные споры. Спросилъ онъ страстно и съ необыкновеннымъ оживленіемъ, то и дѣло забрасывая противника массой цитатъ. Порой цитаты эти вызывали хохотъ, до такой степени онъ приводилъ ихъ въ разрѣзъ тому, что диктовалъ простой здравый смыслъ, но Шихановъ мало стѣснялся этимъ, всегда предпочитая цитату здравому смыслу.

Память у него была удивительная, тонъ всегда дѣтски-восторженный.

— Великій англійскій экономистъ Джонъ Стуартъ Миль, написавшій геніальную книгу объ утилитаризмѣ и свободѣ... — звенѣлъ его задорно мальчишескій голосъ въ одной камерѣ...

— Великій русскій философъ Николай Константиновичъ Михайловскій говоритъ по этому поводу... — черезъ полчаса неслось изъ другой...

— Истинно практичный русскій рабочій Обручевъ говорилъ мнѣ, — звенѣло въ третьей... — Этотъ Обручевъ, повидимому, произвелъ на мальчика Шиханова такое неизгладимое впечатлѣніе, что его мнѣніе онъ ставилъ наряду съ самыми мудреными цитатами. Все наше общество къ Шиханенку съ нѣкоторою нѣжностью, какъ къ ребенку, что не мѣшало порой со смѣхомъ выводитъ его изъ иной камеры, гдѣ онъ ужъ слишкомъ надоѣдалъ неудержимымъ шмелинымъ жужжаніемъ...

Его услали въ восточную Сибирь съ первой партіей. Одинъ изъ товарищей по ссылкѣ встрѣтился съ нимъ тамъ и впослѣдствіи разсказывалъ мнѣ объ его чудачествахъ, на почвѣ все той же начитанности. Какъ-то они вдвоемъ рѣшили бѣжать съ мѣста ссылки гдѣ-то въ Красноярскомъ или Минусинскомъ округѣ. Часть пути пришлось плыть въ лодочкѣ по чрезвычайно быстрому теченію Енисея. Шиханенокъ, не умѣвшій править, — сидѣлъ на веслахъ, болѣе опытный товарищъ — у руля. Въ извѣстномъ мѣстѣ на берегу Енисея ихъ должны были ждать, чтобы сообщить нужныя свѣдѣнія и адреса. Было условлено, для избѣжанія ошибки, что у гребца щека будетъ повязана, какъ будто отъ зубной боли. Но когда лодка приблизилась къ условленному мѣсту, то Шихановъ, къ удивленію товарища, наотрѣзъ отказался повязать щеку. Поворотъ былъ

опасный, рулевой не могъ оставить своего мѣста, а Шихановъ на всѣ убѣжденія отвѣчалъ, что платокъ придастъ ему не эстетическій видъ, и засыпалъ товарища цитатами о важности «эстетическаго элѐмента» въ жизни. Могло случиться, что на условномъ мѣстѣ ожидаетъ ссыльная дѣвушка или дама. Такъ, среди препирательствъ и цитатъ быстрое теченіе пронесло лодку, и условленныхъ свѣдѣній получено не было.

Въ другой разъ во время этого же побѣга имъ случилось идти черезъ деревню подъ видомъ пріискателей. На ночлегѣ Шиханову захотѣлось молока. День былъ постный. На замѣчаніе хозяевъ по этому поводу, Шихановъ съ большой горячностью сталъ приводить цитаты изъ популярной гигіены о значеніи молочной пищи и — чуть было не выдалъ себя. Къ счастію въ это время въ деревню еще не дошло извѣстіе о побѣгѣ двухъ политическихъ.

Когда-то въ журналѣ «Впередъ» П. А. Лавровъ сдѣлалъ математическій разсчетъ, въ какое время, по закону возрастающей прогрессіи, Россія вся будетъ охвачена революціоннымъ сознаніемъ. При этомъ принималось, что одинъ пропагандистъ изъ рабочихъ равенъ пяти интеллигентамъ. Теоретическія выкладки не всегда совпадаютъ съ дѣйствительностью. Изъ моихъ тогдашнихъ наблюденій я вывелъ другое заключеніе. Въ то время многіе рабочіе, поглотивъ революціонную литературу, разучивались говорить со своимъ же братомъ просто и не замѣчали, какое юмористическое удивленіе вызывали ихъ слишкомъ книжныя рѣчи.

Однажды мнѣ пришлось уже въ пути наблюдать такой случай: политическая партія прибыла въ Томскій пересыльный замокъ. Мѣста въ кухнѣ были уже всѣ заняты прибывшими раньше уголовными партіями. Для переговоровъ послали одного рабочаго, о которомъ было извѣстно, что онъ прочелъ Маркса, и съ которымъ свободно можно было говорить о любомъ отвлеченномъ вопросѣ. Его и послали въ качествѣ посредника. Я въ то время былъ старостой партіи, и черезъ нѣкоторое время мнѣ сказали, что нужно идти на выручку нашему парламентеру. Я засталъ его въ кухнѣ, окруженнымъ тѣсно сгрудившимися арестантами. Онъ стоялъ въ серединѣ и говорилъ по книжному о необходимости солидарности. Арестанты смотрѣли на него, какъ на невиданное чудо, и со всѣхъ сторонъ на него сыпались остроты и язвительныя замѣчанія... Между тѣмъ нѣсколько простыхъ словъ было достаточно, чтобы уладить дѣло.

— Такъ бы и говорилъ сразу, — послышалось изъ толпы, — а то городитъ нивѣсть что.

Впрочемъ, — такую же черту я встрѣчалъ порой и среди интеллигентовъ, захваченныхъ вихремъ новыхъ идей въ слишкомъ юномъ возрастѣ...

CX

ХОРОШІЙ ЧЕЛОВѢКЪ НА ПЛОХОМЪ МѢСТѢ

Режимъ въ В. П. Т. былъ суровый. До насъ доходили слухи, что въ другой пересыльной тюрьмѣ, въ Мценскѣ, политическіе арестованные пользовались большей свободой, получали книги, даже газеты, родственники допускались въ камеры, порой обѣдали вмѣстѣ съ заключенными и даже, говорили, — въ тюрьмѣ устраивались цѣлыя конференціи по злободневнымъ вопросамъ. Это зависѣло, вѣроятно, отъ тогдашняго Орловскаго губернатора и отъ смотрителя, которые смотрѣли сквозь пальцы на отступленіе отъ строгихъ инструкцій.

У насъ было не то. Тверской губернаторъ Сомовъ, сѣдой старикъ чисто чиновничьей складки, былъ вообще жестокъ къ уголовнымъ, часто назначалъ тѣлесныя наказанія и любилъ присутствовать при нихъ лично, а къ политическимъ относился съ суровой враждебностью. Поэтому у насъ строгая инструкція исполнялась до мелочей. На наше питаніе отпускалось, помнится, 13 копѣекъ на все и прибавлять съ своей стороны не полагалось. А такъ какъ при этомъ существовала еще разница между привилегированными и непривилегированными, на которыхъ полагалось еще меньше, то всѣ мы питались очень скудно. Книгъ у насъ не было. Было установлено, что о каждой книгѣ, которыя были у иныхъ арестованныхъ, нужно было подавать особую

просьбу, которая шла въ Тверь на разрѣшеніе губернатора и долго мы не получали отвѣтовъ. Бумаги, карандашей, перьевъ не допускали ни въ какомъ случаѣ; бѣлье и платье полагалось только казенное.

Нѣтъ сомнѣнія, что при другомъ смотрителѣ этотъ режимъ повелъ бы къ постояннымъ столкновеніямъ, а можетъ быть и къ тюремному бунту. Мы выносили его только потому, что проводилъ его Ипполитъ Павловичъ Лаптевъ.

Это поистинѣ былъ хорошій человѣкъ на плохомъ мѣстѣ. Я уже говорилъ о первомъ впечатлѣніи отъ встрѣчи съ нимъ. Это была топорная фигура, огромнаго роста и необыкновеннаго добродушія. Когда-то во время русско-турецкой войны, ему пришлось завѣдывать тюрьмой, гдѣ содержались плѣнные турки. Ему донесли, что плѣнные бунтуютъ. Онъ подошелъ къ шумѣвшей толпѣ, высмотрѣлъ одного изъ зачинщиковъ, подошелъ къ нему и... неожиданно поднялъ его за ноги на воздухъ...

— Они дуг'ачки сг'азу пг'исмирѣли, — говорилъ онъ объ этомъ случаѣ съ выраженіемъ благодушнаго сожалѣнія къ «дурачкамъ»... Эта необыкновенная сила соединялась въ немъ съ такимъ же необычайнымъ добродушіемъ и честностью, поэтому Лаптевъ отлично ладилъ съ простой арестантской средой и чувствовалъ себя на мѣстѣ.

Не то было теперь. Онъ долго отказывался отъ назначенія въ политическую тюрьму и только то обстоятельство, что ему оставалось

два года до пенсіи, заставило его принять эту службу.

Прежде всего, онъ не одобрялъ ее. Я замѣтилъ вообще, что усиленіе «административнаго порядка» и безсудныхъ арестовъ вызывало недоумѣніе у старыхъ служакъ тюремнаго вѣдомства. До сихъ поръ они привыкли все таки, что въ Россіи начинала устанавливаться законность. Въ тюрьмы приводили воровъ, разбойниковъ, людей, такъ или иначе прикосновенныхъ къ нарушенію законовъ. Всякій арестъ сопровождался точнымъ указаніемъ статей обвиненія. Теперь приходилось имѣть дѣло съ людьми, по большей части интеллигентными и ни въ чемъ въ сущности не обвиняемыми. Это сбивало съ толку прежнихъ служакъ и вызывало въ нихъ неувѣренность въ правотѣ ихъ собственнаго положенія. Эту черту я замѣтилъ уже у старика вятскаго смотрителя, а у Лаптева она кидалась въ глаза и вызывала эпизоды, въ родѣ недоумѣлыхъ вопросовъ Павленкову...

Но... сила солому ломитъ. Пенсія дѣло важное, и Лаптевъ принялъ назначеніе. Онъ былъ очень робокъ. Съ одной стороны инструкція, — нарушеніе которой, казалось, грозитъ ему самому превращеніемъ въ государственнаго преступника, — съ другой искреннее сочувствіе къ положенію заключенныхъ. И Ипполитъ Павловичъ сталъ для насъ какимъ-то парадоксальнымъ добрымъ тираномъ. Видя, какъ самъ онъ трепещетъ передъ возможностью доноса на него, и вмѣстѣ — какъ ему тяжело стѣснять насъ, — мы мирились съ безсмыслен-

ной инструкціей и подчинялись ей съ своего рода юморомъ, вытекавшимъ изъ положенія нашего благодушнаго тирана.

Особенно озабочивалъ его вопросъ о книгахъ. Человѣкъ мало образованный, — къ книгѣ онъ относился съ какимъ-то суевѣрнымъ почтеніемъ. А между тѣмъ, тупой формалистъ Сомовъ то и дѣло запрещалъ выдачу книгъ. Былъ случай, что онъ отвѣтилъ отказомъ на просьбу выдать Тургенева, находя, что романъ «Новь» можетъ произвести на насъ деморализующее вліяніе. Когда пришлось сообщать объ этомъ отказѣ, то Ипполитъ Павловичъ взамѣнъ Тургенева принесъ Адама Смита. Эта книга какимъ-то образомъ попала къ нему въ собственность и была его настольной книгой. Многіе изъ моихъ бывшихъ товарищей по В. П. Т. помнятъ этотъ экземпляръ Смита («О нравственности»), весь испещренный замѣтками Лаптева въ такомъ родѣ: «Мы, — говоритъ Адамъ Смитъ, — любимъ, когда къ намъ относятся дружелюбно, и намъ непріятно, когда насъ порицаютъ». Лаптевъ на поляхъ написалъ: «Глубочайшая истина. Смитъ — великій знатокъ души». Остальныя замѣчанія были въ томъ же родѣ, и всѣ они обобщались въ слѣдующемъ заключеніи на обложкѣ, выраженномъ даже въ стихотворной формѣ:

Адамъ Смитъ, говорятъ, спитъ.

Нѣтъ, онъ живетъ и далеко пойдетъ.

Его душа жила для пользы.

Читайте сей книги больше. Штабсъ-капитанъ Ипполитъ Лаптевъ.

Въ этомъ твореніи онъ былъ такъ увѣренъ, что выдавалъ его безъ справокъ у начальства, въ убѣжденіи, что она можетъ отвратить насъ отъ заблужденій, которыя привели насъ въ В. П. Т.

Вспоминаю и еще одинъ случай такого же самовольнаго отступленія. У одного изъ новоприбывшихъ варшавянъ оказался въ чемоданѣ... «Капиталъ» Маркса, и у него возникла смѣлая мысль получить эту книгу въ камеру. Мы считали предпріятіе безнадежнымъ, но черезъ нѣкоторое время Абрамовичъ вернулся съ Марксомъ въ рукахъ. На вопросъ Лаптева: «Что это за книга?» — тотъ отвѣтилъ просто:

— Эта книга учитъ, какъ наживать капиталы.

Лаптевъ съ любопытствомъ развернулъ такое полезное руководство и наткнулся на формулу: «20 аршинъ холста = одному сюртуку». Ему показалось, что онъ понялъ:

— Знаю, — сказалъ онъ. — Этой книгой часто пользуются военные пріемщики. — И «Капиталъ» былъ допущенъ въ камеры, изъ которыхъ старательно изгонялся Тургеневъ.

Возможно ли было негодовать и возмущаться при такомъ добродушіи. Мудрено ли, что основной тонъ нашихъ отношеній къ этому тюремщику былъ не враждебный, а скорѣе юмористическій.

Мы держали себя, какъ школьники съ старымъ учителемъ формалистомъ, снося его благодушную тиранію. Не могу забыть, какъ мы съ «надворнымъ совѣтникомъ Анненскимъ», потихоньку воровали чернила изъ конторы. Ан-

ненскій передалъ мнѣ банку чернилъ, стоявшую на другомъ концѣ стола, а я потихоньку отлилъ изъ нея часть чернилъ въ пузырекъ изъ подъ лѣкарства. Въ это время мы отъ скуки затѣяли писать коллективный романъ. Къ сожалѣнію старшій надзиратель замѣтилъ нашу продѣлку, но я, уже незамѣтно для него, опять передалъ пузырекъ Анненскому, который и ушелъ изъ конторы. Когда я вышелъ въ свою очередь, то на тюремной лѣстницѣ меня догналъ Лаптевъ.

— Мнѣ донесли, — сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, — что при васъ есть банка чернилъ. Я не хочу васъ обыскивать. Я вамъ повѣрю: скажите мнѣ, — правда это?

— Я скажу вамъ правду: при мнѣ никакой банки съ чернилами сейчасъ нѣтъ.

— Правда?

— Правда, — сказалъ я улыбаясь. — Даю вамъ слово, что, если бы вы меня обыскали, то и тогда ее не найдете, потому что сейчасъ ея у меня нѣтъ.

Онъ повидимому понялъ условность моего отвѣта, но все-таки очень обрадовался, тотчасъ же сошелъ внизъ и сталъ строго говорить старшему надзирателю, что онъ осмотрѣлъ меня и никакихъ чернилъ не нашелъ...

Наши свиданія съ родными происходили въ особой комнатѣ, въ нижнемъ этажѣ тюрьмы. Въ комнатѣ были два барьера, оставлявшіе въ серединѣ промежутокъ аршина въ полтора. Мы помѣщались за однимъ барьеромъ, наши посѣтители — за другимъ, въ проходѣ между нами прохаживался кто-нибудь изъ админи-

страціи, по большей части самъ Лаптевъ. Моя мать или какая-нибудь изъ сестеръ приходили часто вмѣстѣ съ женой Анненскаго, извѣстной дѣтской писательницей, и ея племянницей, которая воспитывалась у Анненскихъ. Дѣвочкѣ было тогда 7 лѣтъ, и Ипполитъ Павловичъ не препятствовалъ незаконному переходу этой посѣтительницы на нашу сторону. Мы съ Анненскимъ подымали обыкновенно дѣвочку на барьеръ и держали ее между собой. И тутъ увы! — иногда мы злоупотребляли довѣріемъ Лаптева: дѣвочка переносила на нашу сторону карандашъ, записочку, газету или другую контрабанду. Однажды, обнимая меня, она сунула цѣльный новый карандашъ. Но онъ попалъ мимо кармана арестантскаго халата и съ рѣзкимъ звономъ упалъ на асфальтовый полъ. По лицу Лаптева пробѣжало выраженіе страданія, но онъ продолжалъ ровнымъ шагомъ ходить въ проходѣ. Я наступилъ ногой на карандашъ, потомъ поднялъ его и торопливо сунулъ за халатъ. Рѣзкій звукъ повторился, повторилась и волна страданія, пробѣжавшая по лицу Лаптева. Я опять по возможности незамѣтно поднялъ карандашъ. Я понималъ настроеніе Лаптева: онъ былъ формалистъ и долженъ былъ установить такъ или иначе фактъ преступленія, причемъ соучастницей являлась бы свѣтловолосая и свѣтлоглазая дѣвочка. На это у него не хватило мужества и... карандашъ остался у меня.

Исторія этого карандаша имѣла свое продолженіе. Однажды утромъ, еще задолго до повѣрки я проснулся отъ страннаго ощущенія,

будто на меня надвигается какая-то гора. Раскрывъ глаза, я увидѣлъ, что надъ моей постелью стоитъ Лаптевъ и укоризненно помахиваетъ своей огромной головой, причемъ взглядъ его прикованъ къ какому-то предмету на стулѣ, стоявшемъ рядомъ съ кроватью. На немъ лежала открытая книга, кажется тотъ же Адамъ Смитъ, а на ней преступный карандашъ. Очевидно, его замѣтилъ въ глазокъ старшій надзиратель, можетъ быть знавшій о происшествіи на свиданіи и — поднялъ Лаптева, жившаго довольно далеко отъ тюрьмы. Огромный указательный перстъ протянулся по направленію къ неосторожной уликѣ и затѣмъ, видимо глубоко огорченный, Лаптевъ повернулся и вышелъ изъ камеры. Я былъ увѣренъ, что онъ унесъ съ собой карандашъ. Но я ошибся: карандашъ остался на мѣстѣ.

А между тѣмъ онъ очевидно доставлялъ Лаптеву много заботы: когда мать послѣ этого еще разъ, уже на прощаніе, пріѣхала въ Вышній-Волочекъ съ сестрой, — Лаптевъ встрѣтилъ ее ласковыми словами. Онъ зналъ, что вся наша семья была разбита, и матери предстоялъ долгій и трудный путь въ Красноярскъ къ зятю съ сестрой и ея ребенкомъ. Онъ встрѣтилъ ее съ участливымъ вниманіемъ и, зная, чѣмъ угодить матери, сталъ хвалить меня.

— Хаг'ошій сынъ у васъ, очень хаг'ошій.

И потомъ прибавилъ, какъ бы невольно: — Ну, есть одно...

— Что такое? Ради Бога! — спросила мать.

— Есть, есть одно, — продолжалъ онъ таин-

ственно и видя, что мать встревожена, прибавилъ:

— Каг'андашъ у себя имѣетъ...

— Ну, это еще ничего, — облегченно вздохнула мать, опасаясь услышать что-нибудь болѣе «политическое».

— Напг'асно вы такъ думаете... Ахъ, напг'асно...

Матери пришлось уѣхать задолго еще до отправленія нашей партіи. Ей надо было торопиться съ отъѣздомъ до такой степени, что одно изъ свиданій, на которое она получила разрѣшеніе, должно было остаться неиспользованнымъ. Она пришла утромъ, и наше свиданіе проходило печально. Она сидѣла на этотъ разъ со мной рядомъ и съ грустью говорила о томъ, какъ тяжело ей будетъ ожидать поѣзда, который уйдетъ только вечеромъ. Ипполитъ Павловичъ ходилъ по камерѣ, мрачно насупясь. Лицо его становилось все суровѣе и мрачнѣе. Вдругъ онъ рѣзко остановился противъ матери и спросилъ ее строго:

— Сколько свиданій вамъ разрѣшено?

— Четыре, — отвѣтила мать.

— Такъ вы и обязаны (это слово онъ произнесъ съ натискомъ) придти четыре раза... Надо исполнять г'аспог'яженія начальства. Непг'емѣнно приходите еще разъ до отхода поѣзда...

Все это онъ говорилъ такъ сурово, точно изрекалъ приговоръ, и все это назначалось для слуха старшаго надзирателя. И мать въ неурочное время просидѣла у меня, сильно сокративъ тоскливое ожиданіе вечерняго поѣзда.

Наша жизнь печальна: скверныхъ мѣстъ въ ней и до сихъ поръ еще слишкомъ много. Было бы ужъ слишкомъ тяжело жить, если бы на этихъ скверныхъ мѣстахъ хотъ изрѣдка не попадались люди, въ родѣ Ипполита Павловича Лаптева, или того жандарма въ Ш отдѣленіи, который послѣ нарочито суровыхъ окриковъ («не велѣно разговаривать») шопотомъ сообщалъ мнѣ свѣдѣнія о братѣ, или того служителя въ Спасской части, который, сначала прищемивъ мнѣ ногу дверью, затѣмъ съ опасностью для себя ввелъ въ мою камеру Битмита. Къ счастію на темномъ фонѣ этихъ моихъ воспоминаній то и дѣло, какъ искорки, мелькаютъ и еще будутъ мелькать неожиданныя проявленія человѣчности со стороны «добрыхъ людей на скверныхъ мѣстахъ».

CXI

ЖИЗНЬ ВЪ В. П. Т. — ТЮРЕМНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ — КОЛЛЕКТИВНЫЙ РОМАНЪ

Нашъ тюремный день въ В. П. Т. проходилъ слѣдующимъ образомъ. Прежде всего въ нашей камерѣ просыпался прапорщикъ Верещагинъ. Проснувшись, онъ подымалъ ноги перпендикулярно туловищу вверхъ, потомъ быстро опускалъ ихъ внизъ и, какъ пружина, вскакивалъ съ постели на полъ. Тотчасъ послѣ этого онъ принимался трубить зорю, искусно подражая горнисту. Его звонкій голосъ разносился по коридору, указывая, что скоро пройдетъ по-

вѣрка и, значитъ, всѣмъ пора вставать. Караульный офицеръ, смотритель или его помощникъ съ полувзводомъ солдатъ обходили камеры, провѣряя число арестованныхъ. Послѣ этого на нѣкоторое время камеры оставались открытыми. Мы выходили къ общему умывальнику, потомъ собирались въ общую столовую для чая или чаще (въ виду недостатка средствъ на покупку чая) для ячменнаго кофе.

Затѣмъ камеры опять запирались до обѣда. Въ это время, особенно вначалѣ, въ наши камеры прокрадывалась тюремная скука. Всѣ мы были здоровы, бодры и сильно томились невольнымъ бездѣліемъ. Впослѣдствіи рядомъ настойчивыхъ офиціальныхъ прошеній, которыми мы засыпали губернатора и даже министра, намъ удалось добиться нѣкотораго количества книгъ. Но въ началѣ и ихъ не было. Поэтому особенно дороги были люди, не поддававшіеся скукѣ. Однимъ изъ такихъ людей былъ прапорщикъ Верещагинъ. За что онъ попалъ въ политическую тюрьму, — никто изъ насъ въ точности не зналъ. Язвительный Кожуховъ утвержалъ, что это постигло прапорщика «за пьянство, за буянство и за побитіе фонарей». Нельзя сказать, чтобы Верещагинъ опровергалъ это съ особой убѣдительностью. Вообще онъ застѣнчиво избѣгалъ разговоровъ о причинахъ своей ссылки. Извѣстно было, что до катастрофы онъ ходилъ добровольцемъ въ Сербію. Онъ съ восхищеніемъ разсказывалъ о томъ, какъ въ Сербіи рядовые внѣ строя свободно протягиваютъ руку военному министру и тотъ охотно отвѣчаетъ рукопожатіемъ. Вернувшись

опять въ Россію, онъ уже не могъ забыть сербскихъ порядковъ и привыкнуть къ россійской армейской дисциплинѣ. Кромѣ этихъ демократическихъ воспоминаній, онъ вывезъ изъ Сербіи замѣчательную коллекцію сербскихъ, болгарскихъ и турецкихъ ругательствъ и, кажется, больше ничего. Вообще же онъ обладалъ многими общежительными талантами. Во первыхъ, онъ зналъ всѣ военные сигналы и отлично разыгрывалъ ихъ на губахъ. Кромѣ того могъ на разные голоса выкрикивать командныя слова. Когда стало тепло, Верещагинъ, устроившись у открытаго окна, производилъ примѣрныя ученія и смотры, изображая въ лицахъ начальство разныхъ ранговъ, начиная отъ командира полка и кончая дивизіоннымъ генераломъ. Особенно удавался ему старый полковникъ съ сильно осипшимъ голосомъ. Все это онъ производилъ такъ артистически, что даже караульные офицеры и солдаты прислушивались къ этимъ примѣрнымъ ученіямъ, ухмыляясь и съ видимымъ интересомъ, пока прапорщику не пришлось ихъ прекратить.

Былъ у насъ одно время въ числѣ караульныхъ офицеровъ подпоручикъ Соловьевъ. Человѣкъ еще совсѣмъ молодой, съ нездоровымъ и желчнымъ цвѣтомъ лица, — онъ повидимому не пользовался расположеніемъ ни солдатъ, ни товарищей офицеровъ, поэтому они слушали, весело улыбаясь, какъ Верещагинъ, голосомъ стараго полковника, распекалъ Соловьева:

— Па-ад-паручикъ Соловьевъ!.. Что это у васъ за походка. Вы ходите не какъ бравый офицеръ, а какъ стар-рая ба-ба.

Представленіе всегда имѣло большой успѣхъ, пока однажды Верещагинъ, то ли не замѣтивъ смѣны караульнаго, то ли не удержавшись отъ соблазна, — продѣлалъ примѣрное ученіе съ распеканіемъ въ присутствіи... самого Соловьева. Тотъ пришелъ въ бѣшенство и пригрозилъ Лаптеву, что въ случаѣ повторенія, онъ прикажетъ караульнымъ стрѣлять въ окно. Лаптевъ явился встревоженный, и примѣрныя ученія пришлось прекратить.

Были у веселаго прапорщика и другіе таланты. Онъ часто ходилъ въ кухню и умѣлъ порой разнообразить нашъ скудный столъ. Кромѣ того онъ сочинялъ стихи, перемѣшивая фривольныя казарменныя темы, имѣвшія у насъ мало успѣха, съ темами нравоучительнаго свойства. Эти послѣднія порой вызывали у насъ настоящій фуроръ. Особенное веселье возбуждало въ нашей аудиторіи одно стихотвореніе Верещагина, начинавшееся словами:

— Кор-рыстолюбіе... Тебя я презираю.

Прапорщикъ становился въ позу и декламировалъ съ большимъ оживленіемъ, указывая перстомъ въ ту сторону, гдѣ стояла койка Кожухова. Съ Кожуховымъ вообще у него происходили столкновенія изъ-за разницы темпераментовъ. Корыстолюбіе этого молодого человѣка прапорщикъ усматривалъ въ той тщательности, съ которой онъ охранялъ свое мыло и другія мелочи, оберегая ихъ отъ посягательствъ безалабернаго Верещагина.

Наконецъ тотъ же веселый прапорщикъ ввелъ у насъ для развлеченія тюремныя игры. Всѣ онѣ были заимствованы отъ уголовныхъ и

всѣ были болѣе или менѣе спартанскаго свойства. Двумъ завязывали глаза и одному изъ ослѣпленныхъ такимъ образомъ давали въ руки туго скрученный жгутъ. Остальные становились вдоль стѣнъ и наблюдали, какъ оба дѣйствующія лица искали ощупью другъ друга. Вся соль состояла въ томъ, что жертва порой съ самымъ хитрымъ видомъ, прислушиваясь къ шагамъ палача, какъ разъ устремлялась навстрѣчу его ударамъ. Иногда, когда жгутъ бывалъ въ рукахъ Верещагина, а избѣгать ударовъ приходилось Кожухову или наоборотъ, — игра пріобрѣтала довольно драматическій характеръ.

Почти такой же характеръ имѣла другая игра. Часа на два или на три послѣ обѣда камеры не закрывались, и мы свободно разгуливали по коридору. Вотъ въ эти часы чаще всего устраивалась «скачка съ препятствіями». Одинъ изъ насъ изображалъ лошадь, другой садился ему на плечи въ видѣ сѣдока и скакалъ вдоль коридора. У каждой камеры становились другіе участники и въ то время, когда всадникъ мчался мимо ихъ дверей, — они имѣли право наносить ему удары по мягкимъ частямъ. Всадникъ обязательно былъ въ одномъ бѣльѣ и чѣмъ звонче раздавался шлепокъ, тѣмъ болѣе это возбуждало веселья. Андріевскій и Павленковъ не рѣшались на роль всадниковъ, а Анненскаго трудно было бы нести вскачь по коридору. Поэтому предполагалось, что они лишены также права наносить удары. Но это лишеніе фактически коснулось только Андріевскаго. Что же касается Анненскаго и

Павленкова, то они не могли отказать себѣ въ удовольствіи хоть изрѣдка шлепнуть проѣзжающаго всадника. Не могу забыть, какъ Павленковъ, притаясь за косякомъ, внезапно выскакивалъ въ коридоръ и, радостно сверкая глазами, ухитрялся порой съ своей стороны нанести ударъ.

Въ часы, когда камеры запирались, мы устраивали порой общія чтенія. За неимѣніемъ книгъ приходилось порой сочинять самимъ. Въ чемоданѣ Волохова были номера еженедѣльныхъ приложеній къ «Новому Времени». Это было допущено, и онъ читалъ намъ свои очерки изъ фабричной жизни. Верещагинъ или Дорошенко поставляли стихи, соперничая другъ съ другомъ на поэтическомъ поприщѣ. Критика допускалась, и намъ доставляли большое удовольствіе взаимныя критическія замѣчанія двухъ поэтовъ. Прапорщикъ находилъ, не безъ нѣкотораго основанія, что стихи Дорошенка представляли сладкую водицу. Они дѣйствительно гладки, но очень сантиментальны. Въ свою очередь, Дорошенко то и дѣло находилъ у соперника грубые промахи противъ логики и даже грамматики.

Случайныя темы скоро изсякли, и Дорошенко предложилъ начало повѣсти. Въ чудный вечеръ, на берегу гладкаго пруда, при лунѣ, подъ развѣсистымъ деревомъ молодой человѣкъ сидитъ съ юной дѣвушкой. Онъ революціонеръ-пропагандистъ и зоветъ ее отъ дряхлаго міра уйти съ нимъ на пропаганду въ Рязанскую губернію. Молодые люди обмѣниваются длинными, поучительными разговорами. Слушатели

находили, что молодой человѣкъ похожъ на меня, и я сталъ по этому поводу предметомъ шутокъ... Вторую главу написалъ я, третью — Волоховъ, четвертую — Николай Федоровичъ Анненскій. Постепенно герои преображались, и интрига усложнялась. Дѣвица, наружность которой Дорошенко описалъ лишь самыми общими чертами, пріобрѣла нѣкоторыя особенности. Одинъ глазъ ея былъ голубой, какъ ясная синева неба, другой черный, какъ адская бездна. Голубымъ глазомъ она смотрѣла на героя, звавшаго ее въ Рязанскую губернію, но черный то и дѣло обращался на мрачнаго нигилиста, подобно Гану-исландцу, жившаго въ пещерѣ съ медвѣдицей. Онъ зоветъ ее за собой въ вологодскіе лѣса и начинаетъ съ того, что въ первый же вечеръ кидаетъ сладкаго героя въ прудъ. Въ слѣдующей главѣ героиня поступила въ распоряженіе прапорщика Верещагина съ нѣкоторыми обязательствами, которыя авторъ и выполнилъ. Онъ вводитъ героиню въ избранное общество героевъ-офицеровъ, которые отвращаютъ ее отъ обоихъ штафирокъ изысканностью и тонкостью обращенія. При этомъ однако, вслѣдствіе нѣкотораго разлада автора съ грамматическими правилами, — съ героиней то и дѣло выходили недоразумѣнія. Она уже начинаетъ мечтать при лунномъ свѣтѣ о великолѣпномъ гусарѣ. Когда, наконецъ, она подходитъ къ своему дѣвственному ложу, то по игрѣ своеобразнаго стиля, оказалось, что мѣсто уже занято. По грамматической оплошности автора вышло, что въ постель легла не дѣвица, а луна. Я иллюстри-

ровалъ этотъ романъ и набросалъ картинку: дѣвица въ изумленной позѣ стоитъ у постели, а на нее изъ-подъ одѣяла глядитъ, улыбаясь, полная луна.

Эта глава подала поводъ для очень бурныхъ критическихъ споровъ, причемъ прапорщикъ Верещагинъ, оскорбленный язвительными замѣчаніями Кожухова, кинулъ въ него туфлей. Впрочемъ, это было единственное острое столкновеніе, происшедшее въ этотъ періодъ пребыванія нашего въ В. П. Т.

Читатель проститъ мнѣ это сокращенное изложеніе пустяково-шутливаго романа, но я позволилъ себѣ привести его, какъ характерный образчикъ нашего тогдашняго настроенія. Мы всѣ попали въ своего рода заводь. Гдѣ-то шумѣли событія, шла все обострявшаяся борьба, а мы, извѣстная группа революціонеровъ, или сочувствующихъ и «неблагонадежныхъ», вынуждены были пассивно ожидать высылки. Кромѣ того, среди насъ были люди, уже не чуждые литературѣ; романъ долженъ былъ переходить изъ камеры въ камеру и возможно, что въ немъ отразились бы характерныя черты тогдашняго настроенія. Наконецъ, не лишена характерности и судьба, постигшая это дѣтище коллективной тюремной музы. Въ одинъ прекрасный день романъ вдругъ исчезъ и черезъ нѣкоторое время вѣроятная судьба его выяснилась: по всѣмъ видимостямъ, онъ погибъ жертвой... цензуры.

Былъ у насъ такой строгій человѣкъ, нѣкто К. Во всѣхъ его манерахъ, даже, какъ шутили порой, въ его походкѣ, сквозило чрезвычайное сознаніе достоинства и даже важности. Го-

ворили, что онъ осуждалъ наше легкомысленное дѣтище, находя, что недостойно «радикаламъ» заниматься такими пустяками. Когда романъ попалъ въ его камеру, — онъ счелъ себя не только въ правѣ, но и обязаннымъ его уничтожить. Такимъ образомъ карьера разноглазой дѣвицы прекратилась на ея мечтахъ о гусарѣ и продолженіе не попало ни къ Петѣ Попову, ни къ Павленкову, о чемъ я лично очень жалѣлъ... Впрочемъ скоро послѣдовало событіе, на время оживившее тюремныя будни, и судьба такъ своеобразно запрещеннаго романа отошла на второй планъ.

CXII

РЕВИЗІЯ КН. ИМЕРЕТИНСКАГО

Ипполитъ Павловичъ сообщилъ намъ, что тюрьму долженъ посѣтить «адъютантъ гр. Лорисъ-Меликова», и всѣхъ насъ будутъ вызывать въ контору для опроса.

Это къ намъ докатилась волна «диктатуры сердца», какъ (впослѣдствіи) иронически называлъ періодъ лорисъ-меликовской власти Катковъ, вначалѣ, впрочемъ, горячо ее привѣтствовавшій. 12 февраля 1880 года послѣдовалъ извѣстный указъ о предоставленіи графу Лорисъ-Меликову особыхъ полномочій, а 4-го марта подъ его предсѣдательствомъ послѣдовало первое засѣданіе верховно-распорядительной комиссіи. На этомъ засѣданіи постановлено

было между прочимъ: разсмотрѣть и провѣрить списки арестованныхъ, а также привести въ извѣстность лицъ, подвергшихся высылкѣ и отдачѣ подъ надзоръ полиціи въ административномъ порядкѣ.

Объ этомъ мы, разумѣется, ничего не знали, пока Лаптевъ не сообщилъ намъ, что къ вечеру кн. Имеретинскій, командированный для провѣрки, — будетъ насъ опрашивать.

Мы стали ждать съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, хотя, сказать правду, мало ожидали отъ этого посѣщенія. Наконецъ, стали вызывать въ контору. Однимъ изъ первыхъ былъ вызванъ Алексѣй Александровичъ Андріевскій. Порядокъ нашего тюремнаго дня былъ нарушенъ, камеры долго не затворялись, и мы съ жаднымъ любопытствомъ бросились къ вернувшемуся съ допроса Андріевскому. Онъ смѣясь разсказалъ намъ, какъ войдя въ канцелярію, гдѣ за столомъ сидѣли Имеретинскій и его два секретаря, — онъ тотчасъ же снялъ съ ноги арестантскую туфлю и сказалъ, поставивъ ее на столъ:

— Вотъ, Ваша свѣтлость, въ какой обуви вынужденъ ходить государя моего статскій совѣтникъ. — И затѣмъ онъ драматически потрясъ вдобавокъ полу арестантскаго халата.

Разсказывая намъ этотъ эпизодъ, онъ самъ хохоталъ. Въ его лукавомъ юморѣ, какъ всегда, были двѣ стороны: съ одной — онъ высмѣивалъ тѣхъ, къ кому обращался, но съ другой — понималъ что это производитъ на нихъ извѣстное, совсѣмъ не юмористическое впечатлѣніе. Удивленному Имеретинскому могло по-

казаться, что старый, заслуженный «коллежскій совѣтникъ» отъ горя немного тронулся въ умѣ, но его волненіе было, конечно, понятно служилымъ людямъ.

Моя очередь пришла уже позднимъ вечеромъ. За столомъ въ тѣсной канцеляріи сидѣлъ кн. Имеретинскій въ генеральской тужуркѣ. Это былъ человѣкъ неопредѣленнаго возраста съ приличной и интеллигентной физіономіей. Одинъ изъ секретарей сидѣлъ рядомъ съ нимъ и записывалъ результаты опроса. Другой секретарь, тоже съ перомъ и бумагой, сидѣлъ поодаль. Оба они были въ штатскомъ. Въ манерѣ князя мнѣ почуялось нѣсколько пренебрежительное отношеніе военнаго человѣка къ тому, что могла натворить штатская администрація. Онъ вѣжливо попросилъ меня сообщить... за что я подвергся ссылкѣ?..

— На всѣ вопросы объ этомъ, съ которыми я обращался до сихъ поръ къ властямъ, — сказалъ я, — я получалъ отвѣтъ — за неблагонадежность... На вопросъ о фактахъ, въ которыхъ она выразилась, намъ отвѣчали неизмѣнно, что это государственная тайна. Мы надѣялись, узнавъ о вашемъ посѣщеніи, что на этотъ разъ хоть это намъ станетъ извѣстно. Но... изъ вашего вопроса я вижу, что и эта надежда насъ обманула... Что же мы можемъ сказать вамъ?

Я говорилъ вѣроятно съ нѣкоторой горечью. Имеретинскій попросилъ меня успокоиться и повторилъ вопросъ: можетъ быть я хоть догадываюсь о причинахъ моей первоначальной ссылки и затѣмъ высылки сюда. Я отвѣтилъ,

что считаю безполезнымъ пускаться въ такія догадки. Факты состоятъ въ томъ, что тогда-то всѣ мущины моей семьи были арестованы и высланы безъ объясненія причинъ. Такъ же безъ объясненія причинъ я былъ высланъ изъ Глазова въ Починки, а оттуда переведенъ сюда. Это все, что могу сказать о себѣ. Но, если князю это любопытно, то могу ему сообщить, что такой же порядокъ практикуется теперь относительно крестьянъ, повинныхъ въ подачѣ прошенія на высочайшее имя.

И я разсказалъ ему въ краткихъ чертахъ исторію Богдана и другихъ ходоковъ. Онъ слушалъ съ интересомъ и секретарь, сидѣвшій поодаль, записалъ мой разсказъ. На этомъ опросъ прекратился.

Какія послѣдствія имѣлъ этотъ опросъ, — читатель узнаетъ впослѣдствіи. Тогда же весь эпизодъ вызвалъ у насъ лишь скептическія насмѣшки: еще одна безплодная командировка важнаго генерала, и ничего больше. Генералъ повидимому охотно отмѣтитъ нѣкоторыя ошибки штатской администраціи, но правовое міросозерцаніе у нихъ одно и то же. Въ лучшемъ случаѣ — нѣсколько лишнихъ запросовъ по адресу губернаторовъ, можетъ быть въ томъ числѣ и вятскаго. Отвѣтъ не будетъ ему стоить много труда: такой-то представляетъ опасную личность, съ которой иначе справиться было невозможно. И затѣмъ — ссылка на полицейскія донесенія. Опровергать все это я не имѣю возможности. Да, наконецъ, что же и опровергать: несомнѣнно, что съ точки зрѣнія администраціи, въ томъ числѣ и этого ге-

нерала, а можетъ быть самого Лорисъ-Меликова, я — человѣкъ, на котораго самодержавное правительство «благихъ надеждъ» возлагать не можетъ, такъ какъ я глубоко ненавижу весь произволъ существующаго порядка.

Оглядываясь теперь на это время, я вижу, что общій скептицизмъ, съ которымъ В. П. Т. встрѣтила миссію Имеретинскаго, былъ довольно правиленъ. Конечно, Россія тогда еще далеко не созрѣла для настоящаго народоправства, но всякая страна всегда является созрѣвшей для законности. Если бы Лорисъ-Меликовъ понималъ это настоящимъ образомъ, — онъ могъ бы поддержать требованіе законности сильнымъ еще тогда авторитетомъ царской власти, и, кто знаетъ, — можетъ быть, эпизодъ Лорисъ-Меликова могъ бы стать поворотнымъ пунктомъ, своего рода осью, вокругъ которой повернулась бы русская жизнь — отъ самодержавія, черезъ твердый просвѣщенный абсолютизмъ, къ конституціонному строю.

Но... все это лишь гаданія. Самъ Лорисъ-Меликовъ не понималъ этого и далъ только «диктатуру сердца». Одной рукой онъ старался смягчить дѣйствія административнаго произвола, отпускалъ арестованныхъ сыновей и дочерей, «утирая слезы родителей», съ другой принципіально закрѣплялъ тотъ же произволъ. До сихъ поръ существовала хоть фикція: административныя репрессіи не считались наказаніемъ, а лишь «презервативной мѣрой» въ виду смутнаго времени. Лорисъ-Меликовъ первый ввелъ «приговоры на сроки» въ административномъ порядкѣ. Такъ, дѣло сестры Пет-

ра Зосимовича Попова и моего пріятеля студента Мамиконіана, о которыхъ жандармы давали самыя ужасныя и, надо сказать, совершенно лживыя свѣдѣнія, Лорисъ-Меликовъ разрѣшилъ безсуднымъ приговоромъ къ тюремному заключенію на срокъ. Срокъ, сравнительно съ обычной въ то время практикой, былъ непродолжителенъ, но... принципіальное значеніе такой мѣры очевидно.

Да, это была только «диктатура сердца», неспособная отвратить страшную трагедію, уже нависавшую надъ царствованіемъ «царя-освободителя». И тотъ невольный скептицизмъ, съ которымъ наша политическая тюрьма встрѣтила миссію Имеретинскаго, служилъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ глубокаго недовѣрія ко всѣмъ «реформамъ сверху», вызвавшаго катастрофу 1-го марта.

CXIII

«УКРАИНОФИЛЫ» ВЪ В. П. Т.

Изъ этого періода жизни въ В. П. Т. я почти не припоминаю тѣхъ тяжелыхъ тюремныхъ дрязгъ, которыя такъ легко охватываютъ людей, приневоленныхъ жить вмѣстѣ въ бездѣйствіи. Въ общемъ мы жили дружно. Горячіе споры возникали порой главнымъ образомъ около украинофильства.

У насъ было два украинофила: Андріевскій и Долгополовъ. Они успѣли убѣдить Дорошенка, что онъ (съ такой исторической фамиліей),

является тоже настоящимъ украинцемъ, и съ этихъ поръ Дорошенко сталъ пописывать сладенькіе стишки хотя и на русскомъ языкѣ, но съ украинскими мотивами. Къ нему присоединился почему-то очень хорошій простодушный студентъ Алексѣевъ, родомъ феодосійскій грекъ. А такъ какъ моя фамилія тоже кончалась на енко, то скоро я сталъ до извѣстной степени центромъ нападеній Андріевскаго и Долгополова.

Въ первомъ томѣ я уже говорилъ о томъ, какъ на мою юную разноплеменную душу заявили притязанія три національности: польская по матери и по материнской рѣчи, на которой мы говорили въ семьѣ, русская, такъ какъ отецъ считалъ себя русскимъ и послѣ возстанія ввелъ въ нашу семью русскій языкъ, и, наконецъ, украинская, явившаяся въ лицѣ учителя Буткевича, который показался мнѣ какъ будто поддѣлывавшимся подъ что-то чужое.

Въ концѣ концовъ этотъ душевный кризисъ разрѣшился тѣмъ, что меня всецѣло привлекла русская литература. Некрасовъ побѣдилъ въ моей душѣ Шевченка, а никогда не виданная въ дѣтствѣ Волга — такой же невиданный Днѣпръ. «Унылый, сумрачный бурлакъ» захватилъ мою душу гораздо сильнѣе, чѣмъ гайдамаки Шевченка, которые вдобавокъ рѣзали, какъ Гонта, своихъ дѣтей только за то, что они, какъ и я, происходили отъ матери польки. Я сталъ безнаціональнымъ народникомъ, до извѣстной степени космополитомъ, какъ и вся передовая русская интеллигенція моего поко-

ленія. «Кто живетъ безъ печали и гнѣва, тотъ не любитъ отчизны своей». Печаль и гнѣвъ властно наростали въ душахъ, пробужденные и воспитываемые всей русской литературой, занимая первое мѣсто въ душахъ одинаково украинца Лизогуба и такого же украинца Осинскаго, какъ и ихъ русскихъ товарищей, вмѣстѣ съ ними отдававшихъ свои жизни общерусскому освободительному движенію. Уже въ недавнее время проф. Грушевскій далъ очень злую характеристику тогдашняго «украинофильства», а тогдашнее украинское движеніе все еще оставалось въ предѣлахъ украинофильства, слабаго по сравненію съ могучимъ теченіемъ, увлекавшимъ нашу молодежь. Драгомановъ пытался придать украинскому движенію политическій и соціальный характеръ. Но практически эта его работа проходила въ Галиціи, гдѣ онъ господствовавшія тогда консервативно-москвофильскія теченія стремился направить въ народническое русло, для чего сравнительная свобода давала извѣстный простор. Наряду съ проповѣдью языка Шевченка и Котляревскаго, понятнаго народу, онъ горячо пропагандировалъ также знакомство галицкой молодежи съ русской передовой литературой, которая боролась съ консервативными теченіями у себя... Но эта работа Драгоманова была сравнительно мало извѣстна въ Россіи. Кромѣ того, намъ казалось, что вопросъ о національной культурѣ есть вопросъ частный, который долженъ разрѣшиться на почвѣ общей свободы...

На этой почвѣ происходили у насъ споры,

главнымъ образомъ въ обѣденные часы. Украинцы называли общеруссовъ «безпочвенными радикалами». Только проповѣдь родного языка и на родномъ языкѣ придаетъ задушевность и силу освободительной проповѣди вообще... Пока не явился Николай Федоровичъ Анненскій, — мнѣ пришлось выдерживать главный натискъ Андріевскаго и Долгополова. Анненскій, отвѣчавшій на вопросъ о его родинѣ — «Офицерская улица города Петербурга», — съ большимъ одушевленіемъ и горячностью поддерживалъ «космополитическую» точку зрѣнія и съ присущимъ ему юморомъ разсказывалъ о хлопотахъ одесситовъ и кіевлянъ надъ «конспиративнымъ словаремъ». Онъ зналъ о работѣ Драгоманова въ Галиціи. Но именно эта работа давала ему аргументы противъ «безпочвеннаго національзма». Сила драгомановской проповѣди въ Галиціи истекала изъ возможности говорить съ народомъ на родномъ языкѣ... Но о чемъ говорить?.. Объ его жизненныхъ интересахъ, о борьбѣ за эти интересы. Итакъ, — прежде всего — нужна свобода политическаго слова... Остальное приложится.

Какъ это бываетъ обыкновенно, споры принимали иногда довольно горячій характеръ и порой наша столовая обращалась въ жужжащій улей. На насмѣшки надъ нашей безпочвенностью мы отвѣчали такими же указаніями на безпочвенность національзма. На упреки въ національномъ угнетеніи со стороны «русскихъ», мы отвѣчали, что въ угнетеніи участвуютъ одинаково и извѣстные слои украинцевъ. На меня лично довольно яркое впечатлѣ-

ніе произвелъ одинъ недавній для того времени эпизодъ. Когда я былъ студентомъ Петровской академіи, мнѣ пришлось ходить порой въ московское жандармское управленіе, куда я носилъ разныя вещи арестованному товарищу Царевскому. Однажды, когда я передалъ принесенное и дежурный офицеръ вышелъ изъ пріемной, ко мнѣ подошелъ изъ сосѣдней комнаты другой жандармскій офицеръ и сказалъ, что онъ услышалъ мою фамилію. Значитъ я его землякъ. И онъ сталъ растроганнымъ голосомъ говорить о нашей общей родинѣ, о томъ, какая тамъ «ковбаса та варенуха», сыпалъ украинскими словечками и поговорками... Я холодно слушалъ изліянія «земляка» и теперь въ спорахъ мы съ Николаемъ Федоровичемъ ссылались на этотъ примѣръ: вопросъ не въ «варенухахъ и ковбасѣ», а въ томъ, чтобы не было жандармовъ съ ихъ дѣятельностью — будь они украинцы или великороссы. А тогда была полоса, когда именно украинцы охотно вербовались въ жандармскую службу...

Всѣ эти споры, повторяю, были долгое время совершенно благодушны и носили скорѣе юмористическій характеръ. Помню, напримѣръ, какъ однажды Долгополовъ затѣялъ отпраздновать «роковины» смерти Шевченка, для чего испросилъ разрѣшенія Лаптева — прибавить къ обычному скудному обѣду кутью, которую взялся приготовить самолично, съ помощью прапорщика Верещагина. Эта кутья для насъ была цѣлымъ событіемъ, и мы ждали ее съ понятнымъ нетерпѣніемъ. Наконецъ прапорщикъ внесъ маленькій столикъ, который по-

ставилъ посрединѣ комнаты, а Долгополовъ водрузилъ на него блюдо. Андріевскій произнесъ рѣчь о значеніи Шевченка, которую всѣ мы прослушали съ сочувственнымъ вниманіемъ. Шевченка знали многіе, даже не понимавшіе украинской рѣчи. Дорошенко прочиталъ слабенькіе стишки, въ которыхъ изъяснялось только, что «Шевченко народъ свой любилъ». Наконецъ наступила очередь Долгополова. Онъ сталъ надъ блюдомъ, — свѣсивъ свою длинную чуприну и держась за столъ обѣими руками. Долго молчалъ, потомъ внезапно выбѣжалъ въ коридоръ... Это было уже нѣкоторымъ испытаніемъ общаго долготерпѣнія. Долгополовъ вернулся, опять взялся за столикъ обѣими руками, опять свѣсилъ свою чуприну, такъ что она едва не касалась кутьи и... опять молчалъ...

— Браво, браво, начинайте, Нифонтъ Ивановичъ, — раздались поощрительные крики.

Но Долгополовъ опять молчалъ, все ниже наклоняя голову... Наконецъ, онъ началъ:

— Ото бачите добродіи... Кутья.... Батько Тарасъ... Кутья... батько...

Бѣдняга не могъ преодолѣть волненія, заплакалъ и опять выбѣжалъ изъ комнаты.

Это было уже слишкомъ. Терпѣніе аудиторіи изсякло: всѣ бросились съ тарелками къ кутьѣ и мигомъ она вся исчезла. Вернувшись въ столовую, Долгополовъ укоризненно посмотрѣлъ на всѣхъ и сказалъ:

— Подлецы вы, подлецы, господа. И мнѣ ничего не оставили...

Но тюрьма — все таки тюрьма, и понемногу

въ споры о взаимной «безпочвенности» стала проникать нота раздраженія.

Виноваты въ этомъ были обѣ стороны, вѣрнѣе — не виноватъ никто, кромѣ тюрьмы... Споры надоѣли и стали раздражать, какъ раздражаетъ по временамъ все. У Долгополова былъ звонкій высокій теноръ, и каждое утро, порой даже раньше верещагинскаго сигнала, изъ его камеры неслось постоянно повторяемое двустишіе:

— Ой умру я, моя мамо.

— Ой умру-у, о-о-ой умру...

Дальше пѣсня не шла, но этотъ вопль повторялся такъ звонко и часто, что иной разъ какой-нибудь нетерпѣливый человѣкъ, ворочаясь по постели, говорилъ сердито:

— Чортъ возьми. Все только обѣщаетъ и все оретъ истошнымъ голосомъ...

Это безпредметное взаимное раздраженіе нарастало и въ спорахъ. Вообще національныя чувства всего легче порождаютъ психологію безпредметнаго и неосмысленнаго раздраженія, и это сказалось разъ такъ замѣтно, что Андріевскій, старый педагогъ, спохватился. Однажды, за обѣдомъ онъ всталъ и произнесъ небольшой спичъ на тему изъ одного стихотворенія Полонскаго, начинающагося словами: «Боже мой, Боже мой, поздно приду я домой» и кончающагося моралью: «Есть у насъ люди, общества нѣтъ». Это было сказано такъ кстати и такъ умно, что послѣ этого слѣды взаимнаго раздраженія исчезли, по крайней мѣрѣ

не проявлялись болѣе ни въ какихъ вспышкахъ, и у меня осталось прекрасное воспоминаніе и объ Андріевскомъ, и о Долгополовѣ и обо всемъ этомъ періодѣ пребыванія въ В. П. Т.

CXIV

ОТПРАВКА ПЕРВОЙ ПАРТІИ — ВАРШАВЯНЕ-ПРОЛЕТАРІАТЦЫ И НАЧАЛО КАРЬЕРЫ ПЛЕВЕ — КОММУНИСТЫ И АРИСТОКРАТЫ

Наступила весна, вскрылась Волга, и мы стали подумывать о предстоящемъ путешествіи, такъ какъ никакихъ результатовъ отъ посѣщенія кн. Имеретинскаго не ждали. Наконецъ, помнится, въ началѣ мая мы узнали, что вскорѣ должна выступить изъ В. П. Т. первая партія.

Въ эту партію я не попалъ и очень жалѣлъ объ этомъ, такъ какъ въ нее попалъ Николай Федоровичъ Анненскій. Тутъ же были назначены еще Волоховъ, Швецовъ, Андріевскій и Павленковъ. Андріевскій тотчасъ же заболѣлъ, потребовалъ медицинскаго освидѣтельствованія, пустилъ въ ходъ всѣ свои связи въ министерствѣ нар. просвѣщенія, гдѣ онъ справедливо считался однимъ изъ лучшихъ педагоговъ, и ему удалось остаться сначала отъ первой партіи, потомъ отъ второй, и наконецъ онъ совершенно реабилитировался и занялъ мѣсто инспектора въ одной изъ провинціальныхъ гимназій. Здоровье его было дѣйствительно сильно разстроено.

Съ Анненскимъ и его семьей и я, и пріѣзжавшія ко мнѣ мать и сестры успѣли подружиться такъ крѣпко, что дружба эта осталась навсегда. Такія связи, возникающія въ условіяхъ общаго заключенія или общаго посѣщенія заключенныхъ, бываютъ вообще прочны, и я мечталъ, что быть можетъ мы попадемъ съ Анненскимъ въ одно мѣсто. Александра Никитишна, извѣстная уже и тогда писательница для дѣтей, — рѣшила слѣдовать за мужемъ вмѣстѣ съ племянницей. Моя мать и сестры должны были уѣхать въ Красноярскъ, къ зятю, и мнѣ казалось вѣроятнымъ, что наши сдружившіяся семьи смогутъ устроиться гдѣ-нибудь вмѣстѣ. Но списокъ первой партіи былъ объявленъ, и я въ него не попалъ.

Въ извѣстный день съ утра въ тюрьму явился усиленный конвой. Назначенныхъ къ отправкѣ вызывали сначала въ контору, потомъ выстроили во дворѣ. Вещи послѣ осмотра выносили на телѣги. Какой-то чиновникъ изъ канцеляріи тверского губернатора прочиталъ, списокъ, въ которомъ объявлялись ссылаемымъ «основанія» ссылки. Это были по большей части слишкомъ общія указанія на извѣстный высочайшій указъ, и мало кто этимъ интересовался. Арестанты посмѣивались и разговаривали въ окна съ остающимися товарищами. Всѣ мы, разумѣется, приникли къ рѣшеткамъ, стараясь обмѣняться послѣдними привѣтствіями. Мнѣ кажется, что въ этотъ разъ на непривилегированныхъ, которыхъ въ этой партіи было мало, надѣли наручни. Это было уже прямое беззаконіе, такъ какъ по закону кандалы на-

дѣваются только послѣ лишенія правъ... Но мнѣ вспоминается выразительная фигура Кожухова, который въ послѣднюю минуту передъ выступленіемъ партіи поднималъ къ нашимъ окнамъ скованныя руки. Это могло возбудить протестъ, но тотчасъ же тюремныя ворота раскрылись и колонна двинулась со двора среди двухъ рядовъ солдатъ... Черезъ короткое время она появилась на шоссе, пролегавшемъ мимо нашей тюрьмы. Помню особенное чувство, которое невольно шевельнулось въ груди, точно эти случайно сведенные здѣсь люди были родные, и теперь мысль невольно бѣжала за ними въ эту безвѣстную даль. Нѣсколько кликовъ привѣта, нѣсколько прощальныхъ словъ въ догонку, и колонна, выстроенная въ порядкѣ, двинулась по шоссе и скоро заволоклась пылью.

Мы сошли съ оконъ въ опостылѣвшую тюрьму. Особенно опустѣла наша большая камера. Въ ней не стало Аненнскаго, Павленкова, Верещагина, Волохова и Кожухова. Скоро впрочемъ она наполнилась вновь и даже съ излишкомъ.

Къ намъ стали присылать новыхъ жильцовъ, и черезъ короткое время число заключенныхъ возросло до 60—70-ти человѣкъ. Одно время въ нашей тюрьмѣ появилась даже маленькая дѣвочка лѣтъ пяти, попавшая сюда впрочемъ ненадолго вмѣстѣ съ полькой-матерью. Это былъ очень милый, изящный ребенокъ, глядѣвшій на новую обстановку широко открытыми голубыми глазками. Въ часы прогулокъ она бѣгала по двору, заглядывая во всѣ углы, под-

ходила къ караульнымъ солдатамъ, простодушно предлагая имъ вопросы на польскомъ языкѣ, а разъ ее до такой степени заинтересовала сабля подпоручика Соловьева, которою онъ гремѣлъ по мостовой и на которую въ ту минуту картинно опирался, съ кѣмъ-то разговаривая, что она подбѣжала сзади и съ любопытствомъ схватила рученкой за это смертоносное оружіе. Надо замѣтить, что этотъ подпоручикъ демонстрировалъ всячески свое нерасположеніе къ намъ и необыкновенную строгость: когда мы выходили на прогулку, онъ считалъ нужнымъ раздавать при насъ патроны караульнымъ и громко наставлялъ солдатъ относительно неуклоннаго ихъ примѣненія. Самъ былъ постоянно въ боевой готовности и, почувствовавъ, что кто-то схватилъ сзади за его саблю, рѣзко повернулся: передъ нимъ стояла голубоглазая дѣвочка, съ любопытствомъ глядя въ упоръ на интереснаго дядю. Не только мы, но и солдаты ухмылялись при видѣ этой картины.

Значительный контингентъ новыхъ заключенныхъ составляли польскіе студенты, присланные изъ варшавской цитадели по дѣлу такъ называемаго «пролетаріата». Это было революціонное тайное общество съ марксистско-соціалистическимъ направленіемъ. Дѣйствовало оно среди городского рабочаго населенія. Въ Польшѣ рабочій пролетаріатъ былъ и въ то время многочисленнѣе и пожалуй культурнѣе нашего. Освобожденіе крестьянъ и особенно польское возстаніе 1863-го года, съ его контрибуціями и отнятіемъ имѣній, сказалось на польскихъ помѣщикахъ гораздо сильнѣе,

чѣмъ въ Россіи. Отложился довольно значительный контингентъ юношей, не успѣвшихъ докончить образованія и вынужденныхъ явной необходимостью взяться за физическій трудъ. Такимъ именно интеллигентнымъ рабочимъ былъ, между прочимъ, Вацлавъ Сѣрошевскій, писавшій хорошіе стихи и впослѣдствіи получившій широкую извѣстность въ польской и русской литературѣ. Черезъ этихъ своихъ бывшихъ товарищей варшавскіе студенты легко проникали въ рабочую среду съ соціалистической пропагандой. Съ другой стороны у пролетаріатцевъ были связи съ молодой польской литературой. Я уже говорилъ о своей встрѣчѣ въ Починкахъ съ Поплавскимъ. Онъ тоже былъ членомъ тайнаго общества и одновременно сотрудникомъ газеты («Еженедѣльное Обозрѣніе»), въ которомъ работали такъ называемые «позитивисты», въ томъ числѣ Свентоховскій и Сенкевичъ. Къ намъ въ В. П. Т. попали тоже сотрудники «обозрѣнія» Венцковскій, Герингъ и кажется нѣкоторые другіе.

Дѣло это обратило въ свое время серьезное вниманіе, а съ нимъ вмѣстѣ привлекъ вниманіе высшихъ сферъ В. К. Плеве. Онъ былъ тогда скромнымъ товарищемъ прокурора варшавской судебной палаты. Прокуроромъ былъ, если память не измѣняетъ мнѣ относительно фамиліи, нѣкто Устимовичъ, странный человѣкъ, совмѣщавшій дѣятельность прокурора съ полу-сектантскимъ образомъ мыслей. Впослѣдствіи, отказавшись отъ должности, на которой могъ бы сдѣлать блестящую карьеру, онъ сталъ издавать въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ

небольшую газету съ полу-толстовскимъ направленіемъ. Когда слѣдствіе по дѣлу пролетаріатцевъ было закончено и въ министерство поступилъ обстоятельный докладъ, Устимовичу предстояло получить за него награду. Но онъ, очевидно, не дорожилъ этой наградой и, отправившись въ Петербургъ, разъяснилъ тамъ, что въ сущности все дѣло провелъ не онъ, а его молодой товарищъ Плеве. Это и привлекло впервые благоволеніе бюрократическаго Олимпа къ скромному и дотолѣ малоизвѣстному имени будущаго министра.

Прибывшіе къ намъ пролетаріатцы много и съ очевиднымъ интересомъ разсказывали объ этой новой звѣздѣ юридическаго міра. По ихъ словамъ, Плеве былъ человѣкъ несомнѣнно способный и умный, но безсовѣстный карьеристъ. Онъ любилъ между прочимъ вступать съ допрашиваемыми въ неофиціальные разговоры принципіальнаго характера, причемъ выставлялъ себя убѣжденнымъ конституціоналистомъ. — «Для Россіи, — говорилъ онъ, — давно наступила пора политической зрѣлости и конституціоннаго правленія. Это сознало уже все просвѣщенное общество, сознаетъ и государь. И только вы, господа революціонеры, мѣшаете реформѣ. Какъ хотите, — простое самолюбіе не позволяетъ дать конституцію во время борьбы. Это походило бы на вынужденную уступку, а самодержавіе еще не такъ слабо». Поэтому даже искренніе либералы, напримѣръ, и онъ, Плеве, считаютъ нужнымъ бороться съ революціей, чтобы расчистить дорогу реформѣ...

Сначала успокоеніе, потомъ реформа.

Вся эта польская молодежь отличалась отъ русскаго студенчества большей внѣшней культурностью. Были тутъ и такія утонченныя фигуры, которыхъ было странно видѣть въ тюремной обстановкѣ. Среди нихъ выдавался молодой инженеръ Венцковскій, жившій въ Петербургѣ и обращавшій на себя вниманіе на сходкахъ живостью рѣчи, а впослѣдствіи окончательно слившійся съ петербургскими интеллигентными кругами. Помню еще Геринга, помѣщавшаго въ «Еженедѣльномъ Обозрѣніи» и, кажется въ Głos'ѣ («Голосѣ»), экономическія статьи, затѣмъ двухъ братьевъ Грабовскихъ, изъ которыхъ старшій былъ врачемъ. Онъ былъ теперь, пожалуй, самый старшій изъ всего населенія В. П. Т. Въ его широкой окладистой черной бородѣ уже мелькала красивая сѣдина. Вспоминаю еще Абрамовича, Августовича, Гельперина, Рогальскаго, Мондштейна и другого врача, Даниловича. Все это оказались хорошіе малые и отличные товарищи, и скоро мы сжились съ ними. Послѣ этого жизнь въ В. П. Т. пошла прежней колеей, пока... не возникло совершенно неожиданное столкновеніе, раздѣлившее нашу мирную среду на «аристократовъ» и «демократовъ» или коммунистовъ.

Случилось это раздѣленіе на партіи слѣдующимъ образомъ. До тѣхъ поръ отношенія въ В. П. Т. были простыя, товарищескія. У насъ были «привилегированные» и «непривилегированные», получавшіе отъ казны меньшій паекъ. Различіе это, конечно, фактически не существовало: кухня была общая. Когда пер-

вой партіи пришлось собираться въ путъ, — мы постарались выяснить, сколько можно отложить въ общую кассу для того, чтобы, приходя на мѣсто, каждый могъ выйти изъ тюрьмы хотя бы съ нѣсколькими рублями. Для этого тѣ, у кого было денегъ нѣсколько больше средняго, — добровольно опредѣляли, сколько они могутъ отложить въ общую кассу. Все это дѣлалось по товарищески, просто, и ни въ комъ никакихъ сомнѣній не возбуждало.

Когда пришло время собираться въ путь слѣдующей партіи, мы тоже рѣшили выяснить возможную наличность общей кассы. Я сѣлъ за столъ съ карандашемъ и бумагой и сталъ записывать. Сначала все шло, какъ и въ прошлый разъ: я велъ запись, считая это самымъ простымъ дѣломъ, какъ вдругъ случилась заминка.

Былъ у насъ нѣкто Рождественскій, студентъ, кажется изъ саратовскихъ семинаристовъ. Онъ прибылъ въ В. П. Т. уже въ послѣдніе дни и имѣлъ очень жалкій видъ: все лицо его было покрыто какой-то экземой, которая, кажется, объяснялась истощеніемъ отъ долгаго заключенія и продолжительными разговорами «въ клубѣ». Въ домѣ предварительнаго заключенія можно было разговаривать изъ этажа въ этажъ по клозетнымъ трубамъ, если особеннымъ образомъ выплескать изъ резервуаровъ воду. «Клубъ» былъ не особенно пріятный, но нѣкоторые любители проводили въ разговорахъ цѣлые дни, а Рождественскій былъ очевидно человѣкъ очень общительный. Какъ бы то ни было, къ намъ онъ пріѣхалъ весь въ

экземѣ, съ большими темными очками на глазахъ, придававшими его пестрому лицу видь филина. Мы скоро полюбили этого добродушнѣйшаго человѣка и почему-то прозвали его «жертвой». Онъ сразу вошель въ колею нашей вышневолоцкой жизни, участовалъ охотно, но не особенно ловко въ нашихъ спартанскихъ играхъ, причемъ мы всѣ хохотали, глядя, какъ онъ, при игрѣ въ чехарду, усаживался на шею стоявшаго въ согнутомъ положенiи товарища. Зрѣлище дѣйствительно бывало «достойно, какъ говорится, кисти художника»: согнутая фигура и на плечахъ у нея, судорожно въ нихъ вцѣпившись, возсѣдалъ человѣкъ съ лицомъ въ экземѣ и съ темными кругами на глазахъ.

И этому-то добродушнѣйшему и очень неглупому человѣку суждено было нарушить надолго доброе согласiе въ нашей тюремной жизни. Когда до него дошла очередь заявленiя относительно доли участiя его въ общей кассѣ, — онъ подошелъ къ столу и сказалъ съ какимъ-то особеннымъ натискомъ:

— Я . . . жертвую рупь . . . Рупь на бѣдность...

За нимъ вышелъ К—скiй и тоже, ударивъ по столу рукой, повторилъ:

— И я жертвую на бѣдныхъ одинъ рупь . . .

Дѣло становилось ясно: рѣчь шла о томъ, что добровольные сборы имѣютъ унизительный характеръ «пожертвованiя». Откололась партiя, считавшая, что вмѣсто добровольныхъ пожертвованiй нужно произвести принудительный раздѣлъ имуществъ. Всѣ заявляютъ о томъ, сколько у кого денегъ, и затѣмъ «общество» производитъ раздѣлъ поровну.

Душой этого «переворота» былъ, очевидно, Кн—ій, тотъ самый строгій человѣкъ, который такъ немилостиво отнесся къ нашему коллективному роману и котораго подозрѣвали въ его цензурномъ запрещеніи. Лозунгъ казался правильнымъ, и къ нему сразу примкнули очень симпатичные люди, въ родѣ «Жертвы», Пети Попова, Швецова и другихъ. Рабочіе сразу же стали на сторону «коммунистовъ», почувствовавъ себя оскорбленными «добровольными даяніями». Поляки въ большинствѣ оказались «индивидуалистами» и отошли въ лагерь «аристократовъ».

Я сначала не придалъ значенія этому «вопросу», поставленному «Жертвой». Онъ мнѣ казался просто «бурей въ стаканѣ воды», которыя такъ легко возникаютъ въ тюрьмѣ. Скоро однако вскрылась болѣе серьезная сторона дѣла. Ко мнѣ пришелъ одинъ изъ поляковъ и разсказалъ слѣдующую исторію. Въ Москвѣ у него есть невѣста, больная и слабая. Едва ли проживетъ долго. Еще въ Варшавѣ они рѣшили повѣнчаться. Это была свадьба не для счастливой жизни, а для спокойной, по возможности, смерти больного и измученнаго человѣка. Кружокъ ближайшихъ товарищей собралъ небольшія средства, назначенныя не столько для Даниловича, сколько для его невѣсты, но они числятся его наличностью. Почему онъ долженъ отдавать ихъ случайно собраннымъ мѣрами правительства товарищамъ по заключенію?.. Когда я вошелъ въ камеру Князевскаго, гдѣ шло обсужденіе вопроса съ демократической точки зрѣнія, и поставилъ,

не называя именъ, этотъ вопросъ, — кое кто задумался, а К—ій сказалъ рѣшительно:

— Пусть изложитъ это передъ обществомъ. Общество разсудитъ и можетъ быть согласится съ его просьбой.

Это была явная нелѣпость, и поляки прямо возмутились. Они считаютъ данное «общество» товарищами только по заключенію и готовы сдѣлать что въ состояніи въ этихъ предѣлахъ. Но у каждаго изъ нихъ есть на волѣ и въ другихъ тюрьмахъ гораздо болѣе крѣпкія связи, которыхъ они не намѣрены отдавать на судъ случайнаго состава данной тюрьмы...

Съ этихъ поръ мирная дотолѣ жизнь В. П. Т. была отравлена. Люди, до тѣхъ поръ считавшіе себя товарищами, оказались во «враждебныхъ партіяхъ». Помню такой случай. Былъ въ нашей средѣ рабочій Девятниковъ. Это былъ дюжій на видъ, коренастый и повидимому сильный бѣлоруссъ, успѣвшій побывать въ Америкѣ въ исканіяхъ правды и лучшей жизни. На первый взглядъ онъ походилъ на медвѣдя и, когда я описывалъ въ своемъ разсказѣ «Безъ языка» лозищанина Матвѣя и его борьбу съ вызвавшимъ его на боксъ американцемъ, — передо мной отчасти рисовалась фигура Девятникова, съ которымъ былъ именно такой случай. Однако, несмотря на фигуру медвѣдя, этотъ человѣкъ былъ нервенъ, какъ слабый ребенокъ, и преувеличенно реагировалъ на все. Сначала его приводила въ восторгъ атмосфера простого товарищества, господствовавшая въ В. П. Т. Онъ старался пополнить свое образова-

ніе и просилъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и меня, заняться съ нимъ кое-какими предметами. Я попросилъ Ипполита Павловича позволить намъ заниматься въ ранніе часы, еще до повѣрки, въ пустой столовой. Онъ такъ обрадовался этому, что въ первый же разъ, когда насъ выпустили изъ разныхъ камеръ въ столовую, — бросился мнѣ на шею со слезами на глазахъ. Послѣ того, какъ въ нашемъ мирномъ строѣ произошелъ переворотъ, — Девятниковъ сталъ коммунистомъ, а я, возмущенный притязаніями Кн—аго, рѣшительно отошелъ къ индивидуалистамъ-аристократамъ. Въ первое же послѣ этого утро Девятниковъ явился на урокъ совершенно разстроенный: онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что мы принадлежимъ къ разнымъ партіямъ и заниматься нейтральными вопросами элементарной ариѳметики стало трудно.

Затѣмъ начались дрязги среди самихъ «коммунистовъ». Одинъ изъ рабочихъ явился ко мнѣ раздраженный и заявилъ, что среди ихъ идетъ такой разговоръ: Кн—ій является главой ихъ партіи. Между тѣмъ нѣкоторымъ товарищамъ извѣстно, что въ воротникѣ его халата зашиты 75 рублей, о которыхъ онъ не заявилъ обществу. Эта исторія вызвала много дурныхъ чувствъ и гадкихъ подозрѣній. Кн—ій объяснилъ, что деньги эти доставлены лично ему на случай побѣга. И это, конечно, правда. Но противники замѣчали, что «случай побѣга» — это именно такой случай, въ которомъ товарищи должны имѣть право голоса и общаго рѣшенія. На это Кн—ій отвѣтилъ прямой угро-

зой побить всякаго, кто осмѣлится возбудить этотъ вопросъ.

Вообще объ этомъ періодѣ нашего пребыванія въ В. П. Т. у меня сохранилось воспоминаніе далеко не столь безмятежное, какъ о первомъ. Впрочемъ, это сглаживается многими интересными знакомствами и тѣмъ, что исторія нашего «коммунизма» послѣ инцидента съ Кн—имъ стала постепенно отступать на задній планъ. Впрочемъ, она держалась даже въ пути и только уже на одномъ изъ сибирскихъ этаповъ расплылась въ одномъ благодушно комическомъ эпизодѣ.

CXV

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТІЯ ВЪ ПУТИ — ИСТОРІЯ КРЕСТЬЯНИНА КУРИЦЫНА — МЕНЯ ВЫБИРАЮТЪ СТАРОСТОЙ, И Я УЗНАЮ ТОЧНО, ЗА ЧТО МЕНЯ ВЫСЫЛАЮТЪ ВЪ ЯКУТСКУЮ ОБЛАСТЬ

Наконецъ пришла и наша очередь. Кажется, приблизительно во 2-й половинѣ іюля 1879 года партія двинулась изъ В. П. Т. Я былъ назначенъ въ эту партію. Все происходило въ томъ же порядкѣ, какъ и въ первый разъ. Губернаторскій чиновникъ монотонно читалъ списокъ съ фамиліями и съ перечисленіемъ указовъ... Мы болѣе были заняты разговорами съ остающимися товарищами, и я какъ-то даже не поинтересовался прислушаться, за что имен-

по меня высылаютъ. Ну, конечно, сугубая неблагонадежность и особенно вредный образъ мыслей... Не интересно. Но, когда эта процедура была кончена, одинъ изъ товарищей подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Послушайте... Развѣ вы бѣжали съ мѣста ссылки? Почему-же вы намъ не разсказывали объ этомъ?

Я удивился. — «Откуда вы это взяли?»

— Сейчасъ чиновникъ прочиталъ.

— Это не можетъ быть... Вы навѣрное ошибаетесь.

Среди товарищей начался споръ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что тоже слышали нѣчто въ этомъ родѣ, но что это относилось къ кому-то другому. Оставалось выяснить вопросъ изъ первоисточника, но, когда я протолкался къ столику, гдѣ чиновникъ укладывалъ въ портфель бумаги, онъ на мой вопросъ отвѣтилъ торопливо:

— Я уже читалъ.

И, спѣшно окончивъ укладку, онъ скрылся среди кучки караульныхъ офицеровъ и другого начальства. Товарищи возбужденно зашумѣли. Легко могла возникнуть вспышка, если бы я настаивалъ. Но я подумалъ, что тутъ навѣрное какое-нибудь недоразумѣніе и махнулъ рукой... Навѣрное не за побѣгъ, а за что именно, — не все ли равно! Когда мы пришли на вокзалъ (около 2-хъ верстъ) и сѣли въ арестантскій вагонъ съ рѣшетками, — этотъ эпизодъ испарился изъ моей головы и мое вниманіе устремилось навстрѣчу новымъ впечатлѣніямъ.

По желѣзной дорогѣ насъ привезли въ Нижній-Новгородъ, безъ остановки въ Москвѣ, и посадили сразу на арестантскую баржу. Отсюда до Перми путь лежалъ по Волгѣ и Камѣ. Мы уже знали изъ писемъ прежде уѣхавшихъ товарищей, что это самая пріятная часть пути: арестантская баржа, буксируемая небольшимъ буксиро-пассажирскимъ пароходомъ Курбатова, тихо плыветъ между живописными берегами Волги и Камы, и даже больные поправляются послѣ тюрьмы.

Отправка предстояла на слѣдующій день: къ намъ должны были присоединить нѣсколько человѣкъ изъ Москвы и изъ Мценска, а поѣзда оттуда приходили, помнится, раннимъ утромъ. Войдя на баржу, мы сразу обратили вниманіе на молодого человѣка, одѣтаго въ штатское платье и бѣлый картузъ, на которомъ при каждомъ движеніи звенѣли ножные кандалы. Это оказался Иванъ Ивановичъ Папинъ, осужденный по одному изъ раннихъ процессовъ, вмѣстѣ съ Гамовымъ, Дмоховскимъ и другими.

При этомъ имени въ моей памяти всталъ одинъ эпизодъ изъ первыхъ годовъ моей студенческой жизни. Одно время наша компанія сильно увлеклась театромъ. Въ тотъ сезонъ въ большой оперѣ пѣли одновременно Патти и Нильсонъ. Мѣста всѣ были абонированы, оставалась только галерка. Чтобы получить билеты на эти нѣсколько десятковъ мѣстъ, приходилось простаивать у театральнаго подъѣзда цѣлыя ночи. Несмотря на это неудобство и на скудость бюджета, мы все таки часто доставали дешевые билеты. Подъѣздъ, куда на-

до было являться наканунѣ часовъ съ 11-ти вечера, выходилъ на Театральную площадь, къ сторонѣ Офицерской улицы. Отсюда были видны за каналомъ темныя ворота Литовскаго тюремнаго замка. Компанія завсегдатаевъ вся перезнакомилась, установились свои обычаи, и время ожиданія сокращалось шутками и весельемъ. Однажды въ раннія утреннія сумерки, ворота Литовскаго замка вдругъ распахнулись, и изъ нихъ выѣхалъ тюремный возокъ, окруженный отрядомъ жандармовъ. Они вскачь пронеслись мимо насъ и исчезли за угломъ театра. Черезъ нѣкоторое время подошелъ какой-то никому незнакомый студентъ и сообщилъ намъ, что это провезли политическихъ приговоренныхъ по послѣднему процессу. Онъ назвалъ нѣсколько фамилій, въ томъ числѣ Папина. Ихъ повезли на площадь, гдѣ надъ ними теперь производится на плахѣ процедура лишенія правъ.

Тогда еще продѣлывалась надъ осужденными дворянами эта церемонія съ эшафотомъ и съ палачемъ, ломающимъ шпаги надъ головами осужденныхъ. Мнѣ ярко запомнилось мглистое и слякотное петербургское утро и эта черная карета, окруженная скачущими всадниками. Даже мои театральныя увлеченія съ этого утра стали проходить...

Папинъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ бѣлгородской централкѣ, и теперь стоялъ среди насъ. Несмотря на то, что прежде, чѣмъ отправить на поселеніе въ восточную Сибирь, его продержали нѣсколько мѣсяцевъ въ Мценской тюрьмѣ, въ сравнительно свободномъ ре-

жимѣ, у него еще сохранились слѣды многолѣтняго тяжкаго заключенія. Лицо было какое-то землистое, и онъ странно оглядывался на толпу, съ любопытствомъ его окружавшую. Мы тоже разсматривали его, точно выходца изъ другого міра.

Вечеромъ нашу баржу подвели къ пристани Курбатова и поставили рядомъ съ буксирно-пассажирскимъ пароходомъ. Насъ заперли въ трюмѣ. Посрединѣ довольно большого помѣщенія былъ проходъ, отгороженный проволочными рѣшетками. Въ этомъ проходѣ стояли караульные жандармы, которые могли видѣть все, что мы дѣлали. Маленькіе круглые люки отворялись для освѣженія воздуха. Я выглянулъ въ одинъ изъ нихъ, чтобы поглядѣть на Волгу. Но рѣки не было видно. О бортъ съ нашей баржой стоялъ пароходъ и прямо противъ нашего люка находилось такое же круглое оконце пассажирской каюты. Какая-то семья собралась пить чай. Въ окно выглянула маленькая кудрявая дѣвочка, которую видимо заинтересовала близость нашихъ оконъ съ выглядывавшими въ нихъ арестантами.

— Мамочка, мама... — защебетала дѣвочка. Красивая молодая дама подошла къ окну, взглянула въ него и тотчасъ же брезгливо задернула занавѣску. Наше близкое сосѣдство показалось ей, должно-быть, соблазнительнымъ, а можетъ быть и опаснымъ.

Рано утромъ наша баржа плавно потянулась на буксирѣ. Послѣ провѣрки насъ выпустили на палубу и, когда баржа обогнула гору, и городъ скрылся изъ виду, — занавѣски рѣ-

шетчатаго тента были раздвинуты, и мы могли безпрепятственно любоваться чудесной панорамой волжскихъ береговъ. Такъ началось наше плаваніе, о которомъ, я увѣренъ, многіе и до сихъ поръ вспоминаютъ съ удовольствіемъ. Погода была чудесная, и мы цѣлые дни проводили на палубѣ, знакомясь съ новоприбывшими. Къ двумъ изъ нашихъ товарищей присоединились невѣсты, сидѣвшія въ московской тюрьмѣ. Одна была женщина не первой молодости, совершенно больная и разбитая, другая — совсѣмъ молоденькая дѣвушка, тоже худенькая и блѣдная съ прекрасными глубокими черными глазами, сохранившими еще дѣтское выраженіе. Къ намъ присоединили еще цѣлую партію изъ мценской тюрьмы, среди которыхъ помню И. П. Бѣлоконскаго, впослѣдствіи довольно извѣстнаго писателя, а тогда сотрудника одесскихъ газетъ, а также каторжанъ Колѣнкину и Берникова, молодого человѣка, очень полнаго, побрякивавшаго, какъ и Папинъ, ножными кандалами.

Общее вниманіе вызвала еще одна характерная фигура. Это былъ простой крестьянинъ, присоединенный тоже въ Нижнемъ, куда, впрочемъ, онъ былъ присланъ къ отходу нашей партіи изъ Тверской губерніи. Онъ долгое время оглядывался на насъ сѣрыми простодушными глазами, въ которыхъ можно было замѣтить недоумѣніе и страхъ: общество, видимо, казалось ему чуждымъ и непривычнымъ. Намъ тоже казалась странной эта нетронуто-деревенская фигура, попавшая неизвѣстно почему въ политическую партію. Первое время онъ

всѣхъ чуждался, но потомъ, замѣтивъ, что среди насъ есть и рабочіе, то есть свой братъ, разговорился кое съ кѣмъ изъ нихъ и простодушно разсказалъ свою исторію.

Исторія была странная. Онъ былъ коренной крестьянинъ Тверской губерніи, занимавшійся кромѣ земледѣлія еще торговлей. Изъ него повидимому начиналъ вырабатываться деревенскій кулачекъ, но онъ не отказался еще отъ земли и вообще раздѣлялъ всѣ интересы однодеревенцевъ. У крестьянъ его деревни шла земельная тяжба съ помѣщикомъ, и Курицынъ принималъ въ ней горячее участіе. Я выше уже упоминалъ о настроеніи, которое водворялось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ связи съ покушеніями на царя. Въ Петербургѣ и Саратовѣ рабочіе въ день царскаго юбилея кидались на интеллигенцію и вообще на господъ. Въ Тверской губ. толпа крестьянъ гналась за исправникомъ. Вообще тогдашнее вѣрноподданство обнаруживало нѣкоторый уклонъ къ своего рода пугачовщинѣ: за царя противъ господъ, которые хотятъ его извести. Крестьяне того села, въ которомъ жилъ Курицынъ, рѣшили, что лучшимъ ихъ ходомъ въ тяжбѣ противъ помѣщика будетъ теперь политическій доносъ, который и былъ состряпанъ въ лавочкѣ Курицына и при его участіи: къ ихъ помѣщику пріѣзжалъ, дескать, какой-то незнакомецъ, они таинственно запирались въ кабинетѣ, долго шептались и затѣмъ послѣдовало покушеніе. Время было тревожное. Къ удовольствію мужиковъ къ помѣщику нагрянули жандармы, произвели обыскъ, и дѣло казалось

выиграннымъ. Но доносъ коснулся сильнаго человѣка, кажется, даже родственника кн. Долгорукова, тогдашняго московскаго ген.-губернатора. Наивная подкладка крестьянской стряпни скоро разъяснилась. Нѣкоторыхъ крестьянъ арестовали, а Курицына, явнаго зачинщика, рѣшили сослать въ Сибирь, какъ... «политическаго преступника».

Все это онъ простодушнѣйшимъ образомъ разсказывалъ рабочимъ, разсчитывая на ихъ полное сочувствіе.

— Видите... Помѣщикъ нашъ пошелъ супротивъ царя. Мы, значитъ, крестьяне, царя пожалѣли, донесли... А начальство, смотри ты, вмѣсто его да упекло меня. Извѣстное дѣло: нѣтъ у царя вѣрныхъ слугъ.

После этого многіе стали сторониться этого вѣрноподданнаго доносчика, но меня заинтересовало его міровоззрѣніе. Оно имѣло общую почву съ знакомыми мнѣ ходоками, но было такъ далеко по конечнымъ выводамъ. Я рѣшилъ присмотрѣться къ Курицыну пристальнѣе.

По Камѣ мы доѣхали до Перми. Здѣсь прямо съ баржи насъ усадили въ вагоны уральской жел. дороги и привезли въ Екатеринбургъ. Отсюда до Тюмени насъ везли на подводахъ, по двое, предоставивъ свободно выбирать себѣ путевыхъ товарищей. Я выбралъ себѣ въ товарищи Курицына, котораго другіе избѣгали. Онъ повидимому былъ этимъ тронутъ и охотно согласился.

Нашъ поѣздъ растянулся длинной вереницей по широкому сибирскому тракту. Мы ѣхали

между волнующимися, еще не созрѣвшими хлѣбами. Курицынъ смотрѣлъ на все широко открытыми глазами, съ чисто ребяческимъ любопытствомъ, направленнымъ, конечно, на самые интересные для мужика предметы. Съ нами въ телѣгѣ ѣхали два вооруженныхъ конвойныхъ солдата и ямщикъ крестьянинъ. Курицынъ то и дѣло обращался къ послѣднему:

— Чья это земля?.. А вотъ эта?.. А эта!..

Ямщикъ отвѣчалъ неизмѣнно:

— Чья!.. Извѣстно, крестьянская...

— Да гдѣ-же у васъ помѣщичьи земли? — спросилъ съ удивленіемъ Курицынъ.

— Каки помѣщики?.. У насъ ихъ съ роду не бывало.

Курицынъ оглянулся на меня съ изумленіемъ и даже хлопнулъ себя по колѣну.

— Слыхалъ ты это, а?.. Ахъ, братецъ мой, числивые вы какіе... А у насъ ихъ точно чортъ н—алъ... Или бы несъ въ дырявомъ мѣшкѣ да просыпалъ. Вишь ты, — у насъ ихъ густо, у васъ пусто. Числивые вы. А еще говорятъ: Сибирь!

Сибирь стала ему казаться не такой страшной. Онъ принялся даже мечтать: пріѣдетъ онъ на мѣсто, выпишетъ къ себѣ жену, Матрену Ивановну...

— Эхъ, братецъ, — говорилъ онъ мнѣ довѣрчивымъ тономъ. — Погляжу я на вашихъ бабъ, на политическихъ. Жидкой народъ, посмотрѣть не на что. То ли дѣло моя Матрена Ивановна... Вотъ это баба! А ужъ работница, скажу тебѣ. Куда хошь ее поверни... Что въ полѣ жать, что въ лавочкѣ торговать, на все годит-

ся... Достатокъ у насъ есть: снимемъ землицы, лавочку откроемъ... Что ты думаешь, а?.. И слышь, — какъ устроимся, — напишу тебѣ... Просись и ты къ намъ, ей Богу. Полюбился ты мнѣ. Въ подручные тебя возьму, заживемъ вмѣстѣ...

Я смѣялся, но оказалось, что Курицынъ говорилъ серьезно. Мѣсяца четыре спустя я получилъ черезъ приказъ о ссыльныхъ письмо отъ него съ извѣстіемъ, что онъ устроился гдѣ-то въ Забайкальи. Мѣста отличныя, земли довольно... И онъ по пріятельству зоветъ меня къ себѣ, какъ обѣщалъ тогда въ дорогѣ, и даже невѣсту мнѣ присмотрѣлъ...

Вообще въ этомъ этапномъ пути на широкомъ трактѣ между буйными хлѣбными всходами Курицынъ распустился и расцвѣлъ. Отъ его недавней запуганности не осталось и слѣда. Онъ шутилъ, запѣвалъ пѣсни, болталъ о «числивыхъ сибирскихъ мѣстахъ» и несчастной Рассеѣ, сыпалъ прибаутками, такъ что наша телѣжка была, пожалуй, самая веселая во всемъ поѣздѣ...

Такъ подъѣхали мы къ тому мѣсту, гдѣ на грани стоитъ каменный столбъ съ гербомъ, въ одну сторону Пермской губ., въ другую — Тобольской. Это и есть начало Сибири. Здѣсь нашъ длинный кортежъ остановился. У всѣхъ зашевелилось въ душѣ особое чувство, какъ будто эта грань рѣзко пролегла по каждому сердцу. Женщины сошли съ телѣгъ и стали собирать у дороги цвѣты. Кое кто захватывалъ «горсточку родной земли», вообще всѣ казались нѣсколько растроганными.

Не помню точно, здѣсь ли или на другой такой же остановкѣ на тракту, съ Курицынымъ случилось небольшое приключеніе, которое могло кончиться трагически. Онъ тоже сошелъ съ телѣги и сталъ оглядываться по сторонамъ. Нашъ поѣздъ стоялъ, вытянувшись по тракту, обведенному съ двухъ сторонъ канавками. Невдалекѣ виднѣлся перелѣсокъ, за которымъ начинался лѣсокъ погуще. И вдругъ Курицынъ, весело улыбаясь, бросился бѣгомъ, перескочилъ черезъ канавку, и его фигура замелькала между рѣдкими стволами и кустарникомъ.

Это было такъ неожиданно, что мы не могли понять его поступка. Одинъ изъ конвойныхъ солдатъ соскочилъ на землю и торопливо вскинулъ ружье. Мечталъ бѣдняга о «числивой жизни», легко могъ придти неожиданный конецъ, но вдругъ нашъ бѣглецъ скинулъ съ себя ремень и сдѣлалъ на бѣгу нѣсколько тѣлодвиженій, которыя выяснили его намѣренія въ самомъ миролюбивомъ смыслѣ. Намъ удалось удержать руку конвойнаго. Когда Курицыну разсказали, какой опасности онъ подвергался, онъ удивленно перекрестился.

— Неужъ выстрѣлилъ бы, чудакъ! — сказалъ онъ конвойному. — А вѣдь мнѣ и ни къ чему...

— Караульная служба, извѣстно... — отвѣтилъ конвойный. — Зачѣмъ побѣжалъ?.. Нѣшто полагается арестанту бѣгать, какъ зайцу...

Двигались мы довольно медленно, на ночевки останавливались на этапахъ... Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ нашего старосты, которымъ былъ избранъ для нашей вышнево-

лоцкой партіи Грабовскій, намъ разрѣшили однажды ночевать на этапномъ дворикѣ. Помню теплую ночь и луну, глядѣвшую съ высокаго неба... Молодые супруги, которыхъ у насъ было нѣсколько паръ, долго сидѣли, тихо воркуя, когда остальные спали...

Такъ мы пріѣхали въ Тюмень. Въ этомъ городѣ находился знаменитый «приказъ о ссыльныхъ», распредѣлявшій ссыльныхъ по мѣстамъ западной Сибири. Насъ подвезли на площадь передъ большой тюрьмой, и здѣсь мы имѣли удовольствіе увидѣть часть нашей первой партіи: изъ-за рѣшетокъ выглянулъ сначала прапорщикъ Верещагинъ, потомъ Кожуховъ, Швецовъ, Анненскій. Между площадью и тюрьмой начался оживленный обмѣнъ привѣтствій и разговоровъ, въ которомъ скоро приняла участіе и посторонняя толпа. Былъ, помнится, праздникъ и базарный день... Скоро однако оказалось, что насъ здѣсь не остановятъ. Отобрали человѣкъ 20, оставляемыхъ въ зап. Сибири, а остальныхъ на пристани уже ждала баржа, въ которой намъ предстояло по Турѣ спуститься въ Тоболъ и Иртышъ. Миновавъ Тобольскъ, наша баржа стала подыматься на сѣверъ по Иртышу, и чудесные виды Волги и Камы смѣнили для насъ унылые берега сибирскихъ рѣкъ, съ рѣдкими поселеніями. Здѣсь я отдался воспоминаніямъ и написалъ очеркъ «Ненастоящій городъ», въ которомъ, сильно подражая Успенскому, описывалъ Глазовъ.

Очеркъ этотъ былъ напечатанъ въ журналѣ «Слово», но когда я попытался возстановить также нѣкоторыя починковскія впечатлѣнія, и впослѣдствіи отослалъ ихъ въ Петербургъ, то изъ редакціи отвѣтили, что это могло бы быть напечатано только за границей, въ нелегальныхъ газетахъ.

У большого села Самарова мы достигли самаго сѣвернаго пункта, повернули на югъ по Оби и проплыли мимо Нарыма и Сургута. Обь еще непривѣтливѣе и пустыннѣе Иртыша. На десятки верстъ порой тянется тундра, покрытая блѣднымъ тальникомъ. Соотвѣтственно съ этимъ и настроеніе становилось тусклѣе и раздраженнѣе. Въ партіи возникли неудовольствія между товарищами и старостой. Грабовскій былъ очень хорошій человѣкъ, но онъ плохо понималъ настроеніе молодежи, озлобленной и раздраженной. Ему казалось, что дѣло просто: насъ везутъ, и мы должны подчиниться, по возможности избѣгая столкновеній. Но въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ сложная и двусторонняя психологія. На нашей баржѣ, кромѣ политическихъ, слѣдовала также уголовная партія. Насъ сопровождали жандармы, — уголовныхъ — простые конвойные. Начальникомъ послѣдняго конвоя былъ офицеръ конвойной команды, и сопровождавшій насъ полковникъ Владиміровъ, какъ это бываетъ всегда, опасался съ его стороны доноса на распущенность политической партіи. Мы подолгу оставались на палубѣ, не прекращали пѣнія на пристаняхъ и порой наши пѣсни имѣли несовсѣмъ цензурный характеръ. Владиміровъ требовалъ боль-

шаго подчиненія, и Грабовскій, не довольствуясь передачей этихъ требованій, убѣждалъ и съ своей стороны въ необходимости подчиненія. По большей части онъ былъ правъ, но такъ какъ порой его уговоры носили характеръ наставленія старшаго по возрасту, а порой и педагога, — и притомъ ихъ могли слышать жандармы, то это раздражало и волновало партію. Всѣ чувствовали, что если при этихъ условіяхъ уступить разъ, то за этой уступкой послѣдуютъ дальнѣйшія требованія, и этому не будетъ конца, пока субординація не достигнетъ степени безропотнаго подчиненія даже нелѣпымъ требованіямъ.

Съ другой стороны въ массѣ (а насъ было около сотни) всегда найдется извѣстный контингентъ людей слишкомъ раздраженныхъ или безтактныхъ, которые обостряютъ отношенія въ другую сторону. У насъ было такихъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ нѣкто Барановъ, портняжный подмастерье изъ Петербурга или Москвы. Небольшого роста, коренастый, съ горячими черными глазами, — онъ находился въ настроеніи постояннаго кипѣнія. Еще при пріемѣ партіи на баржу на Волгѣ у насъ сдѣлали довольно поверхностный просмотръ вещей, но при этомъ осталось многое, запрещенное арестантскими правилами: какой-нибудь ножикъ, карандашъ, записная книжка и т. д. У Баранова былъ ножъ и ножницы, которыми онъ порой работалъ. Ими, конечно, приходилось пользоваться такъ, чтобы это не кидалось въ глаза. Но Барановъ выносилъ всѣ свои орудія на палубу и демонстративно рас-

кладывалъ ихъ вокругъ себя, что конечно вызывало въ конвойныхъ раздраженіе и соблазнъ.

Кое-какъ шло до Сибири, хотя у Грабовскаго часто срывались желчныя реплики. Выходило такъ, что на одной сторонѣ была вся наша партія, въ общемъ все-таки не одобрявшая выходокъ Баранова и другихъ людей съ такимъ же настроеніемъ, но оказывавшая упорное сопротивленіе полному подчиненію, на другой — Владиміровъ и нашъ староста. Отношенія обострились до того, что потерявшій терпѣніе Владиміровъ объявилъ Грабовскому, что онъ произведетъ новый осмотръ вещей, и Грабовскій предупредилъ объ этомъ партію.

Это вызвало такое волненіе, что многіе стали готовиться къ отпору. Помню, какъ поручикъ Соловьевъ, человѣкъ необыкновенно раздражительный, тотчасъ же снялъ съ себя длинные сапоги, готовясь пустить ихъ въ ходъ въ качествѣ оборонительнаго оружія. Дѣло могло принять плохой оборотъ: многіе, не сочувствовавшіе вызывающему образу дѣйствій Баранова, просто изъ товарищества примкнули бы къ самымъ крайнимъ мѣрамъ сопротивленія. Конвой могъ пустить въ ходъ оружіе.

Въ это время Петя Поповъ и еще нѣсколько человѣкъ пришли ко мнѣ и сказали, что Грабовскій отказывается, и партія хочетъ выбрать старостой меня. Я не счелъ себя въ правѣ уклониться. Разговоръ шелъ въ сторонѣ, и я попросилъ передать товарищамъ, что въ общемъ я скорѣе на сторонѣ Грабовскаго и не могу одобрить вызывающихъ демонстрацій, но, если и съ этой оговоркой меня выберутъ, я не

откажусь. Меня выбрали единодушно, и я понялъ, что огромное большинство въ сущности противъ безполезныхъ вызововъ.

На слѣдующій день мы подошли къ какой-то пристани, и закупки дѣлалъ уже я. Владиміровъ, которому пришлось выдавать деньги, принялъ меня очень холодно. Я держался съ нимъ такъ же. Когда, послѣ отхода отъ пристани, онъ сказалъ, что намѣренъ произвести обыскъ и чтобы я передалъ объ этомъ товарищамъ, — я сказалъ, что передамъ, но не ручаюсь, что обыскъ сойдетъ благополучно. Обыска Владиміровъ не произвелъ ни въ этотъ день, ни на другой. А въ это время большинство товарищей потребовали у Баранова, чтобы онъ прекратилъ демонстраціи. Это такъ раздражило его, что онъ подбѣжалъ къ жандарму, помахалъ ножомъ передъ самымъ его носомъ и — бросилъ ножъ въ воду.

Волненіе понемногу улеглось. Съ Владиміровымъ у меня попрежнему были очень холодныя отношенія, и я довольно рѣзко отклонялъ его завоевательныя попытки. Но съ другой стороны онъ замѣтилъ также, что вызывающія выходки прекратились. Установился извѣстный режимъ, не стѣснительный для насъ, но и не грозившій столкновеніемъ. Онъ почувствовалъ извѣстный предѣлъ, у котораго слѣдовало останавливаться, и не стремился переступить за него.

Тогда и его отношеніе ко мнѣ стало мѣняться. Однажды, когда опять мнѣ приходилось сводить съ нимъ счеты и я дѣлалъ это все тѣмъ же офиціальнымъ тономъ, — онъ вдругъ

откинулся на своемъ стулѣ и неожиданно для меня сказалъ:

— Ну вотъ... все хорошо... А я, признаться, очень васъ боялся...

— Почему?..

— Выбрали васъ вмѣсто Грабовскаго, и я ждалъ столкновеній... Къ тому же о васъ ужасные отзывы вятской администраціи.

Мнѣ вдругъ вспомнился эпизодъ съ «причиной высылки», и я сказалъ:

— Послушайте... Не можете ли вы показать мнѣ статейный списокъ?.. За что именно я высылаюсь?..

— Этого никакъ не могу. Не имѣю права.

Я не настаивалъ. Но на одной изъ слѣдующихъ остановокъ онъ опять заговорилъ объ этомъ.

— Если вы дадите мнѣ слово, что никому не скажете, то...

Я далъ слово, и онъ подалъ мнѣ, очевидно заранѣе приготовленный, статейный списокъ. Я взглянулъ и... измѣнился въ лицѣ. Въ спискѣ дѣйствительно было написано: «высылается въ Якутскую область на основаніи высочайшаго повелѣнія 8-го августа 1878 г. за побѣгъ съ мѣста ссылки въ вятской губерніи».

Я не думалъ, что эта гнусная ложь вятской администраціи произведетъ на меня такое дѣйствіе.

— Если по близости есть телеграфъ, — сказалъ я Владимірову, — то я долженъ сейчасъ же телеграфировать министру внутреннихъ дѣлъ. Это гнусный подлогъ. Я ни откуда не бѣжалъ.

— Да, конечно, конечно... заговорилъ смущенно Владиміровъ. — Но... Я не имѣлъ права показывать вамъ статейный списокъ, а вы дали слово...

— Ну, хорошо... Но скажите, — что же мнѣ дѣлать?..

— Когда мы пріѣдемъ въ Иркутскъ, подайте просьбу, чтобы вамъ дали выписку изъ статейнаго списка.

— И вы думаете, что просьбу удовлетворятъ?. Скажите по совѣсти...

— По совѣсти?.. Нѣтъ, вѣроятно откажутъ... А вотъ, по прибытіи на мѣсто...

— То-есть въ Якутскую область... Спасибо за совѣтъ. Слово свое я, конечно, сдержу. Но понимаете ли вы, полковникъ, какъ много вы препровождаете людей, надъ которыми совершены величайшія подлости... И какъ трудно требовать отъ насъ покорнаго подчиненія вашимъ «законнымъ требованіямъ».

Жандармъ казался смущеннымъ. Какъ читатель увидитъ ниже, мнѣ скоро пришлось съ нимъ разстаться, но впослѣдствіи я слышалъ, что всю остальную дорогу до Иркутска онъ держалъ себя очень корректно и никакихъ больше столкновеній у него не выходило[1]).

Теперь мы шли по Оби на югъ, приближаясь къ Томску. Стало теплѣе, берега разнообразнѣе, настроеніе веселѣе. Мнѣ остается досказать о нашихъ «партіяхъ» — то-есть «коммунистахъ и аристократахъ». Въ Томскѣ пред-

---

[1]) Объ этомъ см. между прочимъ воспоминанія И. П. Бѣлоконскаго «Дань Времени», стр. 166.

стояло новое раздѣленіе: кое-кто могъ остаться въ Томской губерніи. Поэтому нужно было передъ приходомъ въ Томскъ раздѣлить по рукамъ общую кассу. У прибывшихъ изъ Мценска такого раздѣленія не было. У насъ тоже рознь, вызванная этимъ «переворотомъ», какъ-то сгладилась. Въ качествѣ старосты вышневолочанъ, я принималъ участіе въ дѣлахъ какъ той, такъ и другой части.

Однажды Петя Поповъ пришелъ ко мнѣ и сталъ восторгаться одной изъ невѣстъ, примкнувшихъ къ намъ въ Москвѣ. Это была очень изящная полечка, существо хрупкое, съ почти дѣтскимъ лицомъ и большими глубокими глазами. Поповъ, кажется, былъ влюбчивъ и теперь часто выражалъ свой восторгъ. — «Посмотрите, какіе у ней глаза. Это одинъ восторгъ! И лицо юнаго ангела». Когда у нея спросили, къ какой «партіи» она хочетъ присоединиться, — къ демократамъ или аристократамъ, — она отвѣтила безъ колебаній: — Конечно къ демократамъ. — «Это она безъ должнаго разумѣнія, — говорилъ Поповъ. — Вѣдь это совершенный ангелочек... Ахъ, какая прелесть». И на этотъ разъ трудно было разобрать, — серьезно ли онъ восхищается или просто смѣется. Всего вѣрнѣе, что было и то, и другое...

Передъ прибытіемъ въ Томскъ, когда приходилось приступить къ раздѣлу общей кассы, Петя Поповъ торопливо пришелъ ко мнѣ и, почти захлебываясь отъ веселаго оживленія, — сказалъ:

— Скорѣе, пожалуйста, скорѣе... Пойдемъ.

Спросите у М—нъ, куда она теперь причислитъ себя.

Мы пошли. Я предложилъ вопросъ и объяснилъ практическія послѣдствія, вытекающія изъ принадлежности къ той или другой партіи. Мужъ устранился, предоставляя рѣшеніе женѣ: у нихъ было около сотни рублей. Понявъ, что ей придется отдать ихъ въ общую кассу, молоденькая женщина задумалась, поднявъ кверху свои чудесные глаза... Поповъ слѣдилъ за нею восхищеннымъ взглядомъ.

— Знаете, — сказала она наконецъ. — Это прекрасно въ теоріи, но... на практикѣ право неудобно.

Лицо Попова выражало полное восхищеніе. Онъ составилъ себѣ извѣстное представленіе, и былъ въ восторгѣ, что оно оправдалось. Окружающіе тоже благодушно улыбались. Это было послѣднее мое впечатлѣніе отъ нашего коммунизма... Дальнѣйшихъ эпизодовъ нашего раздѣленія на партіи я уже не узналъ... Черезъ два-три дня послѣ этого мы прибыли въ Томскъ.

CXVI

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ЕВРОПЕЙСКУЮ РОССІЮ — ТОБОЛЬСКАЯ ТЮРЬМА — ЯШКА-СТУКАЛЬЩИКЪ — ФОМИНЪ — БРОДЯГА ЦЫПЛОВЪ — ПРИБЫТІЕ ВЪ ПЕРМЬ

Въ Томскѣ были двѣ тюрьмы. Одну арестанты называли «Содержающей», другая была пе-

ресыльная. Въ послѣдней, кромѣ постоянныхъ корпусовъ, были еще просто обширные бараки, въ томъ числѣ изъ натянутаго полотна. Въ ней царило большое оживленіе, такъ какъ то и дѣло вливалась партія за партіей. Насъ помѣстили въ большомъ каменномъ одноэтажномъ корпусѣ. Предстояла остановка дня на два.

Кажется, на слѣдующій же день въ тюрьму явился губернаторскій чиновникъ съ сообщеніемъ: верховная комиссія Лорисъ-Меликова, разсмотрѣвъ наши дѣла, постановила освободить нѣсколько человѣкъ, а шестерымъ объявить, что они возвращаются въ предѣлы европейской Россіи для отдачи подъ надзоръ полиціи.

Въ томъ числѣ оказался и я... Очевидно подлогъ вятской администраціи обнаружился послѣ ревизіи Имеретинскаго, и впредь до разбора дѣла меня возвращали въ первобытное состояніе, то-есть возстановляли ссылку въ европейской Россіи.

Съ партіей мнѣ приходилось разстаться. Я уже сжился съ нею, и мнѣ казались одинаково близки и коммунисты, и демократы. Когда партію усадили на повозки, и она тронулась съ тюремнаго двора, огибая красивую новенькую церковку, мы, остающіеся, провожали ее тоскливыми взглядами. Наконецъ, послѣдняя повозка скрылась за угломъ, и мы вернулись въ опустѣвшій корпусъ.

Въ ожиданіи отправки назадъ, намъ пришлось провести въ пересылкѣ нѣсколько томительныхъ дней. Двѣ большія камеры, еще недавно занятыя политической партіей до ста чело-

вѣкъ, теперь были предоставлены намъ шестерымъ. Въ одной жили мы съ Вноровскимъ, въ другой помѣщались женщины. Впрочемъ, камеры запирались только на ночь. Весь день мы могли свободно ходить къ нашимъ спутницамъ и выходить на тюремный дворъ. Потянулись скучные дни ожиданія.

Наша возвращающаяся компанія состояла изъ двухъ мужчинъ и четырехъ женщинъ. Тутъ были во 1-хъ супруги Вноровскіе, оба уже не очень молодые люди. Она (урожденная Мищенко) имѣла очень болѣзненный видъ, и ей приходилось вдобавокъ кормить грудного ребенка. Участь этого малютки была бы очень печальна, если бы, къ его благополучію, въ нашей партіи не случилась другая мать тоже съ груднымъ ребенкомъ. Это была Вѣра Павловна Рогачева, жена Рогачева, осужденнаго въ каторгу по большому процессу. Сильная брюнетка нѣсколько цыганскаго типа, она была женщина необыкновенно здоровая и отлично справлялась съ кормленіемъ обоихъ ребятъ. Третья женщина была Осинская, вдова казненнаго террориста, четвертая Фекла Ивановна Донецкая, жена Донецкаго, тоже заключеннаго въ Бѣлгородскую пересылку и, какъ говорили, сошедшаго тамъ съ ума.

Въ дни этого ожиданія ко мнѣ вдругъ явились мать и сестра. Онѣ ѣхали въ Красноярскъ и проѣздомъ черезъ Томскъ выпросили свиданіе со мной. Скоро впрочемъ мы опять распрощались, быть можетъ надолго, и онѣ уѣхали. Черезъ два-три дня онѣ обогнали на сибирскомъ трактѣ нашу партію...

Передъ нами стоялъ немаловажный вопросъ: кто и какъ насъ повезетъ обратно: придется ли намъ слѣдовать этапомъ въ сопровожденіи солдатъ конвойной команды, или насъ повезутъ жандармы. Помимо удобствъ пути на почтовыхъ, — тутъ былъ и еще вопросъ: жандармы были гораздо культурнѣе и уже привыкли къ обращенію съ политическими... Конвойная команда, наоборотъ, состояла изъ людей грубыхъ, привыкшихъ къ самому грубому обращенію съ уголовными. Ихъ офицеры стояли немногимъ выше солдатъ въ культурномъ отношеніи. Останавливаться пришлось бы на грязныхъ, зараженныхъ вшами и болѣзнями, этапахъ. Поэтому совершенно понятна радость, съ которой наши женщины встрѣтили появившихся въ глубинѣ двора жандармовъ. Мы съ Вноровскимъ, сидя въ своей комнатѣ, услышали вдругъ громкія рукоплесканія и крики:

— Жандармы, жандармы, жандармы!..

Шесть жандармовъ подходили къ дверямъ, вѣроятно удивленные этой радостной встрѣчей. Имъ командировка была тоже выгодна: удавалось съэкономить на прогонахъ для тысячеверстныхъ путешествій взадъ и впередъ. Поэтому они тоже съ удовольствіемъ пускались въ путь. Мы наскоро собрались, и обратное «лорисъ-меликовское» вѣяніе помчало насъ съ востока на западъ.

Скоро мы прибыли въ Тобольскъ. Здѣсь сразу же возникъ маленькій конфликтъ. Меня, не помню зачѣмъ, вызвали сразу въ контору, кажется для разсчета съ жандармами за всю

нашу небольшую партію. Когда я пришелъ въ тюремный коридоръ, то здѣсь засталъ смотрителя и вызваннаго имъ полицеймейстера среди довольно рѣзкихъ объясненій съ женщинами. Насъ хотѣли разсадить всѣхъ по отдѣльнымъ камерамъ, а онѣ требовали, чтобы намъ всѣмъ отвели одну большую камеру. Смотритель, грубый субъектъ съ глупымъ, но хитрымъ лицомъ, очень горячился. Полицеймейстеръ, — красивый офицеръ въ формѣ сибирскаго казачьяго войска, — отвѣчалъ спокойно, но настаивалъ на «исполненіи закона». Замѣтивъ, что съ нимъ дѣло имѣть легче, мы съ Вноровскимъ постарались объяснить ему положеніе: мы возвращаемся въ Россію. Примѣнять къ намъ лишнія строгости нѣтъ никакой причины, а тутъ вдобавокъ дѣло идетъ о жизни одного изъ малюток.

Красивый полицеймейстеръ быстро сдался и мы заключили компромиссъ: насъ съ Вноровскимъ помѣстятъ въ подслѣдственномъ отдѣленіи мужской тюрьмы, женщинъ всѣхъ вмѣстѣ въ большой камерѣ женскаго отдѣленія. Полицеймейстеръ, повидимому, самъ довольный тѣмъ, что не пришлось прибѣгать къ лишнимъ насиліямъ (что сначала казалось довольно вѣроятнымъ), разговорился съ нами.

— Ну, господа!.. Повидимому дѣйствительно въ Россіи начинаются какія-то новости. Я видѣлъ много людей, въ томъ числѣ вашего брата политическихъ. Всѣ они шли на востокъ... Но чтобы кого-нибудь возвращали изъ Сибири, — этого я не видалъ... Совѣтую вамъ теперь вести себя смирно, потому что...

Если вы опять попадете сюда, тогда ужъ кончено. Два раза такихъ чудесь не бываетъ. Тогда, господинъ Короленко, прямо женитесь на сибирячкѣ и обзаводитесь домкомъ . . .

Мы на время распрощались съ женщинами и пошли въ «подслѣдственное отдѣленіе», которое я впослѣдствіи описалъ въ разсказѣ подъ тѣмъ же названіемъ и гдѣ я встрѣтилъ сектанта Яшку-стукальщика. Параллельно съ этимъ я описалъ также порядки, заведенные смотрителемъ, — человѣкомъ тупымъ и жестокимъ, — напримѣръ холодный карцеръ, откуда наказанныхъ уносили прямо въ больницу.

Однажды къ глазку нашей камеры подошелъ арестантъ и сунулъ мнѣ записку. Намъ писалъ Фоминъ, заключенный въ одиночную камеру военно-каторжной тюрьмы. Мы знали эту фамилію. Онъ пытался освободить Войнаральскаго, когда жандармы везли его въ новобѣлгородскую центральную тюрьму. Собственно онъ не участвовалъ въ нападеніи, когда былъ раненъ одинъ изъ жандармовъ, такъ какъ сбился съ дороги и выѣхалъ на нее позже, когда все было уже кончено и освобожденіе не удалось. Но жандармы замѣтили всадника, выѣхавшаго послѣ нападенія на дорогу, и когда его вскорѣ арестовали, то оказалось, что это Фоминъ, самъ бѣжавшій изъ кіевской тюрьмы и участвовавшій въ попыткѣ освободить другихъ. Его судили, признали особенно опаснымъ и заключили въ тобольскую тюрьму. Онъ писалъ намъ, что везли его сюда въ сопровожденіи цѣлаго отряда жандармовъ, въ помощь которому сбивали на этапахъ еще толпу

мужиковъ изъ деревень. По ночамъ этапы походили на военные лагери, окруженные кострами и ожидающіе нападенія непріятеля...

Теперь его держатъ въ одиночкѣ. Къ нему особый ходъ черезъ комнату нарочно приставленнаго къ нему надзирателя. Пищу подаютъ черезъ особо запирающееся отверстіе. Окно, выходящее на узкій дворикъ военно-каторжныхъ, снаружи загорожено досками, такъ что ему виденъ лишь клочокъ неба. Ни на прогулки, ни въ баню его не пускаютъ. Разъ въ мѣсяцъ въ камеру вносятъ ванну, въ которой онъ моется подъ непосредственнымъ наблюденіемъ смотрителя. Этотъ тупой и жестокій человѣкъ при этомъ отпускаетъ язвительныя шуточки: «вотъ, дескать, живетъ какимъ бариномъ! Въ ваннѣ моется». Книгъ не даютъ. Однажды онъ надергалъ проволокъ изъ оконныхъ рѣшетокъ и сдѣлалъ изъ проволокъ и хлѣба приборъ, демонстрирующій вращеніе земли около солнца и луны — вокругъ земли. Смотритель съ этихъ поръ позволилъ ему дѣлать такіе же приборы для продажи. Продаетъ ихъ его благородіе самъ, платя ему по полтора рубля за приборъ. Изъ этихъ денегъ онъ покупаетъ матеріалы для дальнѣйшей работы. Въ заключеніе письма, записаннаго очень убористо на маленькомъ клочкѣ бумаги, Фоминъ просилъ сообщить ему новости и прислать сколько-нибудь перьевъ, чернилъ и денегъ.

Я всегда ухитрялся проносить въ тюрьмы карандаши, перья, бумагу и тушь. Задѣлавъ незамѣтнымъ образомъ десять рублей въ конецъ копченой колбасы, я передалъ ее при-

несшему записку арестанту вмѣстѣ съ письменными принадлежностями. На слѣдующій день Фоминъ съ тѣмъ же арестантомъ прислалъ отвѣтъ: онъ получилъ все и просилъ довѣрять передатчику. Я написалъ ему о событіяхъ въ Россіи, о покушеніяхъ на царя, о полномочіяхъ Лорисъ-Меликова и о томъ, что мы являемся, быть можетъ, первыми ласточками смягченія режима. Помню, что мнѣ тогда такъ хотѣлось утѣшить бѣднягу Фомина, что въ моемъ письмѣ оказалось вѣры нѣсколько больше, чѣмъ было у меня самого.

Подъ вечеръ слѣдующаго дня къ моему глазку подошелъ высокій, молодой арестантъ, назвался старостой арестантской партіи и спросилъ, — не приносилъ ли мнѣ Семеновъ записки отъ Фомина. Я сказалъ, что не намѣренъ отвѣчать на такіе вопросы.

— Послушайте, — сказалъ староста. — Вы мнѣ не вѣрите... Но «общество» (онъ разумѣлъ общество арестантовъ) хочетъ предупредить васъ: не довѣряйте Семенову... Подлецъ. Обманетъ!

На меня этотъ арестантъ произвелъ очень пріятное впечатлѣніе, но... я получилъ уже тогда отвѣтъ Фомина и, не довѣряя своему впечатлѣнію, отнесся къ предупрежденію довольно холодно. Впослѣдствіи оказалось, что «общество» было право, а я ошибался. Вообще тюремная артель свято блюдетъ интересы товарищей, испытывающихъ исключительный режимъ. Первыя и лучшія порціи изъ общаго котла отводились Фомину и заключеннымъ за что-нибудь въ карцеръ. Затѣмъ нѣкоторыми

преимуществами пользовались каторжники, и уже за ними шла остальная тюремная масса, носящая презрительную кличку «шпанки».

Въ то же время мы узнали, что въ тобольскомъ замкѣ содержится нѣкто Цыпловъ, уголовный бродяга, приговоренный къ смертной казни за сношенія съ политическими и за участіе въ попыткѣ устроить правильную нелегальную почту между Европейской Россіей и Сибирью. Цыпловъ пользовался большой извѣстностью по сибирскому тракту, какъ опытный бродяга. Нѣкоторые ссыльные познакомились съ нимъ и стали посылать его съ письмами въ Екатеринбургъ, откуда онъ приносилъ отвѣты. Такимъ образомъ возникъ проектъ организаціи побѣговъ, впослѣдствіи случайно раскрытый во время обыска у Валентина Яковенка. Во время одного изъ путешествій по тракту, Цыплова арестовали переодѣтые крестьянами жандармы. Онъ отчаянно отбивался и теперь былъ приговоренъ тобольскимъ судомъ къ смертной казни за «вооруженное сопротивленіе властямъ». Приговоръ ему объявленъ, и теперь онъ ждетъ со дня на день смерти. Его камера выходила крохотнымъ оконцемъ въ проходъ къ тюремнымъ воротамъ, и я до сихъ поръ помню жуткое чувство, съ которымъ я, проходя въ канцелярію, взглядывалъ на это затѣненное оконце, за которымъ мнѣ чудилось истомленное лицо приговореннаго. Казнь впослѣдствіи не была приведена въ исполненіе, — да для этого и не было основаній: Цыпловъ сопротивлялся не властямъ, а предполагаемымъ разбойникамъ, неожиданно на него

напавшимъ на дорогѣ... Но власти надѣялись, что уголовный бродяга не выдержитъ пытки ожиданія и выдастъ своихъ политическихъ сообщниковъ. Тобольская Ѳемида согласилась служить орудіемъ этой нравственной пытки. Цыплова держали сорокъ дней въ одиночкѣ, и арестанты разсказывали намъ, что чуть не каждый день къ нему пріѣзжаетъ кто-нибудь изъ прокуратуры, пугаетъ близкой казнью и убѣждаетъ назвать тѣхъ, кто его посылалъ и къ кому онъ носилъ письма. Но бродяга выдержалъ. Впослѣдствіи, живя въ Перми, я познакомился съ участниками этой конспираціи, и они всѣ остались неприкосновенными... Очевидно, было что-то въ тогдашнемъ движеніи, что даже у каторжниковъ и убійцъ вызывало чувство самопожертвованія, доходившаго до подвига. Впослѣдствіи отношенія между политическими и уголовными сильно осложнились...

Въ Тобольскѣ мы пробыли нѣсколько дней, которые мы съ Вноровскимъ провели въ коридорѣ подслѣдственнаго отдѣленія, подъ громовый стукъ протестанта Яшки и подъ вой сумасшедшаго еврея, сидѣвшаго въ томъ же коридорѣ. Наконецъ за нами опять явились жандармы, и мы поѣхали Барабинской степью на «вольныхъ» (такъ называемыхъ «дружкахъ»).

Это была большая экономія для жандармовъ, а намъ давало большую свободу въ пути. На одной остановкѣ, у «дружка» мы встрѣтили петербургскаго прис. повѣреннаго (помнится Волькенштейна), который ѣхалъ на защиту какого-то дѣла въ Томскѣ или въ Иркутскѣ.

Жандармы не мѣшали нашей бесѣдѣ. Мы вмѣстѣ пили чай, и Волькенштейнъ разсказывалъ петербургскія новости. Все общество охвачено порывомъ надежды. Лорисъ-Меликовъ разрабатываетъ проектъ конституціи. Онъ имѣетъ огромное вліяніе на царя, въ которомъ сумѣлъ пробудить его молодыя настроенія освободителя. Тюрьмы раскрываются, и въ насъ онъ видитъ первыхъ ласточекъ освобожденія.

Мы далеко не раздѣляли этого оптимизма. Изъ нашей партіи, численностью около ста человѣкъ, освобождено только двое (или трое), а мы возвращаемся въ Европейскую Россію опять подъ надзоръ полиціи. Остальная же партія, въ которой большинство административныхъ, идетъ и теперь по направленію отъ Томска къ Красноярску и Иркутску... Онъ не хотѣлъ вѣрить такимъ скромнымъ размѣрамъ лорисъ-меликовскаго освобожденія, считая это недоразумѣніемъ и временной задержкой («нельзя же вдругъ»), и мы разстались съ нимъ, увозя на западъ свой скептицизмъ, тогда какъ онъ повезъ на востокъ свои розовыя надежды. Жандармы прислушивались съ большимъ интересомъ къ нашимъ разговорамъ, и на ихъ лицахъ читался вопросъ: а что же тогда будетъ съ нами, съ нашимъ начальствомъ и нашими выгодными командировками. Кажется, впрочемъ, что они раздѣляли нашъ скептицизмъ: ихъ міръ стоитъ еще прочно.

Наконецъ по Уральской желѣзной дорогѣ мы пріѣхали въ Пермь. Полицеймейстеръ, высокій худощавый человѣкъ желчнаго вида, тотчасъ же отправился съ нами къ скромному

одноэтажному губернаторскому дому. Насъ ввели прямо въ гостиную, гдѣ насъ встрѣтилъ губернаторъ Енакіевъ. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ съ оригинальной наружностью. Полный, съ довольно большимъ животомъ, съ выдающимся рѣзкимъ профилемъ, безъ признаковъ растительности, эта фигура какъ будто сошла съ какого-то дагерротипа 18 столѣтія, изображавшаго екатерининскаго вельможу.

Онъ принялъ насъ съ удивившимъ меня радушіемъ. Пригласивъ остальныхъ въ столовую, онъ остался въ гостиной со мной однимъ.

— Вы назначены подъ надзоръ полиціи ко мнѣ, въ Пермскую губернію, — началъ онъ. — Но Пермская губернія велика, и я не знаю, что мнѣ съ вами дѣлать: оставить васъ въ губернскомъ городѣ или послать въ Чердынскій уѣздъ... Свѣдѣнія о васъ, по отзывамъ вятской администраціи, ужасныя.

Я улыбнулся.

— Это зависитъ отъ васъ, и Чердынскій уѣздъ меня не пугаетъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня пристальнымъ взглядомъ своихъ круглыхъ глазъ и сказалъ:

— Мнѣ почему-то кажется, что свѣдѣнія вятской администраціи... преувеличены...

Я поклонился и ждалъ.

— И если вы обѣщаете мнѣ, что будете вести себя соотвѣтствующимъ образомъ, то я предпочелъ бы оставить васъ въ Перми.

— А что я долженъ разумѣть подъ соотвѣтствующимъ поведеніемъ?

— Видите ли... Прежде всего, — какія знакомства вы заведете. Есть люди, не поддаю-

щіеся никакому вредному вліянію... Напримѣръ я или мой пріятель, начальникъ жандармскаго округа, ну и еще другіе въ такомъ же родѣ... Но если вы станете сближаться напримѣръ съ учащейся молодежью...

— Я попрошу васъ въ такомъ случаѣ сразу отправить меня въ Чердынь, — сказалъ я. — Я не могу смотрѣть на себя, какъ на зачумленнаго, и соотвѣтственно съ этимъ оберегать кого бы то ни было отъ своего вреднаго вліянія. Знакомиться я буду со всѣми, кто мнѣ покажется интереснымъ и кто этого пожелаетъ... А полезно или вредно знакомство со мною, — судить не мнѣ...

Человѣкъ восемнадцатаго столѣтія съ интересомъ и вдумчиво выслушалъ меня и сказалъ:

— Вы правы... Я вижу, что вы говорите откровенно... Остается еще одно. Изъ Перми чуть не ежедневно ходятъ пароходы... Если вы обѣщаете мнѣ, что не воспользуетесь этимъ обстоятельствомъ для побѣга... то дѣло можно считать конченнымъ.

Я невольно задумался, а Енакіевъ, съ любопытствомъ поглядѣвъ на меня, прибавилъ:

— Имѣйте въ виду. Внутреннее положеніе Россіи повидимому скоро должно сильно измѣниться... Я увѣренъ, что, если вы не подадите съ своей стороны особенныхъ поводовъ, — ваше пребываніе подъ надзоромъ скоро должно прекратиться, и вы будете свободны...

— Хорошо. Даю слово, что бѣжать не намѣренъ.

— Ну, дѣло, значитъ, рѣшено... Съ этой минуты вы свободны. Если вамъ угодно про-

быть еще нѣкоторое время съ вашими товарищами, пока полицеймейстеръ подыщетъ имъ комнату въ гостинницѣ, — то милости прошу...

И онъ указалъ мнѣ на сосѣднюю дверь. Она вела въ столовую, гдѣ я засталъ нашу компанію за чайнымъ столомъ. Донецкая сидѣла за самоваромъ, разливая чай, а оба младенца, распеленутые, лежали на роскошной кушеткѣ, на которой были разбросаны пеленки.

— Ну, что скажете, — весело спросила Донецкая, когда Енакіевъ вышелъ.

Я недоумѣвалъ...

— Конечно, можетъ быть это только личныя особенности здѣшняго губернатора, похожаго на человѣка екатерининскихъ временъ... Но... все-таки знаменательно и странно.

Черезъ нѣкоторое время явился полицеймейстеръ и сообщилъ, что номеръ въ гостинницѣ готовъ, и мы отправились туда, попрощавшись съ губернаторомъ. Дорогой я спросилъ у полицеймейстера, — есть ли здѣсь другіе поднадзорные. Онъ назвалъ Рудневу и Панютину. Я уже зналъ, что въ Перми остался тоже Петръ Михайловичъ Волоховъ, отъ котораго еще въ Вышнемъ Волочкѣ я получилъ письмо. Но на мой вопросъ о немъ, полицмейстеръ нахмурился.

— Не совѣтую вамъ знакомиться съ этой личностью. Это опасный, опасный человѣкъ, и сношенія съ нимъ могутъ вамъ сильно повредить.

Я засмѣялся. Волохова я зналъ, какъ человѣка очень умѣреннаго образа мыслей, въ ссылку попавшаго по недоразумѣнію. Онъ, какъ и

я, обвинялся, кажется, въ побѣгѣ съ первоначальнаго мѣста ссылки, котораго не совершалъ уже потому, что и высланъ никуда не былъ. Повидимому его смѣшали съ кѣмъ-то другимъ. Поблагодаривъ полицмейстера за дружеское предостереженіе, я сказалъ, что мнѣ не приходится знакомиться съ Волоховымъ, а хочется просто разыскать пріятеля, и я все-таки прошу сообщить его адресъ. Онъ насупился еще мрачнѣе, но адресъ все таки сообщилъ, и черезъ нѣкоторое время я уже былъ у Волохова.

— Скажите, Петръ Михайловичъ, чѣмъ это вы заслужили такую опасную репутацію?

Онъ засмѣялся.

— Мы съ нимъ не кланяемся. Когда меня ссадили здѣсь съ баржи, — онъ обошелся со мной очень грубо и продержалъ безъ надобности въ отвратительной каталажкѣ. Увидѣвъ, что губернаторъ держится иначе, — онъ тоже измѣнилъ обращеніе и теперь ждетъ съ моей стороны любезныхъ поклоновъ. Но я ему не кланяюсь... Ну, вотъ онъ и считаетъ, что я непочтителенъ къ нему... А онъ власть... Значитъ, я непочтителенъ и враждебенъ властямъ.

Можно сказать, что на такихъ характеристикахъ была основана значительная часть административныхъ высылокъ... На первые дни впредь до устройства я поселился вмѣстѣ съ Волоховымъ и этимъ, конечно, безповоротно погубилъ свою репутацію въ глазахъ мрачнаго полицмейстера.

ВЪ ПЕРМИ

CXVII

АЛЕКСАНДРЪ КАПИТОНОВИЧЪ МАЛИКОВЪ

Черезъ нѣсколько дней я нашелъ себѣ квартиру въ пригородной слободкѣ, на улицѣ, которая, кажется, называлась Односторонкой. Рядъ домиковъ глядѣлъ прямо на широкій пустырь. У мелкаго лавочника, бывшаго кантониста еврея, женатаго на христіанкѣ, я нашелъ маленькую комнатку, на окнѣ которой тотчасъ же вывѣсилъ изображеніе сапога изъ сахарной бумаги, чтобы извѣстить, что въ слободкѣ поселился новый сапожникъ.

Почему я сдѣлалъ это?.. На этотъ вопросъ точнаго отвѣта дать не могу. Когда-то, до своей ссылки въ Вятскую губернію, я мечталъ вмѣстѣ съ братомъ и Григорьевымъ, что всѣ мы перейдемъ на физическій трудъ, чтобы жить общей жизнію съ народомъ. Теперь, послѣ того, что я видѣлъ въ Глазовѣ и особенно въ Починкахъ, — цѣльность этого настроенія сильно нарушилась. Порой, еще въ Глазовѣ, засидѣвшись долго, особенно ночью, за сапожной работой, я точно вдругъ просыпался съ

страннымъ ощущеніемъ... Въ рукѣ у меня — сапогъ... Почему именно сапогъ?... Но тотчасъ я находилъ и отвѣтъ: я живу въ Слободкѣ, и сапогъ мнѣ нуженъ для того, чтобы войти въ среду слобожанъ... И наконецъ — для заработка. Теперь, въ Перми я могъ найти другой заработокъ, но мнѣ не хотѣлось разстаться съ образомъ жизни сапожника. Это было нѣчто въ родѣ психической инерціи. Я уже увидѣлъ и пережилъ много такого, что сильно подточило мои недавнія наивно народническія настроенія. Но это были еще какъ бы подпочвенныя воды. Скоро онѣ измѣнятъ даже внѣшній видъ мѣстности. Но пока онѣ дѣлали невидимую работу... Ко мнѣ стали заходить обыватели, я снималъ мѣрки, пригонялъ колодки и шилъ для слобожанъ нехитрую обувь... Некрасиво, но крѣпко...

Скоро однако я началъ приходилъ къ убѣжденію, что для губернскаго города я еще сапожникъ плохой. Даже слобожане, а особенно слобожанки требовали работы болѣе изящной, чѣмъ я могъ дать послѣ обученія у глазовскаго мастера и короткой практики. «Настоящая», а не диллетантская работа дѣло нелегкое. Къ ней надо привыкать съ дѣтства. Однажды городская портниха принесла мнѣ обрѣзки, оставшіяся у нея отъ какого-то заказа, и попросила сшить изъ нихъ теплые башмаки. Мы съ нею вмѣстѣ примѣрили выкройки и рѣшили, что обрѣзковъ этихъ достаточно... Но когда я снялъ башмаки съ колодокъ, то увидѣлъ, что осрамился: башмаки избоченились вдругъ такъ потѣшно, что на нихъ нельзя было смо-

трѣть безъ смѣха. Оба мы, примѣряя выкройки, не приняли въ соображеніе направленія ткани... Добрая женщина утѣшала меня: сапоги шьются для того, чтобы ихъ носить на ногѣ. А на ногѣ они опять принимаютъ нормальный видъ.

Но я понялъ, что для города я еще не работникъ. Жизнь здѣсь стоила много дороже, чѣмъ въ Починкахъ или даже въ Глазовѣ, и мнѣ трудно было заработать достаточно, развѣ что пришлось бы работать отъ зари до зари, или даже по ночамъ, не разгибая спины. Побившись съ мѣсяцъ, я перешелъ на службу табельщикомъ въ желѣзнодорожныя мастерскія. Здѣсь опять вышла неудача. Работать приходилось у самыхъ воротъ, которыя не запирались весь день, въ маленькой коморкѣ, въ которой замерзали чернила, стыли руки и казалось, что застываетъ даже всякая сообразительность. Я покорился судьбѣ и — пошелъ на болѣе легкую канцелярскую работу: сталъ письмоводителемъ въ статистическомъ отдѣленіи службы тяги. Дорога была новая, штатъ еще не вполнѣ укомплектованъ. Начальникомъ дороги былъ молодой инженеръ Островскій, а дѣлопроизводителемъ — Александръ Капитоновичъ Маликовъ, на личности котораго я останавлюсь подробнѣе...

Это былъ человѣкъ необыкновенно интересный. Тунъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Революціонное движеніе въ Россіи» упоминаетъ имя Маликова, привлекавшагося еще по каракозовскому дѣлу, а впослѣдствіи уже въ 1874 году «основавшаго въ Орлѣ кружокъ молодыхъ

энтузіастовъ, такъ называемыхъ богочеловѣковъ». Послѣ смерти Маликова (въ 1904 году) появилось въ литературѣ нѣсколько замѣтокъ, гдѣ о Маликовѣ говорилось, какъ о предшественникѣ Л. Н. Толстого въ теоріи непротивленія.

Когда судьба столкнула меня съ Маликовымъ въ Перми, у него было уже довольно бурное и разнообразное прошлое. Сынъ крестьянина Владимірской губерніи, онъ окончилъ московскій университетъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ и поступилъ на службу судебнымъ слѣдователемъ въ Жиздринскій уѣздъ Калужской губерніи, въ мѣстность, гдѣ были расположены извѣстные Мальцовскіе заводы. При освобожденіи крестьянъ заводскія мѣстности стали ареной борьбы между рабочими и владѣльцами заводовъ. Богатые заводчики умѣли отстаивать свои интересы правдой и неправдой, и напримѣръ долгая тяжба изъ-за усадебной и полевой земли между заводчиками и рабочими на Уралѣ закончилась уже, помнится, въ концѣ столѣтія, причемъ даже послѣ окончательнаго рѣшенія сената, губернаторъ, при поддержкѣ высшей администраціи, противился проведенію въ жизнь сенатскаго рѣшенія. Такъ сильно было вліяніе богатыхъ заводоуправленій.

Не помню точно, какъ шло это дѣло на Мальцовскихъ заводахъ, помню лишь смутно разсказы Маликова о безпорядкахъ и усмиреніяхъ рабочихъ. Молодой слѣдователь принялъ сторону рабочихъ. А. Фаресовъ въ своей статьѣ («Одинъ изъ семидесятниковъ») упоминаетъ о томъ, что губернаторъ потребовалъ моло-

дого слѣдователя къ себѣ для объясненій (по жалобѣ какого-то губернскаго туза, вѣроятно заводчика), но Маликовъ не поѣхалъ, считая, что онъ губернатору не подчиненъ. Въ концѣ концовъ онъ былъ уволенъ по Ш-му пункту.

Въ 1866 году Маликовъ привлекался по каракозовскому дѣлу вмѣстѣ съ своимъ другомъ Бибиковымъ, служившимъ мировымъ посредникомъ въ томъ же Жиздринскомъ уѣздѣ. Оба они принадлежали къ группѣ каракозовцевъ, непричастныхъ къ самому покушенію, и дѣло ограничилось ссылкой въ Холмогоры, а потомъ переводомъ въ Архангельскъ, гдѣ Маликовъ работалъ въ качествѣ секретаря губ. статистич. комитета. Затѣмъ онъ получилъ возможность выѣхать изъ Архангельска и поступилъ въ Орлѣ на желѣзную дорогу. Какъ человѣкъ уже «съ прошлымъ», онъ имѣлъ вліяніе на молодежь, охваченную революціонно-народническимъ настроеніемъ, и состоялъ въ извѣстномъ въ тѣ времена «кружкѣ чайковцевъ».

Въ это именно время его почти внезапно охватило религіозное настроеніе. Онъ сталъ пламенно проповѣдывать свою религіозную систему: въ каждомъ человѣкѣ есть божественное начало. Стоитъ обратиться къ нему, отыскать въ человѣкѣ Бога, — тогда не нужно насилія; Богъ все устроитъ въ душахъ людей и всѣ станутъ справедливыми и добрыми. Маликовъ былъ человѣкъ необыкновенно страстный. Въ романѣ Тургенева «Новь» Неждановъ говоритъ о сектантѣ проповѣдникѣ: «И вѣдь чортъ знаетъ, что онъ мелетъ... Зато глаза горятъ, голосъ твердый, кулаки сжаты, и самъ

весь желѣзный. Слушатели не понимаютъ, а благоговѣйно идутъ за нимъ». У Маликова къ пламенному краснорѣчію и красивымъ образамъ присоединялась тоже эта сила непосредственнаго внушенія, и я думаю, что онъ съ удивленіемъ почувствовалъ ее въ себѣ и принялъ за внушеніе свыше. Фаресовъ разсказываетъ, что еще за нѣсколько дней одинъ изъ чайковцевъ видѣлъ его въ Орлѣ въ обычномъ тогда интеллигентскомъ настроеніи. А черезъ короткое время засталъ его уже въ полномъ экстазѣ, проповѣдующимъ «богочеловѣчество». У него явились послѣдователи. На его сторону перешелъ и глава кружка, Н. В. Чайковскій, а два артиллерійскихъ офицера (Тепловъ и Аитовъ) отправились на открытую проповѣдь новаго ученія; оба скоро были арестованы, причемъ въ обвинительномъ актѣ по дѣлу 193-хъ было сказано, что у Теплова, задержаннаго на ярмаркѣ въ Муромѣ, «отобраны выписки изъ священнаго писанія». Арестовали и Маликова, который въ комиссіи (съ участіемъ жандарма Слезкина и слѣдователя Желеховскаго) произнесъ пламенную рѣчь, послѣ которой его рѣшили освободить, но открытую проповѣдь новаго ученія запретили. Маликовъ призывалъ къ мирнымъ средствамъ пропаганды, говорилъ о христіанствѣ, но въ его ученіи заключалось все таки осужденіе существующаго строя и оффиціальной церковности. Тогда Маликовъ рѣшилъ эмигрировать въ Америку, чтобы основать тамъ «свободную коммуну» на религіозно-трудовыхъ началахъ.

Въ это время эмиграція въ Америку влекла

многихъ русскихъ, мечтавшихъ объ американской свободѣ и о коммунистическихъ опытахъ. Было извѣстно, что въ Америкѣ существуетъ уже коммуна русскаго выходца Фрея (Гейнца). Это была фигура тоже очень характерная. Въ газетѣ «Впередъ» появилось около этого времени его письмо, излагавшее ученіе коммунистовъ съ его точки зрѣнія: раздѣлу подлежали не только матеріальныя блага, но и... свобода, которой нынѣ одни пользуются съ излишкомъ, другіе пребываютъ въ рабствѣ. Помню, что письмо было написано сжато и энергично. Онъ звалъ ищущую правды интеллигенцію примыкать къ его коммунѣ. Самъ онъ, членъ аристократической семьи (братъ его былъ губернаторомъ въ Казани), отказался отъ всѣхъ преимуществъ рожденія и жилъ въ Америкѣ сначала у перфекціонистовъ (библейскихъ коммунистовъ), потомъ въ общинѣ «Union» въ Миссури, а затѣмъ вмѣстѣ съ Бриггсомъ основалъ «прогрессивную коммуну» въ Канзасѣ. Къ нему и рѣшила обратиться группа «богочеловѣковъ», находя, что тутъ они найдутъ родственное настроеніе. Маликовъ и Чайковскій поѣхали въ качествѣ депутатовъ въ Канзасъ.

Самъ Маликовъ съ большимъ юморомъ разсказывалъ объ этихъ своихъ скитаніяхъ. Депутаты разсчитывали найти благоустроенную общину, съ солидными постройками и огороженными полями. Но, пріѣхавъ на мѣсто, нашли жалкую хибарку съ щелями въ стѣнахъ и съ адскимъ холодомъ внутри. Потолка не было. Вверху была только щелеватая крыша. Вдобавокъ недавно свалилась балка и нанесла

сильныя повреждения женѣ Фрея... Вмѣсто того, чтобы примкнуть къ этой колоніи, эмигранты пригласили Фрея къ себѣ и основали по близости свою коммуну...

Тонъ коммунальной жизни естественно давалъ Фрей, какъ уже «опытный коммунистъ». Онъ былъ строжайшій вегетаріанецъ и даже не вегетаріанецъ, а какой-то своеобразный позитивистскій аскетъ: считалъ напримѣръ, что всякая искусственно-приготовленная пища есть извращеніе природы и приноситъ вредъ организму. Поэтому онъ стремился упразднить даже варку пищи въ кухнѣ. Соли онъ также не употреблялъ самъ и пріучалъ къ тому же свою семью. Когда впослѣдствіи онъ вернулся въ Россію и обратился къ врачу по поводу начавшихся недомоганій, тотъ, осмотрѣвъ его, нашелъ, что организмъ сильно разстроенъ и приписалъ это «излишествамъ». Когда удивленный Фрей объяснилъ, кто онъ и какой образъ жизни велъ до сихъ поръ, врачъ сказалъ: «Ну, батюшка, крайности сходятся».

Новая коммуна, въ смыслѣ благоустройства, оказалась не лучше «прогрессивной коммуны» Бриггса и Фрея. Постройки вышли такъ же непрактичны и плохи. Никто не умѣлъ какъ слѣдуетъ работать, доить коровъ, ухаживать за ними. Коровъ скоро перепортили. Начались и несогласія. Въ коммунѣ были люди семейные, что усложняло отношенія, и пришелъ моментъ, когда одна изъ матерей заявила прямо, что ей все равно: пусть десять коммунъ погибаетъ, лишь былъ бы живъ ея ребенокъ. Цѣльное настроеніе искателей новой правды раз-

лагалось, одинъ только Фрей оставался непроклоненъ, какъ маніакъ. Маликовъ съ большимъ юморомъ разсказывалъ о томъ моментѣ, когда коммуна выбилась наконецъ изъ-подъ нравственной ферулы Фрея. Коммуна голодала, но было существо, которое пользовалось въ ней привилегированнымъ положеніемъ. Это была большая свинья, которую неизвѣстно зачѣмъ содержали и кормили. У коммунистовъ стало созрѣвать преступное намѣреніе зарѣзать эту свинью. Фрей не допускалъ и мысли о такомъ ужасномъ преступленіи. Когда заговоръ созрѣлъ и вышелъ наружу, Фрей долго противился, и наконецъ сказалъ: «Дѣлайте, что хотите. Я уйду въ лѣсъ, чтобы не присутствовать при вашемъ каннибальскомъ пиршествѣ и чтобы вамъ не было стыдно». Коммунисты, съ «циничнымъ смѣхомъ» заявили, что имъ и безъ того не будетъ стыдно.

Маликовъ былъ замѣчательный разсказчикъ, и въ его передачѣ всѣ эти эпизоды расцвѣчивались сильнымъ оттѣнкомъ комизма. Это была въ немъ черта до извѣстной степени парадоксальная. Онъ умѣлъ во всемъ этомъ отмѣтить смѣшное и все-таки... это не спасало его отъ участія въ этомъ комизмѣ. Когда я думаю объ этомъ, мнѣ все вспоминается слышанная мною фраза одного сектанта. Онъ долго спорилъ съ представителемъ другого толка и потомъ, вздохнувъ, сказалъ: «Видно, всякъ по своему съ ума-то сходитъ». Другой повторилъ ту же фразу съ тѣмъ же вздохомъ. Впослѣдствіи мнѣ приходилось ее слышать въ такихъ случаяхъ не разъ. Оттѣнокъ грусти, кото-

рымъ она сопровождалась, относился очевидно къ необходимости, которая заставляетъ людей, признавшихъ основную ошибку церкви, отколоться отъ ея соборности и искать истину на раздорожьяхъ...

То же, можетъ быть еще въ большей степени, относится къ интеллигентнымъ исканіямъ общественной правды. Цѣлое поколѣніе было выкинуто на раздорожье и вынуждено искать ее внѣ связи со своимъ народомъ. Одно изъ такихъ раздорожій была и эта американская коммуна. Они ѣхали въ Америку, чтобы на свободѣ произвести опытъ, разсчитывая найти тамъ не только нужную свободу, но и связь хотя бы съ чужой жизнью. Свободу отъ внѣшнихъ запретовъ они нашли, но связи съ жизнью не было. Даже американцы Фрея были какіе-то чудаки, производившіе впечатлѣніе полусумасшедшихъ. Одинъ изъ нихъ, между прочимъ, признавалъ грѣхомъ носить одежду и сталъ въ коммунѣ ходить нагишомъ. Я не помню теперь, было ли это и при Маликовѣ или еще въ то время, когда Фрей скитался у перфекціонистовъ или въ Миссури. Коммуна признала право этого чудака на хожденіе въ видѣ Адама. Но, когда однажды онъ пожелалъ проѣхать съ другими коммунистами въ такомъ же видѣ въ ближайшій городъ, то американцы возмутились. Началось съ того, что каждый ѣхавшій по той же дорогѣ, обгоняя коммунистическую телѣгу, непремѣнно вытягивалъ голяка кнутомъ... А затѣмъ они помчались впередъ, чтобы въ городѣ приготовить Адаму чисто американскую встрѣчу, то-есть посадить голяка

въ бочку съ дегтемъ, обсыпать перьями и затравить въ такомъ видѣ собаками. Американцы, исполненные предразсудковъ, считали, что у нихъ есть тоже свое право не видѣть въ публичныхъ мѣстахъ голыхъ людей. А такъ какъ за этимъ правомъ стояла и сила, то... новому Адаму пришлось спрятаться подъ козлы, и коммунисты вернулись домой, не побывавъ на ярмаркѣ[1]).

Мнѣ трудно возстановить теперь юмористическій тонъ, который проникалъ всѣ эти маликовскіе разсказы. Тотъ же юморъ и даже очень близкій къ маликовскому по формамъ, я встрѣтилъ еще у одного интереснаго человѣка, сверстника и близкаго товарища Маликова, жившаго тоже въ Орлѣ, — Зайчневскаго. Въ свое время онъ былъ широко извѣстенъ въ радикальныхъ кругахъ, какъ «якобинецъ». Впослѣдствіи Нечаевъ пытался осуществить ту же «русско-якобинскую» теорію: охватить всю Россію крѣпко спаянной сѣтью ячеекъ, ростущихъ въ геометрической прогрессіи и желѣзной дисциплиной подчиненныхъ таинственному центру. По приказу изъ центра въ одинъ прекрасный день вся страна сразу переходитъ къ будущему строю... Зайчневскій былъ человѣкъ замѣчательно образованный и умный. И это не помѣшало ему до конца жизни держаться нелѣпой теоріи, и Маликовъ по своему разсказывалъ объ его стараніяхъ сплотить

---

[1]) Замѣчательно, что такой же случай повторился въ одной изъ позднѣйшихъ русскихъ колоній... Въ послѣднемъ случаѣ — Адамъ былъ русскій.

центральную ячейку и о томъ, какъ спропагандированные имъ молодые люди, уѣзжая въ столицы, быстро переходили къ другимъ партіямъ. Зайчневскій платилъ своему насмѣшливому другу той же монетой. Между прочимъ я лично слышалъ отъ него разсказъ о томъ, какъ однажды, придя въ квартиру Маликова, онъ впервые услышалъ о новой религіи. Маленькій сынишка Маликова, подпрыгивая на одной ножкѣ, сообщилъ ему новость:

— А папка-мъ богъ! .. А папка-мъ богъ! ..

Оба были талантливы, оба были умны, оба цѣнили юморъ и все-таки оба продолжали «по своему сходить съ ума» на раздорожьяхъ мысли, лишенной дѣятельной связи съ общимъ потокомъ жизни, проникнутой рабствомъ и неправдой...

Въ то время, когда я познакомился съ Маликовымъ, ему было лѣтъ подъ сорокъ. Въ буйныхъ волосахъ не было сѣдины, но лицо было изборождено глубокими морщинами. Точно страсти, потрясавшія эту пламенную натуру, провели неизгладимыя борозды по его выразительному, грубоватому лицу съ неправильными чертами. У него тогда уже была вторая семья. Съ первой женой онъ разошелся, сохранивъ впрочемъ дружескія отношенія. Она повидимому не могла примириться съ цыганствомъ мужа и разсталась съ нимъ, полюбивъ одного изъ его друзей и взявъ съ собой дочь. Тогда Маликовъ въ свою очередь соединилъ свою судьбу съ Клавдіей Степановной Пругавиной (сестрой извѣстнаго писателя). Изъ за семьи онъ и поступилъ на желѣзную доро-

гу. Вообще онъ былъ отличный администраторъ, легко овладѣвалъ всякимъ новымъ дѣломъ, и все у него кипѣло въ рукахъ. И все таки чувствовалось, что, овладѣвая всякимъ дѣломъ, онъ не даетъ ему овладѣвать собой. Съ сослуживцами онъ не сближался, отъ губернскаго общества держался въ сторонѣ, окружая себя только бродячей интеллигенціей, преимущественно ссыльными. Въ его гостиной прежде всего кидался въ глаза столярный станокъ, и вообще обстановка напоминала скорѣе временный бивакъ, чѣмъ жилище окончательно осѣвшей семьи. Казалось, ея хозяинъ остановился здѣсь на время для роздыха, чтобы опериться и вновь взлетѣть въ неизвѣстномъ направленіи...

Трудно себѣ представить человѣка привлекательнѣе Клавдіи Степановны Маликовой. По темпераменту она казалась прямой противуположностью мужу. Уроженка сѣвера, блондинка съ прекрасными свѣтлыми, какъ льдинки, глазами, она однако не производила впечатлѣнія холода. Наоборотъ, отъ нея исходило какое-то теплое грѣющее сіяніе. Она очевидно глубоко пережила въ свое время увлеченіе идеями Маликова, сопровождала его въ американскихъ скитаніяхъ, уже имѣя дѣтей, и какъ-то особенно относилась къ постигшему ихъ разочарованію. Оно повидимому не имѣло для нея рѣшающаго значенія. Какъ и мужъ, она не отдала ударамъ судьбы всего запаса молодой вѣры... Оставалось еще что-то, что она вручила любимому человѣку, съ довѣріемъ, ожидая, когда для этого настанетъ новая очередь...

И дѣйствительно у Маликова и теперь, когда казалось онъ угомонился и съ такимъ юморомъ разсказываетъ о прошломъ, — что-то тлѣло, готовое вновь разгорѣться. Порой онъ дѣйствительно загорался. Юмористическія ноты исчезали, и онъ отдавался бурному теченію своего краснорѣчія. Слегка курчавые, густые волосы точно вставали дыбомъ надъ его головой, глаза сверкали глубокимъ огнемъ, и рѣчь лилась бурнымъ потокомъ, пламенная, красивая и часто... малопонятная... Его можно было невольно заслушаться. Клавдія Степановна откладывала работу и неподвижно смотрѣла на мужа своими прекрасными глазами.

Общество, собиравшееся въ уютной квартирѣ Маликовыхъ, было немногочисленно. У нихъ жила, въ качествѣ близкаго друга семьи, Лариса Тимофеевна Заруднева, какъ и Клавдія Степановна, уроженка Архангельска. Когда-то она была домашней учительницей и, вѣроятно подъ вліяніемъ Берви-Флеровскаго, проникласъ освободительными идеями. Она передала эти идеи цѣлому кружку совсѣмъ юныхъ дѣвушекъ, своихъ учевицъ, и вмѣстѣ съ ними уѣхала въ Москву. Здѣсь, — кажется за знакомство съ Мышкинымъ, передъ которымъ Заруднева прямо преклонялась, — она была арестована, и ея молодежь попала тоже въ тюрьмы и ссылку. Ея питомицы были захвачены движеніемъ слишкомъ рано, и для нихъ вскорѣ наступило разочарованіе. Драма, довольно частая въ тѣ времена, когда рекрутировалась слишкомъ зеленая молодежь.

Заруднева, уже немолодая и некрасивая дѣ-

вушка неопредѣленнаго возраста, была человѣкъ глубокій и очень сдержанный. Мнѣ не случалось говорить съ нею объ этомъ, но мнѣ казалось, что она переживаетъ драму своихъ прежнихъ и новыхъ питомицъ, изъ которыхъ одна, Вѣра Николаевна Панютина, тоже жила въ Перми подъ надзоромъ и тоже служила на желѣзной дорогѣ. По своему настроенію Панютина напоминала мнѣ нашего вышневолоцкаго Шиханенка. Такая же не глубокая начитанность «популярнаго характера» и такая же вѣра въ цитаты. Она служила въ канцеляріи главнаго управленія, и на ея обязанности лежала записка въ журналъ уходящей и приходящей почты. Почта уходила въ 11 часовъ, а Панютина являлась на службу къ 12-ти, занятая предварительнымъ приготовленіемъ завтрака. Это было, конечно, очень неудобно, и однажды я вмѣстѣ съ Маликовымъ завели съ нею по этому поводу внѣслужебный разговоръ. Панютина очень огорчилась и въ оправданіе засыпала насъ цитатами изъ популярной гигіены о важности хорошаго приготовленія пищи. Въ концѣ концовъ бѣдняга расплакалась, но измѣнить порядка своей жизни оказалась не въ силахъ...

Кружокъ ссыльныхъ дополнялся еще мужемъ и женой Сергѣевыми. Онъ былъ сынъ уральскаго заводчика, окончилъ коммерческое училище въ Петербургѣ и былъ захваченъ революціоннымъ народничествомъ, которое и привело его въ Пермь. Жена раздѣляла тѣ же идеи... Своими людьми были у Маликовыхъ еще два человѣка: Алекс. Александровичъ Криль и Ал.

Ал. Лобовъ. Оба служили торговыми агентами желѣзной дороги, Лобовъ въ Перми, Криль въ Екатеринбургѣ. Лобовъ былъ прежде артиллерійскимъ офицеромъ, Криль, женатый на сестрѣ А. Н. Анненской, вращался среди петербургской интеллигенціи, былъ въ родствѣ съ извѣстнымъ тогда журналистомъ Ткачевымъ, эмигрировавшимъ послѣ нечаевскаго дѣла, и въ Петербургѣ занимался по большей части переводами. Кружокъ переводилъ преимущественно книги «съ направленіемъ» и именно съ направленіемъ матеріалистическимъ. Гигантъ, добродушный и нѣсколько расплывшійся, человѣкъ даровитый, но безпорядочный дилетантъ во всемъ, Лобовъ, худощавый и нервный, былъ наоборотъ склоненъ къ педантизму. Въ его комнатахъ лежали на столѣ въ разъ навсегда установленномъ порядкѣ разные предметы, и я помню его испуганный взглядъ, когда кто-нибудь въ разсѣянности прикасался къ нимъ. Онъ былъ женатъ, но дѣтей у Лобовыхъ не было, и съ воспоминаніемъ о нихъ соединяется у меня также воспоминаніе о Бьюти, маленькой довольно противной собачкѣ, которую Лобовъ съ женой окружали чисто родительскими заботами. Однажды, придя къ нимъ, я услышалъ испуганные предостерегающіе крики. Оказалось, что Бьюти только что вынута изъ ванны, сейчасъ ее заворачиваютъ въ простыньки, и сквозной вѣтеръ можетъ ей повредить . . .

Таково было общество, собиравшееся у Маликовыхъ. Заруднева и Панютина были, повидимому, цѣликомъ во власти его идей. Идеи

эти все еще въ общемъ были близки къ «богочеловѣчеству». Къ офиціальной церковности Маликовъ тогда относился отрицательно[1]). Я находился тогда въ періодѣ спокойнаго позитивизма. Волоховъ, человѣкъ вообще необыкновенно трезвый, очень уважалъ въ Маликовѣ его дѣловитость и сдержанную силу, но когда Маликовъ впадалъ въ трансъ, Волоховъ посматривалъ на него, какъ мнѣ казалось, съ искреннимъ удивленіемъ. Вообще присутствіе мое и Волохова до извѣстной степени расхолаживало, но вмѣстѣ и подстрекало Маликова. Что касается Лобова и Криля, то они видимо поддавались маликовскому настроенію если не вполнѣ, то отчасти. Помню одинъ разговоръ. Маликовъ былъ въ своемъ трансѣ и, по обыкновенію весь горя и пламенѣя, говорилъ о могуществѣ чуда. Чудеса — это проявленіе и лучшее доказательство присутствія Бога въ человѣкѣ. Нѣтъ ничего, что бы устояло передъ могуществомъ чуда. Оно побѣждаетъ даже физическую природу... Христіанскихъ мучениковъ жгутъ на кострахъ или желѣзныхъ рѣшеткахъ, а на ихъ лицахъ — выраженіе блаженства.

— Да, это большое могущество духа, — ска-

---

[1]) Въ своемъ возраженіи на статью А. Фаресова, Н. Чайковскій, близкій другъ и бывшій единомышленникъ Маликова, говоритъ, что ученіе «богочеловѣковъ» прямо таки противуполагалось христіанству и по своему этическому содержанію, и по отношенію къ опытному положительному знанію. («В. Европы», 1905. № 5, въ отд. хроники). Прямое противоположеніе христіанству кажется мнѣ выраженіемъ слишкомъ сильнымъ. Несомнѣнно однако, что «богочеловѣчество» было довольно далеко отъ офиціальной церковности.

залъ я. — Но побѣды надъ физической природой въ прямомъ смыслѣ я тутъ не вижу: побѣда духа и ограничивается духовными процессами, — настроеніемъ. Тѣло мучениковъ все таки сгорало...

Маликова въ такомъ настроеніи смутить было трудно. Онъ бурно несся дальше. Да, тѣло сгорало... Но всегда ли?.. Можно себѣ представить еще шагъ въ этомъ направленіи, еще бо̀льшее напряженіе вѣры, и огонь потеряетъ силу ожигать тѣло. Очень начитанный въ священномъ писаніи, онъ сталъ приводить примѣры, гдѣ можно допустить именно такую прямую побѣду. Онъ весь пылалъ, какъ тургеневскій ораторъ сектантъ, и его настроеніе видимо передавалось слушателямъ. Мнѣ это показалось интереснымъ.

— Скажите, — обратился я къ Лобову и Крилю. — Неужели и вы допускаете, что подъ вліяніемъ чисто нервныхъ процессовъ — тѣло человѣка можетъ стать несгораемымъ?..

Не помню точно, что отвѣтилъ Лобовъ, но Криль, старый матеріалистъ, сказалъ безъ колебаній: «Да, допускаю», хотя это шло совершенно вразрѣзъ его общему настроенію до пламенныхъ рѣчей Маликова и, думаю, вскорѣ послѣ нихъ.

Въ то время Маликовъ состоялъ въ перепискѣ съ Побѣдоносцевымъ. Она началась еще въ тѣ годы, когда Маликовъ былъ судебнымъ слѣдователемъ въ заводскомъ районѣ. Въ московскомъ университетѣ онъ слушалъ лекціи Побѣдоносцева по гражданскому праву и вспомнилъ о своемъ профессорѣ по поводу возмути-

тельныхъ пріемовъ администраціи въ отношеніи рабочихъ. Побѣдоносцевъ тогда былъ еще не тотъ, какимъ Россія знала его впослѣдствіи. Не знаю, какъ отозвался онъ по существу дѣла, но на письмо Маликова отвѣчалъ и судьбой его заинтересовался. Порой со стороны Маликова переписка принимала довольно шероховатыя полемическія формы, но Побѣдоносцевъ не переставалъ слѣдитъ за судьбой своего строптиваго корреспондента и помогъ ему выбраться сначала изъ Холмогоръ въ Архангельскъ, потомъ изъ Архангельска въ Орелъ.

Въ первое время по прибытіи въ Пермь новаго правителя дѣлъ уральской желѣзной дороги, — его прошлое, его замкнутый для общества образъ жизни и близость съ поднадзорными навлекли на него подозрѣнія и даже обыскъ. Но съ первыхъ же шаговъ жандармы натолкнулись на письмо Побѣдоносцева, и это ихъ такъ смутило, что они извинились, объяснили обыскъ недоразумѣніемъ и съ тѣхъ поръ оставили Маликова въ покоѣ, не мѣшая ему пристраивать на службу ссыльныхъ.

CXVIII

ГУБЕРНАТОРЪ ЕНАКІЕВЪ И ЕГО ДРУГЪ — ЖАНДАРМСКІЙ ОКРУЖНОЙ НАЧАЛЬНИКЪ

Въ первые же дни по пріѣздѣ въ Пермь, меня очень занимала мысль о продѣлкѣ вятской администраціи съ моимъ побѣгомъ. Кто и зачѣмъ это сдѣлалъ?

Зачѣмъ, — это мнѣ было ясно: администрація расплачивалась со мною за язвительность стиля. Исправникъ мстилъ за жалобы на него губернатору, губернаторъ за жалобу министру, урядникъ за то, что постоянно оставался въ дуракахъ передъ крестьянами. Мой побѣгъ и былъ вѣроятно состряпанъ послѣ вызова урядника и совѣщанія въ Глазовѣ, о чемъ мнѣ говорилъ бисеровскій старшина. Впослѣдствіи, когда тайны архивовъ стали постепенно выходить на свѣтъ божій, въ одномъ изъ сибирскихъ журналовъ[1]) были напечатаны выдержки изъ переписки о «государственномъ преступникѣ Короленко». Оказывается, что «во время пребыванія въ Глазовскомъ уѣздѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго года Короленко самовольно отлучился изъ назначеннаго ему мѣста жительства, — Починка Березовскаго, при вершинѣ старицы Березовской, Бисеровской волости, и задержанъ былъ въ селеніи Бисеровѣ, отстоящемъ отъ названнаго починка въ 35 верстахъ».

Читатель уже знаетъ, что это была ложь. Я дѣйствительно отлучался для покупки сапожнаго товара, но не въ Бисерово, а въ ближайшее село Афанасьевское, никѣмъ при этомъ задержанъ не былъ и самъ вернулся въ починки. Мнѣ было очевидно, что это — распространительное толкованіе высочайшаго указа и прямой подлогъ. Кто именно виновенъ въ этомъ? Теперь мнѣ кажется вѣроятнымъ, что состряпано это урядникомъ съ благословенія,

---

[1]) «Сибирскіе Вопросы».

пожалуй, Луки Сидоровича, но тогда я былъ увѣренъ, что продѣлка не обошлась безъ санкціи и губернатора Тройницкаго. Впрочемъ, и теперь я считаю это вѣроятнымъ. Братъ писалъ мнѣ впослѣдствіи, что нѣкій членъ крестьянскаго присутствія Ивановъ жаловался губернатору на безпокойнаго ссыльнаго, который пишетъ крестьянамъ жалобы на притѣсненія мѣстныхъ сельскихъ заправилъ и администраторовъ. Я оказывался такимъ образомъ «безпокойнымъ человѣкомъ», а указъ 8 августа 1878 года давалъ такое соблазнительное оружіе для укрощенія моего вреднаго вліянія... Возможно, что губернаторъ посмотрѣлъ сквозь пальцы на «благонамѣренный» подлогъ исправника.

Какъ бы то ни было, мое негодованіе искало исхода, и я рѣшилъ огласить этотъ эпизодъ въ газетахъ. Для этого я написалъ письмо въ редакцію «Молвы», въ которое вложилъ много язвительности и горечи по адресу «административнаго порядка». Началъ съ того, что нынѣшнія ликованія кажутся мнѣ нѣсколько преждевременными, пока продолжаются прежніе безсудные порядки, я закончилъ прямымъ вопросомъ, обращеннымъ къ вятской администраціи, начиная съ его превосходительства г-на вятскаго губернатора и кончая урядникомъ: «гдѣ, когда, откуда я совершилъ побѣгъ, за который чуть не попалъ въ Якутскую область... А вѣдь это, шутка сказать, — не близко»...

Волоховъ, которому я прочиталъ это письмо до его отсылки, только улыбнулся. «Неужели вы думаете, что такое письмо напечатаетъ какая-

нибудь русская газета». Правду сказать, я не думалъ этого, но не могъ приняться за другія дѣла, пока не излилъ своихъ чувствъ въ этомъ протестѣ, можетъ быть и безплодномъ. Письмо отправилось.

Дней черезъ десять, въ какой-то праздникъ, Волоховъ, только что вернувшійся изъ общественной библіотеки, сказалъ мнѣ улыбаясь:

— Сходите въ библіотеку. Тамъ есть кое-что для васъ интересное.

Я пошелъ и увидѣлъ надъ однимъ изъ столовъ кучку читателей, со всѣхъ сторонъ склонившихся головами надъ номеромъ, помнится, 312 «Молвы», въ которомъ мое письмо было напечатано почти безъ сокращеній.

Передъ вечеромъ того-же дня ко мнѣ пришелъ губернаторскій служитель съ запиской: губернаторъ проситъ меня придти къ нему завтра утромъ для полученія писемъ, пришедшихъ на мое имя. Я отправился. Губернаторъ мнѣ сообщилъ, что онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мои письма доставлялись ему. Я понялъ. Онъ не рѣшилъ еще, можно ли офиціально обходиться безъ контроля моей переписки, а если бы письма шли черезъ полицію, — онѣ были бы непремѣнно вскрыты. Передавъ мнѣ (невскрытыми) письма отъ матери и сестры, — онъ положилъ руку на лежавшій на столѣ номеръ газеты и сказалъ серьезнымъ тономъ:

— А теперь — вотъ это... Скажите, господинъ Короленко... Вы о двухъ головахъ, что позволяете себѣ писать и печатать такія письма... Вѣдь это... прямое публичное обвиненіе вятской губернской администраціи въ злоупо-

требленіи высочайшимъ указомъ и даже... въ подлогѣ.

— Я и имѣлъ въ виду обвинить вятскую администрацію въ злоупотребленіи высочайшимъ указомъ и въ подлогѣ...

— Я увѣренъ, что послѣдуетъ опроверженіе, и вы можете подвергнуться тяжелой отвѣтственности.

— А я увѣренъ, наоборотъ, что никакого опроверженія не послѣдуетъ... Что касается отвѣтственности, — конечно по суду, — я былъ бы радъ возбужденію этого дѣла...

Онъ покачалъ головой, какъ человѣкъ удивленный и озадаченный.

Разумѣется, никакого опроверженія не послѣдовало, хотя письмо по тому времени явилось нѣкоторымъ событіемъ. Его цитировали осмѣлѣвшія газеты, и внутренній обозрѣватель «Русской Мысли» (С. А. Приклонскій) посвятилъ ему значительную часть очередного обозрѣнія. Мнѣ разсказывали впослѣдствіи, что Абаза, игравшій довольно видную роль при Лорисъ-Меликовѣ, пріѣзжалъ въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» съ просьбой не подчеркивать «раздражающихъ и волнующихъ общество извѣстій», какимъ онъ считалъ и мое письмо. — «У графа самыя лучшія намѣренія... Вы видите: уже теперь хорошо, а будетъ еще лучше. Дайте графу дѣлать свое дѣло спокойно»... Въ «Отечественныхъ Запискахъ» мое письмо воспроизведено не было.

Послѣ этого Енакіевъ по поводу писемъ, а иногда и безъ особеннаго повода сталъ приглашать меня къ себѣ, и я видѣлъ, что онъ

чрезвычайно интересуется тѣмъ, что происходитъ въ Россіи.

— Что же это дѣлается? — говорилъ онъ. — И откуда эти постоянныя покушенія на царя, освободившаго крестьянъ, и на его слугъ?

Волоховъ разсказывалъ мнѣ, что, зная объ его участіи въ литературѣ, Енакіевъ въ первое время приглашалъ и его и задавалъ тѣ же вопросы. Но Волоховъ былъ человѣкъ очень сдержанный. Онъ предоставлялъ говорить самому губернатору, отвѣчая на его вопросы лишь односложно.

— Ему нужно говорить, — пусть говоритъ. А мнѣ съ нимъ разговаривать не о чемъ.

Меня, наоборотъ, Енакіевъ очень интересовалъ, и я не видѣлъ причины отказываться отъ этихъ разговоровъ, особенно послѣ одного случая. Какъ я и сказалъ Енакіеву сразу, — я не уклонялся ни отъ какихъ знакомствъ, и вскорѣ ко мнѣ стали ходить гимназисты, семинаристы, народные учителя... У одного изъ такихъ моихъ знакомыхъ, семинариста Кудрявцева, была найдена при обыскѣ «нелегальная» библіотека. Книгъ прямо «преступныхъ» тутъ не было, но были сочиненія, изъятыя изъ обращенія по «неблагонадежности»: Писаревъ, «Политическая Экономія Милля» съ примѣчаніями Чернышевскаго, «Историческія Письма» Миртова (Лаврова), печатавшіяся въ «Недѣлѣ» и т. д. Архіереемъ былъ тогда какой-то сухой монахъ, который пришелъ въ изувѣрный ужасъ и настаивалъ на самыхъ суровыхъ мѣрахъ. Губернаторъ Енакіевъ и его пріятель, жандармскій окружной начальникъ,

старались, наоборотъ, не раздувать дѣла. Енакіевъ лично отправился къ архіерею, чтобы уговорить его не исключать всѣхъ семинаристовъ, значившихся въ спискѣ читателей преступной библіотеки. Когда кроткій монахъ настаивалъ на исключеніи нѣсколькихъ десятковъ юношей, Енакіевъ сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, ваше преосвященство, я вынужденъ написать своему высшему начальству, что вы намѣрены кинуть эту молодежь въ объятія соціализма...

— Какъ это? — испугался монахъ.

— Очень просто: вы выкидываете ихъ, не давъ окончить образованія, и ихъ тотчасъ же подберутъ другіе наставники.

Это, разумѣется, было въ сущности не очень страшно. Свѣтское правительство само только и дѣлало, что кидало такимъ же образомъ цѣлые кадры юношей «въ объятія соціализма». Но архіерей все таки испугался, и никто изъ участниковъ неблагонадежной библіотеки исключенъ не былъ, кромѣ, впрочемъ, Кудрявцева, у котораго были найдены присланныя кѣмъ-то изъ Казани прокламаціи. Архіерей былъ искренно убѣжденъ, что Кудрявцева за это повѣсятъ, а ужъ объ оставленіи его въ семинаріи не могло быть и рѣчи.

Кудрявцевъ былъ высокій, худощавый и болѣзненный юноша. Онъ сразу испугался и сталъ давать слишкомъ откровенныя показанія. Между прочимъ въ числѣ своихъ знакомыхъ онъ назвалъ меня и Панютину.

— Вы отъ нихъ получили прокламаціи? Давали они вамъ запрещенныя книги?

Кудрявцевъ отвѣтилъ отрицательно и перечислилъ сочиненія, которыя я рекомендовалъ ему прочесть.

— Такъ знаете что, — сказалъ этотъ феноменальный жандармъ: — лучше не упоминайте этихъ фамилій. Они — поднадзорные, и это только напрасно усложнитъ дѣло.

Я зналъ отъ молодыхъ людей обо всемъ этомъ дѣлѣ и, конечно, ждалъ обыска. Но обыска не послѣдовало, и юноши объяснили мнѣ эту «бездѣятельность мѣстной власти». Впослѣдствіи и Енакіевъ разсказалъ мнѣ всю исторію, и понятно, что у меня не было основаній относиться къ нему съ недовѣріемъ. На его недоумѣнный вопросъ, «что это у насъ происходитъ», — я отвѣтилъ совершенно откровенно. Я не террористъ. Объясняю терроръ невыносимымъ правительственнымъ гнетомъ, подавившимъ естественное стремленіе къ самодѣятельности русскаго общества. Знаю, что стали террористами люди, раньше не помышлявшіе о террорѣ, и считаю людей, гибнущихъ теперь на висѣлицахъ, одними изъ лучшихъ русскихъ людей. Очевидно правительство, обратившее противъ себя такое отчаяніе и такое самоотверженіе, идетъ ложнымъ и гибельнымъ путемъ.

Енакіевъ слушалъ эти мои откровенныя мнѣнія съ явнымъ интересомъ, и въ этомъ мѣстѣ нашего разговора всталъ, заглянулъ въ пріемную и заперъ дверь. Послѣ этого всякій разъ, когда я приходилъ къ нему, онъ не забывалъ эту предосторожность. Часто онъ и самъ при закрытыхъ такимъ образомъ дверяхъ сообщалъ

мнѣ новости и слухи изъ административныхъ сферъ, въ которыхъ звучала видимая заинтересованность къ какимъ-то еще не вполнѣ опредѣленнымъ грядущимъ реформамъ. Ожиданія перемѣнъ носились въ воздухѣ даже канцелярій и губернаторскихъ кабинетовъ, и несомнѣнно, что реформы встрѣтили бы приверженцевъ даже въ иныхъ бюрократическихъ сферахъ.

Въ это время я напечаталъ въ журналѣ «Слово» двѣ статьи. Одну — «Ненастоящій городъ», другую «Въ Подслѣдственномъ отдѣленіи». Въ этомъ послѣднемъ очеркѣ шла рѣчь о тобольской тюрьмѣ и сектантѣ Яковѣ, неустанно громившемъ свою тюремную дверь во имя протеста «за Бога, за великаго государя». Оказалось, что этотъ Яшка-стукальщикъ и его дѣло извѣстны Енакіеву. Яковъ былъ житель одного изъ крупныхъ уральскихъ заводовъ и принадлежалъ къ сектѣ «неплательщиковъ», поэтому Енакіевъ чрезвычайно заинтересовался этимъ моимъ очеркомъ. Онъ понимаетъ конечно, что одни репрессіи безцѣльны. Было бы очень хорошо, если бы кто-нибудь, наблюдательный и безпристрастный, освѣтилъ эту малоизвѣстную секту и ея взгляды. Онъ считаетъ, что я могъ бы это сдѣлать. Скоро, вѣроятно, всѣ мы получимъ свободу, но даже и безъ этого онъ могъ бы перевести меня съ моего согласія для жительства въ это заводское село. Это, конечно, менѣе удобно, но вѣдь сумѣлъ же я сдѣлать свои наблюденія надъ Яшкой даже въ коридорѣ подслѣдственнаго отдѣленія. Тамъ у меня, конечно, будетъ болѣе простора.

— Вы, конечно, разумѣете наблюденія съ чисто литературными цѣлями... — сказалъ я...

— Конечно, конечно...

— Хотя бы мнѣ пришлось писать вещи, непріятныя для мѣстной администраціи?..

— Да, да. Вы напишете то, что увидите.

Мы разстались вполнѣ довольные другъ другомъ. Передо мной раскрывались новыя перспективы и новое поле для интересныхъ наблюденій.

XIXЭ

МОЯ СЛУЖБА НА ЖЕЛ. ДОРОГѢ — СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Жизнь въ Перми надолго мнѣ не очень улыбалась. Служба на желѣзной дорогѣ давала заработокъ, но сама по себѣ была чрезвычайно не интересна.

Я былъ письмоводителемъ статистическаго отдѣленія службы тяги. Въ этомъ отдѣленіи регистрировалась работа личнаго состава этой службы, то-есть главнымъ образомъ машинистовъ, ихъ помощниковъ и кочегаровъ, а также паровозовъ и ихъ частей, вплоть до осей, бандажей и подшипниковъ. Къ намъ поступали ежедневные рапортички машинистовъ, порой очень курьезные... «На такой-то верстѣ, — писалъ напримѣръ одинъ машинистъ, — произошла остановка вслѣдствіе лежащаго на пути

мертваго тѣла. Сія трупа оказалась принадлежащей стрѣлочнику номеръ такой то въ пьяномъ видѣ, которая и доставлена на станцію для протрезвленія». Или: «произошла остановка вслѣдствіе попавшаго между буферовъ тормазнаго кондуктора». И ничего больше. Дальнѣйшая судьба злополучнаго кондуктора въ кругозоръ машиниста, а съ нимъ и нашей статистики не входила, тѣмъ болѣе, что кондукторъ служилъ не въ «тягѣ», а по «движенію».

Мои обязанности состояли въ составленіи запросовъ, отношеній, рапортовъ и приказовъ разнымъ лицамъ относительно доставленія тѣхъ или другихъ свѣдѣній. Вначалѣ мнѣ то и дѣло приходилось срамиться. Случайно заглянувъ въ только-что составленную мною бумагу, одинъ изъ сослуживцевъ сказалъ мнѣ съ укоризной:

— Ай, ай, ай. А еще студентъ, образованный человѣкъ! Какъ же вы не знаете, къ кому и какъ надо обращаться. «Прошу не оставить увѣдомленіемъ»... И это начальнику дороги!..

— А какъ же нужно?

— «Честь имѣю покорнѣйше просить не оставить увѣдомленіемъ». Прошу не оставить увѣдомленіемъ можно еще написать начальнику тяги... Да и тотъ недавно на насъ обидѣлся...

Одинъ разъ мнѣ пришлось переписать бумагу съ обращеніемъ: «Г-ну Начальнику дороги»...

— Г-ну, г-ну... Да развѣ можно писать начальнику дороги гну?.. Надо непремѣнно полностью «Господину».

— Это, конечно, для дѣла неважно, — говорилъ, улыбаясь, мой непосредственный начальникъ, Владиміръ Ивановичъ Драве (бывшій петербургскій студентъ, самъ сидѣвшій когда-то въ крѣпости во время студенческихъ безпорядковъ 1868 года), — но... все таки вамъ придется ознакомиться съ этими формами.

Это было нетрудно, и скоро я узналъ, кому можно писать: прошу немедленно отвѣтить, а кому: «честь имѣю покорнѣйше просить не оставить отвѣтомъ». Но и это не избавило меня все таки отъ одной крупной служебной ошибки.

Моимъ непосредственнымъ подчиненнымъ былъ молодой человѣкъ по имени, скажемъ, Потапъ Ивановичъ. Это былъ юноша феноменально аккуратный, но и столь же феноменально медлительный. Его несложныя обязанности состояли въ перепискѣ составленныхъ мною бумагъ, въ размноженіи на гектографѣ циркуляровъ и въ веденіи входящаго и исходящаго журналовъ. Почеркъ у него былъ четкій и красивый, но при этомъ его эстетическія склонности рѣшительно мѣшали необходимой быстротѣ работы. Не довольствуясь ровными, какъ крупный бисеръ, строчками на страницѣ, онъ сталъ заботиться о томъ, чтобы и на обѣихъ сторонахъ страницы строчка совпадала со строчкой. Я порой съ любопытствомъ слѣдилъ, какъ онъ, сидя почти рядомъ со мной за дверью сосѣдней комнаты, подымалъ вертикально страницу журнала, стараясь обозрѣть обѣ ея стороны, одну лѣвымъ, другую правымъ глазомъ. Признаюсь, я питалъ къ Потапу Ива-

новичу нѣкоторую слабость за его простодушіе и своего рода «типичность». Мнѣ казались до такой степени любопытными и его пріемы, и его разговоры, что я сталъ ходить съ нимъ въ одну кухмистерскую, и черезъ нѣкоторое время наши отношенія превратились въ товарищескія, — благодушно юмористическія съ моей стороны, фамиліарныя со стороны Потапа Ивановича. А это уже было замѣтнымъ нарушеніемъ приличнаго «служебнаго тона», привлекавшимъ вниманіе служебной среды.

На этой почвѣ и возникло обстоятельство, чуть не вызвавшее служебную катастрофу. Эстетическая медлительность Потапа Ивановича, соединенная, правду сказать, съ изрядной лѣнью, привела къ тому, что онъ рѣшительно не справлялся съ дѣломъ. Я, наоборотъ, съ письменной работой справлялся быстро, и у меня оставалось много времени. Само собой вышло какъ-то, что я сначала снялъ съ Потапа Ивановича переписку начисто составленныхъ мною бумагъ, потомъ сталъ самъ писать ихъ гектографическими чернилами, размножать ихъ и наконецъ часто сталъ даже записывать въ «исходящій» журналъ, требовавшій порой особенной спѣшности. Не знаю, — самъ ли Владиміръ Ивановичъ замѣтилъ, что ему приходится подписывать бумаги, написанныя сплошь моей рукой, или кто-нибудь обратилъ его вниманіе на это явленіе, безнравственное съ служебной точки зрѣнія, только одинъ разъ нашъ начальникъ, заглянувъ въ «исходящій», а затѣмъ обозрѣвъ гектографическіе циркуляры, рѣзко объявилъ Потапу Ивановичу, что онъ

болѣе въ статистическомъ отдѣленіи не служитъ. Я понималъ, конечно, что въ этомъ крушеніи бѣдняги значительная доля вины падаетъ на меня, и мнѣ удалось, не безъ нѣкотораго труда, смягчить Драве. Потапъ Ивановичъ остался на службѣ, но уже съ «замѣчаніемъ» и «предупрежденіемъ».

Въ тотъ же день, отправляясь въ кухмистерскую, я замѣтилъ, что Потапъ Ивановичъ на меня дуется, даже, можно сказать, прямо разъяренъ... На мой шутливый вопросъ о причинахъ этого гнѣва, онъ отвѣтилъ тономъ, въ которомъ злоба была смѣшана съ чѣмъ-то въ родѣ презрѣнія:

— А вы будто не знаете: вѣдь я чуть не лишился мѣста и попалъ на дурной счетъ. А черезъ кого... Все черезъ васъ...

— Потапъ Ивановичъ, — попробовалъ я возразить, — припомните. Вѣдь я говорилъ вамъ, что надо работать быстрѣе и меньше любоваться своимъ почеркомъ.

— Говорилъ, говорилъ!... Развѣ такъ говорятъ начальники... Прикрикнули бы, выругали бы построже, я бы давно подтянулся... А то, — поди ты!.. Я и не замѣтилъ, какъ вы всю работу стали дѣлать за меня...

Я болѣе не возражалъ, и черезъ нѣкоторое время Потапъ Ивановичъ смягчился.

— И вѣдь вотъ удивительное дѣло, — сказалъ онъ довѣрчиво. — Отчего я такой на службѣ?.. А до бабъ, представьте, — проворенъ...

И онъ разсказалъ, что еще на-дняхъ одинъ машинистъ, вернувшись домой въ неурочное

время, засталъ его у своей жены, и жизни его грозила сильная опасность, которой онъ избѣгъ, выказавъ чудеса ловкости и проворства...

— На это, вотъ, проворства хватило... — заключилъ онъ съ раздуміемъ...

Мнѣ приходится еще отмѣтить появленіе на пермскомъ горизонтѣ одного стараго знакомаго. Какъ-то по дорогѣ со службы я обратилъ вниманіе на встрѣчнаго господина, который прошелъ мимо меня, оставивъ за собой рѣзкую струю водочнаго запаха. Въ его фигурѣ мелькнуло что-то знакомое, и я оглянулся.

— Кажется, прапорщикъ Верещагинъ!..

Онъ тоже оглянулся и черезъ нѣсколько секундъ я очутился въ его объятіяхъ.

— А я васъ разыскиваю... Усталъ, какъ чортъ, и, признаться, сейчасъ съ устатку немного выпилъ и закусилъ... Ну, какъ живете? Слышалъ, что васъ вернули. Меня, какъ видите, — тоже... Надо здѣсь устраиваться, найти работу. И прежде всего квартиру.

— Отлично, — сказалъ я. — У меня есть на примѣтѣ квартира, въ которой я жилъ самъ... Можетъ быть, найдется и служба.

Я съ сомнѣніемъ взглянулъ на прапорщика. Лицо у него было отекшее, точно съ перепою. Очевидно, выпивкой «съ устатку» дѣло не ограничивалось. Какъ бы то ни было, я привелъ вышневолоцкаго товарища къ себѣ, а затѣмъ свелъ къ своему бывшему хозяину въ слободкѣ... Я сказалъ Верещагину, что сведу его

къ Маликову, но... съ этимъ придется подождать, пока минуетъ его «дорожная усталость». Оба мы, конечно, понимали, о чемъ идетъ рѣчь. Отъ совмѣстнаго пребыванія въ В. П. Т. у меня осталось отъ прапорщика довольно благодушное воспоминаніе. Теперь я видѣлъ, что онъ пережилъ періодъ запоя, но думалъ, что это временное и что онъ подтянется. Вѣдь жилъ онъ въ В. П.Т. столько времени и повидимому даже не вспоминалъ о водкѣ.

Но ни на слѣдующій, ни на второй, ни на третій день прапорщикъ не являлся, а затѣмъ пришелъ хозяинъ съ просьбой — избавить его отъ моего товарища.

— Совсѣмъ не тотъ коленкоръ, — говорилъ онъ съ искреннимъ возмущеніемъ. — Я считалъ его приличнымъ господиномъ, въ родѣ васъ или господина Волохова... А онъ оказался дебоширъ, скандалистъ, пьяница... Съ тѣхъ поръ, какъ вы привели его, — мы не знаемъ покоя. Цѣлыя ночи проводитъ въ скверномъ домѣ, а до свѣту приходитъ, будитъ всѣхъ, скандалитъ... У меня жена и дочь... Избавьте, пожалуйста...

Я тотчасъ же отправился съ нимъ. Прапорщикъ, очевидно съ сильнаго похмѣлья, еще спалъ. Пришлось разбудить. Физіономія у него еще болѣе обрюзгла, глаза были мутны. И съ первыхъ же словъ я убѣдился, что отношенія прапорщика съ хозяиномъ стали совсѣмъ невозможны. Какъ только прапорщикъ проснулся, они сразу стали ругаться.

— Вотъ этакъ всѣ дни, — сказалъ хозяинъ. — Пришелъ въ пять часовъ, лыка не вяжетъ,

а кричитъ, скандалитъ, — на это его хватаетъ...

— Молчи, мерзавецъ, экс...плоата-торъ... — отвѣтилъ Верещагинъ съ натискомъ и, взглянувъ на иконы, — продолжалъ: — навѣшалъ идоловъ и считаетъ себя святымъ... Скажите ему хоть вы, что все это идолы... Мнѣ онъ не вѣритъ...

— Конечно, тебѣ не нравится. Въ церковь тебя калачомъ не заманишь, тебѣ лучше въ публичномъ домѣ... Недаромъ ты и книжку туда снесъ... Спросите у него, куда онъ снесъ вашу книжку?

Уходя отъ меня, Верещагинъ попросилъ у меня книжку «Слова» и теперь, по словамъ хозяина, просвѣщалъ обитательницъ веселаго дома моей статьей.

— Молчи р-р-р-акалья... Ты думаешь, я для пакостнаго удовольствія хожу туда. Можетъ я души извлекаю изъ хаоса...

— Извлекаешь, какъ же. У меня есть дочь, жена... Ты бы имъ почиталъ честно, благородно... Нѣтъ, тебя туда тянетъ... Ну, ты не очень, — сказалъ онъ, опасливо косясь на воинственныя приготовленія прапорщика, — а то вѣдь я и полицію позову!..

— Ну, вотъ что, прапорщикъ, — вмѣшался я. — Мнѣ приходится извиниться за васъ передъ хозяевами. Берите свои вещи. Вы сейчасъ переѣдете ко мнѣ.

Я его привелъ къ себѣ и сказалъ:

— Вы понимаете, что никакого мѣста я вамъ доставить не могу, пока вы не докажете, что

это на васъ напалъ временный запой и что вы способны вести себя, какъ подобаетъ порядочному человѣку. На это нужно время. Поживите у меня, но предупреждаю: если вы станете стучать ночью, то вамъ не отопрутъ, и вамъ придется ночевать, гдѣ угодно.

Прапорщикъ обѣщалъ, даже прослезился, но дѣло оказалось безнадежно. Порой онъ совсѣмъ не являлся на ночь, порой приходилъ пьяный. Я укладывалъ его на диванъ, и онъ спалъ цѣлые дни безъ просыпу, очевидно пропивая остатки денегъ, которыми товарищи ссыльные снабдили его на дорогу. Ко мнѣ приходили порой молодые люди и дѣвушки. Мы читали что-нибудь или разговаривали. Съ прапорщикомъ мы условились, что въ такихъ случаяхъ онъ долженъ терпѣливо лежать за перегородкой, и я буду говорить, что онъ боленъ. Но однажды онъ не выдержалъ и внезапно появился изъ-за перегородки, полупьяный, съ опухшимъ лицомъ и хриплымъ голосомъ. Выйдя на середину комнаты, онъ принялъ какую-то странно эффектную позу, и счелъ нужнымъ подѣлиться съ незнакомымъ обществомъ неожиданными свѣдѣніями: въ Сибири между Туринскомъ и такимъ-то селомъ есть лѣсъ. Въ лѣсу — буеракъ... Въ этомъ буеракѣ — сборное мѣсто всѣхъ бродягъ Сибири...

— Ну, такъ что же?.. — спросилъ я, не зная, куда клонитъ прапорщика нетрезвая мысль...

— Хочу шайку совокупить, — неожиданно закончилъ прапорщикъ, застѣнчиво улыбаясь, какъ человѣкъ, обнаружившій затаенную честолюбивую мечту...

Я подумалъ, что это пьяный бредъ, и, смѣясь, препроводилъ его за перегородку... По общему совѣту, мы съ Волоховымъ рѣшили разспросить прапорщика о мѣстѣ пребыванія его родныхъ, собрали нѣсколько денегъ и — отправили его на родину, гдѣ у него была, кажется, замужняя сестра. Черезъ нѣкоторое время, однако, онъ опять появился въ Перми, но не съ запада, а съ востока, гдѣ повидимому пытался осуществить свою мысль о «совокупленіи шайки». Что его постигло въ этомъ предпріятіи, — объ этомъ онъ не распространялся. Мы еще разъ собрали денегъ, но на этотъ разъ не дали ихъ ему на руки, а купили пароходный билетъ, усадили прапорщика и поручили его попеченіямъ одного знакомаго, ѣхавшаго въ Казань. До отхода парохода прапорщикъ успѣлъ все таки изрядно клюкнуть и галантно посылалъ намъ воздушные поцѣлуи съ рубки, пока пароходъ не отчалилъ. Съ тѣхъ поръ я ничего больше о нашемъ веселомъ вышневолоцкомъ товарищѣ не знаю... Очевидно онъ годился лишь для сидѣнія въ тюрьмѣ, въ хорошей компаніи... При этомъ только условіи онъ походилъ на недурнаго человѣка...

CXX

ТРАГЕДІЯ 1-го МАРТА 1881 г. — ОТКАЗЪ ОТЪ ПРИСЯГИ

Разразилась потрясающая трагедія русскаго строя...

Не помню, на второй ли или на третій день пришла въ Пермь вѣсть о цареубійствѣ 1-го марта. Утромъ въ этотъ день я шелъ, помнится, къ Маликовымъ, чтобы отъ нихъ пойти на службу, когда на перекресткѣ двухъ улицъ услышалъ разговоръ. Какой-то крестьянинъ или рабочій изъ Мотовилихи (пригородный заводъ) говорилъ извозчику:

— Чудакъ. Какъ же ты говоришь, — не твое дѣло... А кто далъ волю?..

Извозчикъ махнулъ рукой.

— А по мнѣ хоть бѣлая береза не рости... Мнѣ все одно...

Придя къ Маликову, я понялъ значеніе этого разговора... Въ Петербургѣ убили Александра II-го. Самодержавіе выродилось въ режимъ исключительно полицейскій, всѣ творческія функціи великой страны были обращены на одну охрану, но и этого одного выполнить не сумѣли.

Черезъ нѣкоторое время пришли петербургскія газеты... Конечно, скоро цензура наложила запретъ на газетныя извѣстія помимо офиціальныхъ, но одна газета (помнится «Голосъ») успѣла напечатать безцензурное репортерское сообщеніе. Надо сказать, что изло-

женіе было далеко не точно, даже фантастично. Но тонъ этой фантазіи былъ характерно мрачный и устрашающій. «Мѣщанинъ Рысаковъ», юноша, какъ извѣстно, далеко не героическаго склада, малодушно выдававшій товарищей, въ этомъ сообщеніи принялъ видъ мрачнаго героя. Послѣ перваго взрыва, когда Александръ II-й вышелъ изъ кареты и перекрестился, сказавъ «слава Богу», — Рысаковъ будто бы возразилъ:

— Ну, еще слава-ли Богу.

Вообще все происшествіе изображалось въ тонахъ неизбѣжности и испуга передъ мрачной, неумолимой и роковой силой...

Маликовъ, согласно своимъ взглядамъ, отнесся къ событію отрицательно. На меня оно произвело впечатлѣніе тягостнаго раздумья: огромный, чреватый послѣдствіями ударъ, брошенный съ какой-то неизбѣжною роковой слѣпотою. И прежде всего — жертвы съ обѣихъ сторонъ.

Я еще помнилъ, — хотя это было въ дѣтствѣ, — радостное оживленіе первыхъ годовъ послѣ освобожденія крестьянъ, вызванное имъ въ лучшихъ элементахъ общества. Оно продолжалось въ 60-хъ и отчасти въ началѣ 70-хъ годовъ. Но скоро оказалось, что Александръ II былъ гораздо ниже начатаго имъ дѣла и слишкомъ скоро измѣнилъ ему. Отъ молодого царя, произносившаго освободительныя рѣчи, къ концу семидесятыхъ годовъ остался жалкій, раскаивающійся и испуганный реакціонеръ, говорившій съ высоты престола: «Домовладѣльцы, смотрите за своими дворниками».

Близко видѣть его мнѣ пришлось только одинъ разъ, совершенно случайно, но этотъ случай произвелъ на меня незабываемое впечатлѣніе. Это было вскорѣ послѣ русско-турецкой войны. Я шелъ съ Вѣрой Зосимовной Поповой, съ которой мы вмѣстѣ работали въ «Новостяхъ», по Загородному проспекту на Гороховую, гдѣ была типографія этой газеты. Мы оживленно разговаривали и не замѣтили, что на улицахъ отъ Царскосельскаго вокзала были близко разставлены полицейскіе, которые дѣлали намъ знаки. Мы ихъ тоже замѣтили не сразу, и дошли до середины перекрестка, когда услышали быстрый грохотъ и увидѣли открытую царскую коляску, сворачивающую съ Царскосельскаго на Гороховую, отъ вокзала... Въ одномъ изъ сѣдоковъ я легко узналъ царя, но мы остановились уже тогда, когда коляска свернула совсѣмъ близко, такъ что промчалась, чуть не задѣвъ насъ. Я былъ въ высокихъ сапогахъ, блузѣ и широкополой шляпѣ. Моя спутница подстригала волосы. Обѣ наши фигуры могли показаться типичными, и конечно, полиція сдѣлала промахъ, не остановивъ насъ на тротуарѣ. Теперь намъ пришлось нѣсколько отстраниться, и я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на царя, снявъ, конечно, шляпу для поклона. Царь сдѣлалъ подъ козырекъ, повернувъ лицо, когда коляска пронесла его мимо. Меня поразило лицо этого несчастнаго человѣка, какимъ его описалъ Гаршинъ въ «Запискахъ рядового Иванова». Въ немъ не было уже ничего, напоминавшаго величавые портреты. Оно было отекшее, изборожден-

ное морщинами, нездоровое и... несчастное. И когда онъ повернулъ голову, чтобы особо поклониться курсисткѣ и студенту, мнѣ показалось въ этомъ что-то нарочитое. Говорили, что онъ отзывался очень тепло о дѣятельности курсистокъ и студентовъ — санитаровъ на театрѣ военныхъ дѣйствій...

Многое и тогда, и впослѣдствіи глубоко меня возмущало въ поведеніи этого царя въ трудные годы борьбы. Говорили, что въ немъ была фамильная жестокость Романовыхъ. Ни разу не промелькнуло съ его стороны желаніе смягчить суровость казней и репрессій по отношенію къ своимъ противникамъ. Наоборотъ, онъ лично увеличилъ наказанія по большому процессу, гдѣ люди и безъ того понесли слишкомъ суровыя кары, допустилъ несправедливую казнь Лизогуба, беззаконное заключеніе Чернышевскаго въ Вилюйскѣ... И все таки изъ за этихъ дѣйствій царя, попавшаго въ руки неумныхъ и злобныхъ сатраповъ, въ моей памяти вставало жалкое лицо несчастнаго старика... Такъ начать и такъ кончить!..

Большинство нашего пермскаго кружка раздѣляло мою рефлексію и не видѣло причины для особенной радости. Но были и другія чувства. Жена одного ссыльнаго, человѣкъ вообще недурной, выражала злобную радость при мысли объ окровавленныхъ ногахъ царя и объ его безпомощной просьбѣ: «везите во дворецъ... Тамъ — умереть».

Въ то время у меня жилъ рабочій Башкировъ, тоже возвращавшійся на родину по распоряженію лорисъ-меликовской комиссіи. Ко-

гда, придя со службы, я сообщилъ ему новость о цареубійствѣ, этотъ дюжій и простодушный человѣкъ сразу поднялся на ноги и, инстинктивно повернувшись къ иконѣ, осѣнилъ себя широкимъ радостнымъ крестомъ. Я вспомнилъ озлобленныхъ ходоковъ въ Починкахъ, вспомнилъ предсказаніе Санина, и навѣрное радость этого богобоязненнаго коренного крестьянина, когда мрачное предсказаніе сбылось, — вспомнилъ равнодушіе однихъ, проснувшуюся вражду другихъ... Было ли бы все это, если бы самодержавіе, тогда еще очень сильное, продолжало идти путемъ дальнѣйшихъ реформъ. Скоро стало извѣстно, что Александръ II-й убитъ въ самый день подписанія указа о созывѣ уполномоченныхъ, — перваго шага къ конституціи... И, можетъ, думали многіе, — если бы это было сдѣлано смѣлѣе, если бы не боялись открыто выступить противъ ненавистной реакціи, — это удержало бы руку террора...

Это была ошибка, — трагедія была глубже и не такъ легко излѣчима. Терроръ созрѣвалъ въ долгіе годы безправія. Наиболѣе чуткія части русскаго общества слишкомъ долго дышали воздухомъ подполья и тюремъ, питаясь оторванными отъ жизни мечтами и ненавистью. «Конституція» представлялась только обманомъ народа. Среди русской эмиграціи былъ только одинъ органъ, отстаивавшій необходимость конституціи для Россіи. Драгомановъ уже тогда, приглядѣвшись къ очень несовершенной австрійской конституціи, понялъ ея значеніе для политическаго развитія даже славянскихъ

народовъ, которыхъ австрійскій режимъ держалъ въ тѣни и загонѣ... Другія русскія революціонныя партіи не признавали конституціи и шли своими путями, безъ связи съ народомъ. А такія партіи начинаютъ всегда жить своей самостоятельной жизнью, обращаясь въ своего рода самодовлѣющіе политическіе организмы. Такой самодовлѣющей организаціей сталъ и терроръ. Во мракѣ подполья онъ созрѣлъ, сосредоточилъ страшную силу самоотверженія и ненависти и сознавалъ эту силу въ единственномъ направленіи, для котораго былъ пригоденъ. Усилія и жертвы, принесенныя для такого страшнаго творчества, не легко теряются даромъ. И терроръ достигъ той наибольшей цѣли, для которой назначался. Это былъ актъ своего рода революціонной инерціи, вызванной глубокимъ недовѣріемъ ко всѣмъ реформамъ сверху... И когда онъ достигъ этой непосредственной цѣли, когда отъ его руки палъ не Мезенцевъ, не какой-нибудь прокуроръ или градоначальникъ, а царь, глава существующаго порядка, передъ людьми, отдававшими жизнь для достигнутаго успѣха, всталъ вопросъ: что же дальше? И тогда оказалось, что въ первой же прокламаціи террористы потребовали введенія... конституціонной свободы.

Извиняюсь передъ читателями за это отступленіе отъ чисто повѣствовательной формы мемуаровъ. Не могу сказать, чтобы все это я такъ понималъ тогда же и могъ бы такъ изложить въ то время, но общее мое представленіе было именно таково. Когда вскорѣ по-

слѣ этого судьба опять увлекала меня на далекій сѣверъ, среди пустынныхъ и холодныхъ береговъ Лены въ моемъ воображеніи стояли два образа и зарисовывались черты поэмы въ прозѣ. Александръ II-й, молодой, одушевленный освободительными планами, и Желябовъ, его убійца, смотрятъ съ далекой высоты на свою холодную родину и бесѣдуютъ о далекой трагедіи, обратившей ихъ лучшія стремленія другъ противъ друга... Когда-то одна правда, хоть въ разное время, свѣтила имъ обоимъ, но она затерялась во мглѣ и туманахъ... И двѣ тѣни говорятъ о томъ, какъ разыскать ее... Это было очень наивно, и поэма кончалась примѣчаніемъ какого-то революціонера, которому поэма автора, умершаго въ далекой ссылкѣ, попадаетъ въ руки: «Господи Боже, какой дикій бредъ!.. А вѣдь когда-то нашъ товарищъ былъ съ очень трезвымъ умомъ». Теперь я разыскалъ въ старой записной книжкѣ неясныя каракули, записанныя урывками на станціяхъ коченѣющей рукой, и мнѣ онѣ показались своего рода человѣческимъ документомъ того времени. Можетъ быть такія мысли приходили въ голову и не мнѣ одному...

Черезъ нѣсколько дней на службѣ намъ сообщили, что въ желѣзнодорожной церкви будетъ панихида о старомъ и молебствіе о новомъ царѣ... Послѣ службы священникъ прочелъ манифестъ и затѣмъ — текстъ присяги... При этомъ мнѣ невольно пришло въ голову: вотъ мы присутствовали при присягѣ новому

царю. А могъ ли бы я по совѣсти дать такое обѣщаніе?.. Помню, что я подѣлился этой мыслью съ Волоховымъ. При его трезвомъ образѣ мыслей, онъ немного удивился. Простая формальность, которой никто не придаетъ серьезнаго значенія. Я былъ радъ, что никто и передо мной не ставитъ этого вопроса, не какъ простую формальность...

Но... приблизительно черезъ недѣлю, когда я шелъ по главной улицѣ, — навстрѣчу мнѣ попался мрачный полицеймейстеръ. Замѣтивъ меня, онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, сошелъ съ пролетки и подошелъ ко мнѣ.

— По этому листу, — сказалъ онъ, подавая мнѣ сложенный листъ бумаги, — вы должны принять присягу на вѣрноподданство новому государю и вернуть его мнѣ съ удостовѣреніемъ вашего приходскаго священника.

— По чьему распоряженію вы этого отъ меня требуете?

— По распоряженію губернатора.

Разговоръ происходилъ недалеко отъ губернаторскаго дома, и я отправился къ нему. Онъ вышелъ ко мнѣ тотчасъ же...

Лицо его было печально. Повидимому онъ былъ глубоко огорченъ кончиной царя:

— Что вамъ угодно? — спросилъ онъ.

— Я сейчасъ получилъ отъ полицеймейстера вотъ этотъ листъ, и онъ сказалъ, что далъ его мнѣ по вашему распоряженію.

— Да... Ну, такъ что же?

— Скажите, ваше превосходительство... Вы отъ всѣхъ гражданъ требуете такихъ сепаратныхъ присягъ?

— Нѣтъ, конечно. На это не хватитъ времени...

— Значитъ, это требованіе относится ко мнѣ, какъ къ ссыльному...

Лицо его стало холодно и серьезно...

— Позвольте... Намъ нужно знать, — считаете ли вы себя вѣрноподданнымъ новаго государя или нѣтъ?

— И это именно потому, что я потерпѣлъ безсудное насиліе, что моя семья безъ всякихъ причинъ разсѣяна по дальнимъ мѣстамъ, что я видѣлъ слишкомъ много такого же насилія надъ другими. Именно поэтому вы сочли нужнымъ вызвать меня изъ ряду и предложить мнѣ лично этотъ вопросъ. Ну, я и отвѣчаю: присяги я не приму...

Онъ опять задумался съ тѣмъ выраженіемъ, какое я у него уже зналъ, и черезъ нѣкоторое время сказалъ:

— Да, вы, пожалуй, правы. Это ошибка. Пока еще это только мое распоряженіе, но я почти увѣренъ, что черезъ нѣкоторое время послѣдуетъ такая же общая мѣра... Подумайте хорошенько... Зачѣмъ вамъ портить свою молодую жизнь?.. А пока дайте мнѣ этотъ листъ... Полицеймейстеру, если спроситъ, скажите, что листъ передали мнѣ.

Затѣмъ мы начали опять разговаривать о разныхъ предметахъ. Между прочимъ я спросилъ:

— Еще недавно вы говорили, что ждете близкихъ перемѣнъ къ лучшему и ожидали скораго возвращенія намъ свободы... Можете ли повторить это и теперь?

Онъ нахмурился и отвѣтилъ:

— Я конечно не могу сказать навѣрное, какой оборотъ примутъ дѣла... Но, по совѣсти скажу вамъ: теперь я ничего хорошаго не жду...

Когда послѣ этого я пришелъ къ Маликовымъ, то оказалось, что и другіе ссыльные мужчины получили такіе же листы.

Клавдія Степановна остановила на мнѣ свои большіе глаза, но не сказала ничего ни за, ни противъ моего рѣшенія. Только съ этихъ поръ часто ея взглядъ останавливался на мнѣ съ тревожнымъ вниманіемъ.

Съ дѣтства я былъ склоненъ къ рефлексіи, мѣшающей цѣльности поступковъ. По первому побужденію я очень твердо и безъ всякихъ колебаній сказалъ Енакіеву, что присягу не приму. Но теперь порой что-то щемило у меня на душѣ. Что будетъ? Какъ поступятъ съ тѣми, кто отказывается отъ присяги? И стоитъ ли это дѣлать? Какой новый ударъ придется еще нанести матери и сестрамъ. Не будетъ ли это донкихотствомъ, смѣшнымъ и безцѣльнымъ? Я ходилъ по прежнему на службу, по прежнему вечера проводилъ у Маликовыхъ, ничего новаго не происходило, но на душѣ залегла гдѣ-то туча. Наконецъ, уже помнится въ маѣ или началѣ іюня, Енакіевъ опять пригласилъ меня къ себѣ и сказалъ:

— То, что я предвидѣлъ, случилось, и теперь присягу предлагаютъ, какъ общую мѣру. Постойте. Я прошу васъ пока не принимать окончательнаго рѣшенія. Вотъ вамъ присяж-

ный листъ. Съ нимъ вы придете ко мнѣ завтра. А пока...

Мы сидѣли съ нимъ другъ противъ друга за столомъ. Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Пусть это будетъ не разговоръ губернатора съ поднадзорнымъ. Я могъ бы быть вашимъ отцомъ. Послушайтесь моего совѣта: не дѣлайте этого... Я говорилъ уже съ прокуроромъ, — на всякій случай... Онъ говоритъ, что сводъ законовъ не предвидитъ такого преступленія и... кто знаетъ, что придумаютъ въ административномъ порядкѣ... Послушайтесь меня... Ну... такъ, до завтра.

Я взялъ листъ и ушелъ. Душевная туча надвинулась близко. Я сказалъ себѣ все, что могъ сказать противъ отказа. Кому въ самомъ дѣлѣ это нужно? О широкомъ «неприсяжномъ» движеніи ничего пока не слышно... А дватри случая... Дѣйствительно донкихотство... Не лучше ли поступить такъ, какъ поступили другіе... Какъ просто смотритъ на это напримѣръ Волоховъ...

Но... поступить съ такой цѣльностью, какъ Волоховъ, я не могъ. Что-то возмущалось во мнѣ независимо отъ всякихъ практическихъ соображеній... Моимъ приходскимъ священникомъ былъ человѣкъ, нѣсколько извѣстный въ духовной литературѣ. О немъ много говорили въ Перми и говорили разно. Теперь его назвали бы черносотенцемъ. Тогда называли ханжой и лицемѣромъ. Я не могъ представить себѣ той минуты, когда я передъ нимъ стану

повторять слова присяги... И онъ, пожалуй, примется читать мнѣ своимъ лицемѣрнымъ голосомъ трогательныя наставленія. У Маликовыхъ я просидѣлъ вечеръ, скучный и печальный... Дома я старался представить себѣ, какъ поступилъ бы въ моемъ положеніи В. Н. Григорьевъ. Я привыкъ давно мысленно обращаться къ нему и поступалъ такъ, какъ, мнѣ казалось, поступилъ бы онъ. Но на этотъ разъ и образъ друга не давалъ отвѣта.

Потомъ мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: почему я не колебался при первомъ разговорѣ съ Енакіевымъ? Тогда я заявилъ отказъ безъ колебаній и былъ спокоенъ... Очевидно, это первое побужденіе было мое... То, надъ чѣмъ я теперь думаю и колеблюсь, — не мое, чужое... «Рука не подымается» — мелькнуло воспоминаніе. И пусть не подымается, — очевидно такъ лучше. Съ этой мыслью я крѣпко заснулъ, а на утро наскоро написалъ на листѣ бумаги: «Поднадзорнаго такого-то заявленіе», въ которомъ сказалъ, что не искалъ этого случая для вызова и демонстраціи, но если у меня считаютъ нужнымъ спросить мое личное мнѣніе, то я намѣренъ отвѣтить по совѣсти. Я испыталъ лично и видѣлъ столько неправды отъ существующаго строя, что дать обѣщаніе въ вѣрности самодержавію не могу... Не заботясь особенно о стилѣ, приведя разительные примѣры беззаконія и неправды и поставивъ въ концѣ спѣшную кляксу, — я наскоро подписалъ заявленіе и спокойно отнесъ его къ Енакіеву.

Онъ съ грустью принялъ бумагу, прочиталъ

ее, попытался еще разъ вернуть мнѣ листъ и затѣмъ, видя, что я настаиваю, — сказалъ серьезно-официальнымъ тономъ:

— Итакъ вы желаете, чтобы я далъ ходъ вашему заявленію. Хорошо. Я долженъ бы тотчасъ же арестовать васъ и отправить въ тюрьму. Но мнѣ этого не хочется. Поэтому, если вы продолжите дѣйствіе даннаго вами слова, — я оставлю васъ на свободѣ впредь до распоряженія свыше.

Я далъ слово, и мы разстались. Енакіева я тогда видѣлъ въ послѣдній разъ.

Было еще рано, и я передъ службой зашелъ къ Маликовымъ.

— Вы получили какое-то хорошее извѣстіе? — спросила Клавдія Степановна. Когда я сказалъ, что сейчасъ отдалъ Енакіеву свое заявленіе, она посмотрѣла на меня тревожно и вмѣстѣ ласково и сказала неожиданно:

— Мнѣ кажется, что если бы вы поступили иначе и приняли присягу, то... стали бы въ концѣ концовъ террористомъ...

Не знаю, сталъ ли бы я террористомъ. Для этого у меня была слишкомъ рефлектирующая и созерцательная натура... Но — сколько людей, которымъ терроръ былъ совсѣмъ несвойственъ, было захвачено этимъ вихремъ и шло противъ собственной природы. .. Впослѣдствіи мнѣ часто приходилось встрѣчать людей, которые смѣялись надъ донкихотствомъ «неприсяжниковъ». Порой и я самъ смѣялся надъ собой, когда оказалось вдобавокъ, что правительство и съ своей стороны не обратило на ничтожное количественно движеніе никакого вниманія и

не увеличило намъ даже срока ссылки... Но, оглядываясь на этотъ эпизодъ моего прошлаго, я долженъ сказать, что тогда я поступилъ именно такъ, какъ этого требовала моя совѣсть, то-есть моя природа, и спокойствіе, наступившее для меня тотчасъ послѣ принятаго рѣшенія, доказывало ясно, что въ этомъ отношеніи я былъ правъ.

CXXI

СМЕРТЬ МАЛИКОВОЙ — ДРАМА В. П. РОГАЧЕВОЙ

Послѣ этого жизнь для меня пошла опять старой колеей. Долженъ отдать справедливость пермской администраціи, что меня не только не арестовали, но я не замѣтилъ даже признаковъ особаго надзора за собой... Изъ этого періода мнѣ приходится отмѣтить лишь печальное событіе, происшедшее въ семьѣ Маликовыхъ.

Клавдія Степановна была беременна. Приближались роды. Маликовы перебрались на лѣто въ маленькій загородный, чисто деревенскій поселокъ, расположенный близъ Перми, такъ что самъ Маликовъ могъ оттуда ходить на службу. Семья жила въ скромной деревенской улицѣ, широкой перспективой уходившей въ поля.

Предстоящіе роды не внушали никому опасеній. Клавдія Степановна, отпрыскъ здоровой

сѣверной семьи, обладала особеннымъ женскимъ свойствомъ: она удивительно хорошѣла во время беременности и къ концу этого періода выглядѣла удивительно здоровой, какъ говорится — кровь съ молокомъ. Роды ей давались легко.

Такъ все это шло и въ этотъ разъ. Только однажды, придя къ нимъ на дачу, я засталъ ее нѣсколько встревоженной: ей приснился сонъ, будто она родила дѣвочку и находится при смерти... Въ семьѣ Маликовыхъ присутствовала мистическая струйка и вѣра въ сны и предсказанія. Я посмѣялся надъ этимъ предчувствіемъ. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней она родила не дѣвочку, а мальчика, и роды опять прошли на диво легко. Клавдія Степановна лежала въ постели съ здоровымъ румянцемъ и живыми, сіяющими глазами... Я засталъ у нихъ сосѣдку по дачѣ, женщину врача земской больницы по фамиліи Скворцову.

Это былъ, по отзыву Маликовыхъ, очень хорошій человѣкъ, но на меня она производила странное впечатлѣніе: еще молодая, но преждевременно увядшая, съ лицомъ въ мелкихъ морщинкахъ и утомленнымъ, почти потухшимъ взглядомъ, она производила впечатлѣніе человѣка, который взвалилъ на себя непосильное бремя и идетъ подъ нимъ шатающейся и невѣрной походкой.

Когда я, весело болтая, напомнилъ Маликовой объ ея предчувствіяхъ, изъ которыхъ одно уже не оправдалось, да и другое, судя по ея далеко не изнуренному виду, очевидно не оправдается, Маликова улыбнулась.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, Клавдія Степановна, — заговорила Скворцова, — это просто удивительно, какой у васъ видъ. Просто феноменально. Позвольте, милочка, я посмотрю васъ...

Насъ выслали, и женщина-врачъ приступила къ осмотру.

Черезъ нѣсколько дней я засталъ въ семьѣ Маликовыхъ безпокойство. У Клавдіи Степановны былъ жаръ и на рукахъ появились какія то пятна. За Скворцовой посылали, но она еще не вернулась изъ больницы... Мы съ Маликовымъ пошли къ ней во второй разъ.

Помню, былъ чудный лѣтній вечеръ. Полная луна стояла почти въ зенитѣ, заливая деревенскую улицу сверкающимъ серебристымъ сіяніемъ и сильно сгущая тѣни. Прислуга Скворцовой, сидѣвшая съ сосѣдками на завалинкѣ, сказала, что барыня вернулась, но очень устала и тотчасъ же легла спать. Въ окнахъ свѣта не было.

— А говорили вы, что приходили отъ Маликовыхъ?

— Говорила...

Это намъ показалось — страннымъ. Маликовъ подошелъ къ избѣ и постучалъ въ окно. За стекломъ мелькнуло лицо Скворцовой, перекошенное, блѣдное и точно испуганное.

— Не могу, не могу... — замахала она руками. — У меня въ больницѣ вторую недѣлю умираетъ женщина, разлагающаяся отъ родильной горячки...

И ея страдающее лицо утонуло въ сумракѣ...

Маликова отшатнуло отъ окна. Я поддержалъ его, чтобы онъ не упалъ, и такъ мы вышли на середину улицы. Тутъ онъ рѣзко повернулся... Онъ былъ блѣденъ, какъ стѣна, глаза горѣли ужасомъ.

— Она сказала: вторую недѣлю... Слушайте, вѣдь это смерть, — сказалъ онъ, до боли сжимая мнѣ руку...

Это дѣйствительно была смерть, которую Скворцова занесла роженицѣ изъ празднаго любопытства... Позвали другого врача. Сомнѣній не оставалось. Признакъ за признакомъ появлялись въ опредѣленные сроки и въ такой же опредѣленный срокъ Клавдія Степановна умерла.

Маликовъ, казалось, былъ раздавленъ, какъ человѣкъ, на голову котораго внезапно свалилась каменная глыба. Я не могъ равнодушно думать о Скворцовой... Зачѣмъ ей понадобился этотъ ненужный осмотръ? И какъ она могла забыть, что у нея въ больницѣ какъ разъ теперь такой случай, и что она можетъ занести смерть. «Хорошій человѣкъ». Пусть — хорошій... Но очевидно взявшійся за дѣло не по силамъ. Это была первая женщина врачъ, которую я видѣлъ на дѣлѣ, и потомъ мнѣ долго не приходилось встрѣчать другую... Передо мной неотступно стоялъ образъ прекрасной женщины, загубленной такъ напрасно. Такія впечатлѣнія тяжелымъ камнемъ падаютъ въ душу, и потомъ трудно ихъ вытравить. Послѣ этого случая я долго считалъ себя противникомъ медицинской профессіи для женщинъ и только уже черезъ нѣсколько лѣтъ въ

Казани, у Н. Ф. Анненскаго, я встрѣтилъ другую женщину-врача, которая вытравила во мнѣ этотъ предразсудокъ. Это было совсѣмъ не воздушное существо. Наоборотъ — очень полная и сильная, совсѣмъ неизнуренная мать значительнаго семейства... И когда мнѣ разсказали вдобавокъ, что, пользуясь большой популярностью среди простыхъ татарокъ, она въ то же время отлично умѣетъ устраивать свои дѣла среди казанскихъ помѣщиковъ, которые знаютъ, что за ней нужно посылать удобный экипажъ и «прилично вознаграждать» ея трудъ, — только тогда я почувствовалъ, что мой предразсудокъ испаряется: фигура казанской представительницы медицины вытѣснила образъ истомленной Скворцовой.

До сихъ поръ я храню память Маликовой, какъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній изъ временъ моихъ ссыльныхъ и поднадзорныхъ скитаній.

Какъ-то въ одинъ изъ дней ранней осени (или еще лѣта) мы узнали, что по Камѣ снизу прибыла баржа съ политической партіей. Поѣздъ на Екатеринбургъ уходилъ въ 8 ч. вечера. Къ этому времени отъ пристани по горѣ къ самому дебаркадеру выстроили двойной цѣпью вооруженный конвой, и скоро снизу, звеня кандалами, поднялась многочисленная партія... Тутъ были по большей части эпигоны русской революціи, просидѣвшіе по многу лѣтъ въ ужасномъ режимѣ крѣпости и централокъ и теперь ссылаемые на Кару: Джабадари, Цициа-

новъ, Сажинъ-Россъ, Рогачовъ, Мышкинъ, Здановичъ, Дмоховскій, Гамовъ, двѣ сестры Фигнеръ и другіе. Я впередъ зналъ о прибытіи этой партіи, такъ какъ состоялъ въ перепискѣ съ Вѣрой Павловной Рогачевой, съ которой возвращался изъ Томска и которая теперь слѣдовала за мужемъ. Когда партія проходила по площади передъ вокзаломъ, межъ рядами солдатъ, я стоялъ въ публикѣ и скоро замѣтилъ Вѣру Павловну. Она шла съ ребенкомъ на рукахъ и имѣла очень печальный видъ.

— Вѣра Павловна, — окликнулъ я ее почти невольно.

Она вскинула глаза, увидѣла меня и такъ обрадовалась, что сразу порывисто рванулась, прорвала цѣпь конвойныхъ и жандармовъ и совершенно неожиданно для нихъ черезъ нѣсколько мгновеній очутилась рядомъ со мною. Насъ, конечно, тотчасъ же разлучили, и меня увели въ дежурную комнату для составленія протокола. Когда эта процедура кончилась, я еще успѣлъ выйти на дебаркадеръ и увидѣлъ Вѣру Павловну уже въ вагонѣ передъ самымъ отходомъ поѣзда... Видъ у нея былъ очень грустный, и въ томъ, какъ порывисто она кинулась ко мнѣ, я видѣлъ, что у нея какое-то горе.

Я догадывался о его причинахъ.

Въ свое время Вѣра Павловна Рогачева пользовалась въ радикальныхъ кругахъ большой извѣстностью. Это была красивая молодая женщина, нѣсколько цыганскаго типа, съ черными страстными глазами. Все въ ней указывало на бурный темпераментъ. Рогачовъ, молодой ар-

тиллерійскій офицеръ, тоже красивый атлетъ, былъ захваченъ революціоннымъ народничествомъ. Они были единомышленники, сильно любили другъ друга и составляли прекрасную пару, которой можно было залюбоваться. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» авторъ какихъ-то разоблаченій, вѣроятно изъ шпіонскихъ источниковъ, упоминалъ, что ранѣе выстрѣла Засуличъ «Вѣрочка Рогачова» пріѣзжала въ Петербургъ, чтобы убить Трепова. Я не знаю, сколько тутъ правды, но считаю это вѣроятнымъ. Рогачевъ во время большого процесса велъ себя очень рѣзко, въ числѣ другихъ «главарей» былъ приговоренъ въ каторгу и назначенъ въ одну изъ централокъ Харьковской губерніи. Туда Вѣра Павловна не могла послѣдовать за мужемъ. Жизнь въ это время могла потерять для нея цѣну, и она готова была отдать голову за любое революціонное дѣло. Тогда эта жертва не была принята партіей по какимъ-то соображеніямъ, а затѣмъ Вѣра Павловна сама была арестована и попала въ ссылку въ одинъ изъ отдаленныхъ уѣздовъ Казанской губерніи. Здѣсь она встрѣтилась съ человѣкомъ, котораго, казалось, полюбила... Я увѣренъ, что Рогачовъ не желалъ связывать свободу молодой женщины. .. Онъ стоялъ почти за гробомъ. На лорисъ-меликовщину никто тогда не разсчитывалъ. Строй былъ крѣпокъ, а съ нимъ вмѣстѣ крѣпки были и каторжныя тюрьмы. Изъ каменнаго мѣшка Рогачовъ могъ выйти только старикомъ... Въ ссылкѣ у Вѣры Павловны родился ребенокъ, тотъ самый, котораго она кормила вмѣстѣ съ

ребенкомъ Вноровскихъ, когда мы возвращались изъ Томска. Еще до этого она разочаровалась въ отцѣ этого ребенка и разошлась съ нимъ. Затѣмъ, уже по возвращеніи въ европейскую Россію узнала, что центральныя тюрьмы раскрываются, и ея мужъ, котораго она навѣрное не переставала любить, — переводится на Кару. Тамъ для него въ близкомъ будущемъ наступитъ срокъ «вольныхъ поселеній», то-есть возможность семейной жизни. Она написала ему письмо съ предложеніемъ послѣдовать за нимъ. Онъ радостно согласился.

Письма шли черезъ руки начальства. Предстояло раскрывать передъ чужими людьми, да еще врагами, исповѣдь до личнаго свиданія... Прежде, при ихъ молодыхъ взглядахъ, оба они признавали «свободу чувства», и обстоятельства были исключительныя... Она могла считать себя въ своемъ правѣ. .. Вѣра Павловна ни о чемъ не написала мужу и получила разрѣшеніе пристать къ партіи на одной изъ пристаней Камы, ближайшей къ мѣсту ея ссылки.

И вотъ, Рогачовъ жадно смотритъ на пристань... Отъ нея отдѣляется лодка. Въ лодкѣ — жандармы и женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Мнѣ передавали впослѣдствіи тѣ, кто присутствовалъ при этой встрѣчѣ, что Рогачевъ не могъ скрыть непріятнаго чувства. Ахъ, такъ легко высказывать «раціональные взгляды», пока любовь не подвергается испытаніямъ, и такъ трудно сдержать чувства можетъ быть «нераціональныя», но вѣчно живыя и вѣчно болящія. Встрѣча оказалась нерадостной.

И вотъ почему въ Перми бѣдная женщина

кинулась ко мнѣ съ такимъ страстнымъ порывомъ... Ей, очевидно, нужно было чье-нибудь дружеское сочувствіе.

Поѣздъ привлекъ общее вниманіе, и цѣлая толпа собралась, чтобы посмотрѣть на эпигоновъ русской революціи, вышедшихъ изъ каменныхъ гробовъ... Къ вечеру около 8 часовъ поѣздъ тронулся и скоро исчезъ въ направленіи къ Уральскимъ горамъ, оставивъ по себѣ много толковъ въ публикѣ, а во мнѣ воспоминаніе о печальной фигурѣ Вѣры Павловны и ея грустныхъ глазахъ. . .

CXXII

СВИДАНІЕ СЪ ЮРІЕМЪ БОГДАНОВИЧЕМЪ — ОПЯТЬ ВЪ ПУТИ

Не помню точно, — послѣ прохода этой партіи или еще до этого, — Башкировъ сообщилъ мнѣ какъ-то подъ вечеръ, что меня ожидаетъ «одинъ человѣкъ» за оврагомъ, расположеннымъ противъ дома, гдѣ я тогда жилъ. Незадолго передъ этимъ мнѣ принесли такое же сообщеніе. Тогда «одинъ человѣкъ» ожидалъ меня въ такъ называемомъ «Козьемъ загонѣ», садикѣ, недавно разбитомъ по береговому откосу надъ Камой. Меня предупредили, что человѣкъ этотъ принимаетъ крайнія предосторожности, и я тоже долженъ быть остороженъ. Въ лѣвой рукѣ у меня долженъ быть носовой платокъ, по которому онъ меня узна-

етъ. Отправившись въ Козій загонъ, я увидѣлъ въ немъ только одного студента, уже не юношу, сидѣвшаго на скамейкѣ. Я прошелъ мимо него съ платкомъ въ лѣвой рукѣ; онъ только пристально посмотрѣлъ на меня и оглянулся по сторонамъ, но подойти какъ будто не рѣшился. Тогда я подошелъ къ нему, назвалъ себя и спросилъ, не меня ли онъ ожидаетъ.

Онъ ожидалъ именно меня, но сказалъ, что ему внушено при передачѣ мнѣ письма соблюдать крайнюю предосторожность. Я вскрылъ письмо. Оно оказалось отъ Т., недавно проѣхавшаго изъ Томска бывшаго ссыльнаго, который при этомъ проѣздѣ видѣлся со мною и передалъ тогда нѣсколько адресовъ по сибирскому тракту. Теперь онъ дополнялъ ихъ пустяковыми свѣдѣніями и законспирировалъ передачу изъ простой любви къ таинственности. Я познакомился со студентомъ и предложилъ ему отправиться ко мнѣ пить чай, если онъ не боится сношеній съ поднадзорнымъ. Онъ не боялся, мы пошли ко мнѣ и весело провели вечеръ, смѣясь надъ конспираціей Т. Послѣдній прислалъ еще разъ такое же пустое письмо и съ такими же предосторожностями, и теперь я подумалъ, что «одинъ человѣкъ», ожидающій меня за оврагомъ, будетъ номеромъ третьимъ.

Но я ошибся: за оврагомъ ждалъ меня человѣкъ лѣтъ тридцати и, когда я подошелъ, онъ спросилъ мою фамилію. Когда я назвался, пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Здравствуйте. Я — Юрій Богдановичъ.

Юрій Богдановичъ!. . Этой фамиліей были

зловѣще полны газеты. Прежде это былъ народникъ пропагандистъ, собравшій цѣлый кружокъ пропагандистовъ у знаменитой въ свое время торопецкой кузницы. Но это былъ уже пройденный путь. Разочарованные въ силѣ пропаганды и озлобленные свирѣпыми преслѣдованіями, Богдановичъ и его товарищи рѣшительно свернули на путь террористической дѣятельности. Теперь передо мной стоялъ видный участникъ цареубійства: Богдановичъ подъ именемъ мѣщанина Кобозева содержалъ ту лавочку на М. Садовой, откуда была проведена мина, которую предполагалось взорвать при проѣздѣ царя. Вслѣдствіе оплошности полиціи, поверхностный обыскъ, произведенный въ лавочкѣ, не открылъ ничего, и хозяева скрылись. Но теперь все это стало извѣстно, и голова Богдановича-Кобозева была оцѣнена.

Прежде я съ нимъ не встрѣчался. Передо мной былъ красивый молодой человѣкъ лѣтъ немного за тридцать, съ пріятнымъ и умнымъ лицомъ, съ недавно обритой бородой, въ синей сибиркѣ тонкаго сукна со сборками. Онъ походилъ на заводскаго мастера или на управляющаго. Мы сѣли на землю и около часу просидѣли, пока надъ нами спускались сумерки.

Онъ слышалъ обо мнѣ отъ своихъ мѣстныхъ знакомыхъ, знаетъ, что я отказался отъ присяги и со дня на день жду ареста. Онъ хочетъ предложить мнѣ бѣжать. Его знакомые дадутъ мнѣ безопасный пріютъ. Кстати предстоитъ, можетъ быть, дѣло, для котораго понадобятся рѣшительные люди...

И онъ изложилъ планъ, къ которому при-

шла партія. Нуженъ толчокъ. Предполагается, что въ извѣстный день большое количество рѣшительныхъ людей отправятся по селамъ, соберутъ сходы и объявятъ, что вся земля отдается крестьянамъ. Здѣсь пришлось бы объявить это на заводахъ, которые тягаются изъ-за земли съ самаго освобожденія съ заводоуправленіями. Можетъ быть и я согласился бы принять въ этомъ участіе.

Я былъ въ недоумѣніи. Отъ чьего же имени будетъ объявлена эта «милость». Кто санкціонируетъ приказъ? Будетъ ли это сдѣлано именемъ царя, какъ въ чигиринскомъ дѣлѣ, въ свое время единодушно осужденномъ всѣмъ революціоннымъ народничествомъ, или именемъ партіи, убившей царя. Это осталось для меня неяснымъ, да мнѣ казалось, что неясно это и для Богдановича. Я отказался бѣжать. На насъ изъ наступающаго сумрака глядѣли окна тюрьмы, стоявшей въ сторонѣ, за тѣмъ же оврагомъ. Если бы не довѣріе Енакіева къ моему честному слову, я теперь не бесѣдовалъ бы съ Богдановичемъ, а сидѣлъ бы за одной изъ этихъ рѣшетокъ. Я понималъ, что мои отношенія къ Енакіеву были дѣломъ очень маленькимъ, въ сравненіи съ тѣмъ масштабомъ, какимъ мѣрялъ событія этотъ человѣкъ, ежеминутно рисковавшій жизнію, но у меня вдобавокъ не было вѣры ни въ терроръ, ни въ его послѣдствія. . .

Мы проговорили около часу, а затѣмъ Богдановичъ поднялся и ушелъ по направленію къ городу. Я смотрѣлъ, какъ его стройная молодая фигура расплывалась въ сумеркахъ, а за-

тѣмъ вернулся и самъ въ свою комнату, размышляя о будущемъ этого человѣка, который произвелъ на меня симпатичное и волнующее впечатлѣніе. Его дѣло я считалъ роковой ошибкой, но чувства, которыя привели къ этому дѣлу его и другихъ, были мнѣ близки и понятны.

Что ждетъ его въ скоромъ будущемъ? Уѣдетъ ли онъ заграницу, или попытается вмѣстѣ съ другими извлечь все, что возможно, изъ страшнаго успѣха партіи и... погибнетъ. Я чувствовалъ во всякомъ случаѣ, что имѣлъ сейчасъ дѣло съ настоящимъ революціонеромъ, и мое дѣло съ присягой и съ послѣдствіями отказа показалось мнѣ такимъ маленькимъ, сравнительно съ темной грозой, нависшей надъ только что оставившимъ меня человѣкомъ. На прощаніе онъ выразилъ надежду, что, быть можетъ, мнѣ удастся бѣжать съ дороги, когда я уже не буду связанъ словомъ, и тогда мы можемъ увидѣться такимъ-то образомъ. Не помню, въ этотъ ли разъ онъ передалъ мнѣ фальшивый паспортъ на имя какого-то пермскаго мѣщанина, отправляющагося за сборомъ на церковь, или прислалъ его съ кѣмъ-то послѣ. Я тщательно зашилъ его въ воротникъ подареннаго мнѣ Башкировымъ полушубка.

11 августа 1881 года рѣшеніе наконецъ послѣдовало. Въ этотъ день, раннимъ утромъ ко мнѣ явился мрачный полицiймейстеръ съ городовымъ и объявилъ, что я арестованъ. Могу сходить на службу, покончить тамъ свои дѣла, но всюда меня будетъ сопровождать городовой. А къ вечернему поѣзду я долженъ

собраться въ путь. За мной явятся жандармы, которые будутъ сопровождать меня. Куда?.. Это ему неизвѣстно. Губернатора въ городѣ не оказалось.

Поѣздъ уходилъ часовъ въ 8 вечера. До тѣхъ поръ полицейскій уже не отставалъ отъ меня. Съ нимъ я сходилъ на службу, извѣстилъ Маликова, Волохова и другихъ товарищей о своемъ отъѣздѣ, попрощался съ сослуживцами. Среди нихъ было немало людей неглупыхъ и симпатичныхъ, и многіе на прощаніе выражали мнѣ искреннія пожеланія. Я побывалъ у Лобова, повидалъ Криля, который въ это время былъ въ Перми, провелъ часа два въ обществѣ товарищей, собравшихся у Маликова, и затѣмъ, кажется въ сопровожденіи Волохова, явился домой. Здѣсь меня уже ждали полиціймейстеръ и два жандарма, которые формально приняли меня у полиціи, и мы отправились на вокзалъ. Мнѣ было пріятно увидѣть здѣсь и нѣкоторыхъ сослуживцевъ, которые не побоялись проводить «государственнаго преступника». Правленіе дороги сочло нужнымъ въ тотъ же день составить постановленіе о выдачѣ мнѣ «награды». Я служилъ недолго, и цифра была скромная. Владиміръ Ивановичъ Драве лично привезъ ее на вокзалъ.

Короткіе прощальные разговоры, горячія объятія на перронѣ, рукопожатія въ окно, маленькое столкновеніе товарищей съ желѣзнодорожными жандармами и — поѣздъ тронулся, увлекая меня на востокъ... Далекъ ли былъ путь, какая судьба ждала меня — я не зналъ.

ПО ПУТИ ВЪ ЯКУТСКУЮ ОБЛАСТЬ

CXXIII

ЖАНДАРМЪ МОЛОКОВЪ — ВЪ ВОЕННО-КАТОРЖНОМЪ ОТДѢЛЕНІИ ТОБОЛЬСКОЙ ТЮРЬМЫ

Вагонъ былъ почти пустъ. Въ немъ везли еще одного административнаго ссыльнаго и, вѣроятно, нарочно удалили публику. Моего спутника сопровождали петербургскіе жандармы, такъ какъ онъ слѣдовалъ прямо изъ дома предварительнаго заключенія. Сидѣлъ онъ, какъ оказалось, рядомъ съ моимъ другомъ, В. Н. Григорьевымъ (о которомъ я много разъ упоминалъ ранѣе), и послѣдній ухитрялся какъ-то пересылать ему мои письма изъ Починковъ. Когда я назвалъ себя, Г—чъ съ удивившей меня горячностью кинулся обнимать меня и такъ меня сжималъ въ своихъ объятіяхъ, точно я былъ самымъ близкимъ его другомъ, котораго онъ увидѣлъ послѣ долгой разлуки.

Въ тюрьмѣ и ссылкѣ часто проявляется такое экзальтированное отношеніе къ товарищамъ, хотя бы и случайнымъ. Міръ рѣзко дѣлится на «мы» и «они», вызывая слишкомъ порой презрительное отношеніе къ одной сторонѣ, слишкомъ восторженное къ другой.

Г—чъ сталъ сразу говорить со мною такъ, точно мы были сообщники, участвующіе въ общемъ заговорѣ. Онъ принялся разсказывать при этомъ такія вещи, которыя на мой взглядъ при жандармахъ говорить не слѣдовало. Когда я далъ ему это понять, онъ отвѣтилъ по нѣмецки, что эти идіоты не поймутъ интеллигентнаго разговора. Я видѣлъ, что одинъ изъ моихъ жандармовъ при этомъ улыбнулся, и поэтому я настойчиво попросилъ Г—ча перейти къ другой темѣ. Онъ огорчился и даже обидѣлся. Но у меня были свои основанія. Когда я еще жилъ въ слободкѣ, мой хозяинъ показалъ мнѣ однажды проходившаго мимо какого-то пропойцу, въ старой фризовой шинели и опоркахъ на босу ногу, и сказалъ, лукаво улыбаясь:

— Жандармъ это, пріятель мой... Молоковъ по фамиліи, можетъ слыхали...

— Какой-то пьяница?..

— Нарочно это онъ... Кого-нибудь непремѣнно выслѣживаетъ. Взыщикъ, скажу вамъ, самый пронзительный...

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого была прослѣжена шайка столичныхъ фальшивомонетчиковъ, перенесшая временно свою дѣятельность на Уралъ, и дѣло это привлекло вниманіе даже столичной прессы. Впослѣдствіи, когда хозяинъ указалъ мнѣ того же Молокова уже въ формѣ, я едва узналъ его.

Теперь этотъ «взыщикъ» сопровождалъ меня. Лицо у него было проницательное и умное. Онъ какъ будто даже не прислушивался къ словамъ Г—ча, но когда мы поѣхали дальше

уже на тройкахъ отъ Екатеринбурга, онъ повторилъ мнѣ даже то, что Г—чъ говорилъ по нѣмецки.

— Только мнѣ это ни къ чему, — прибавилъ онъ. — Въ Перми — какая ужъ политика, и съ нашимъ тѣмъ болѣе. Въ прошломъ году поступилъ доносъ на вашихъ желѣзнодорожниковъ. Одного арестовали. Вотъ призываетъ меня полковникъ и говоритъ:

— «Не узнаешь ли, Молоковъ, въ чемъ тутъ дѣло? Пустяки какіе-нибудь, я думаю». — Радъ стараться, говорю. — Сталъ я приглядывать кое за кѣмъ изъ вашихъ служащихъ. Пошелъ переодѣтый въ трактиръ, гдѣ господинъ Ѳ—въ, — вы его должны знать, — время проводилъ. Подсыпался къ нему. Такъ и такъ... самъ, говорю, по этимъ дѣламъ хожу... Нельзя ли мнѣ узнать, какъ наше дѣло идетъ въ Перми. — Ну онъ ничего не сказываетъ, только улыбается. — Что-жъ, говорю, послѣ рюмки-другой, — когда вы ничего не знаете, придется обратиться къ другимъ... — Какъ я сказалъ это слово, онъ и загорѣлся... Стукнулъ кулакомъ по столу. — «Кто это не знаетъ?.. Это я-то не знаю!..» — Да все выложилъ. Докладываю полковнику все дочиста... — Ну, говоритъ, такъ и зналъ, что болтовня одна...

Я зналъ Ѳ—ва, о которомъ разсказывалъ Молоковъ, и теперь онъ всталъ передо мною, какъ живой: недурной малый, но взбалмошный, съ безпокойно сверкающими глазами и чрезвычайнымъ самолюбіемъ. Я слышалъ объ этомъ дѣлѣ, и оно дѣйствительно кончилось пустяками.

Съ Г—чемъ мы проѣхали по желѣзной дорогѣ до Екатеринбурга и потомъ еще нѣкоторое разстояніе на тройкахъ до того мѣста, гдѣ дороги раздѣляются: одна отходила кажется на Ялуторовскъ, другая на Тобольскъ. Г—чъ поѣхалъ по Ялуторовскому тракту. Онъ былъ повидимому огорченъ недостаткомъ горячности съ моей стороны и, когда я спросилъ у него, не нуждается ли онъ въ деньгахъ, которыми я въ небольшомъ количествѣ могъ бы съ нимъ подѣлиться, то онъ отказался. Я понялъ: ему нужно было все сразу или ничего. Или горячая дружба, или полное отсутствіе даже простого товарищества. Я попытался какъ могъ объяснить ему, что въ ссылкѣ, гдѣ много всякаго народа, ему придется поневолѣ быть въ товарищескихъ отношеніяхъ со всѣми, а дружба является рѣдкимъ даромъ судьбы. Но денегъ онъ все-таки не взялъ, и я съ нѣкоторой грустью смотрѣлъ, какъ его фигура долго еще мелькала на уходившей въ даль дорогѣ. . . Мнѣ было жаль, что онъ уѣзжаетъ огорченный, и я предвидѣлъ, что ему предстоитъ много разочарованій.

И дѣйствительно, впослѣдствіи я получилъ отъ него два письма. Въ одномъ Г—чъ горько жаловался на мою холодность, на то, что я лучшія его чувства обдалъ ушатомъ холодной воды. А въ другомъ благодарилъ меня за предупрежденіе . . . Въ Ялуторовкѣ разыгралась одна изъ громкихъ исторій въ ссыльной средѣ, которыя часто возникаютъ на почвѣ отсутствія живыхъ интересовъ. Обѣ стороны закидали другіе города изложеніемъ ея, требованіями тре-

тейскаго суда, протестами... Имя Г—ча упоминалось въ самомъ центрѣ свалки.

Разставшись съ Г—чемъ, мы поѣхали по большому тракту на Тобольскъ. Молоковъ оказался человѣкомъ словоохотливымъ и интереснымъ разсказчикомъ. Онъ говорилъ о людяхъ, которыхъ зналъ и я, и часто давалъ очень мѣткія характеристики. .. Его умные глаза пытливо вглядывались порой въ мое лицо, какъ бы съ вопросомъ — вѣрно ли?.. Мнѣ было интересно слушать эти разсказы о Перми съ точки зрѣнія жандарма психолога. Впрочемъ въ данномъ случаѣ это была точка зрѣнія далеко не характерная для жандармовъ. Молокова тянуло больше къ уголовному сыску, а его начальникъ представлялъ своего рода феноменъ. Прослужилъ онъ послѣ моего отъѣзда кажется недолго, какъ и его другъ Енакіевъ. Енакіевъ умеръ скоропостижно, причемъ мрачный полиціймейстеръ остановилъ занятія во всѣхъ присутствіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, а жандармскаго окружнаго начальника замѣнили новымъ, который проявлялъ болѣе усердія въ раскрытіи даже небывалыхъ злоумышленій.

Незадолго передо мной Молокову пришлось сопровождать до Тобольска другого политическаго ссыльнаго, А—ва, и опять въ его разсказахъ передо мной вставала, какъ живая, очень типичная фигура. Это былъ одинъ изъ якобинцевъ Зайчневскаго.

— Господинъ, надо прямо сказать, — хорошій, — говорилъ Молоковъ. — Ну только горячъ, бѣда... Натерпѣлись мы съ подручнымъ, пока довезли до Тобольска, особенно сперво-

началу. Въ первую же ночь вздремнулъ я маленько. Дѣло дорожное. Колокольчикъ поетъ, заливается, лошади бѣгутъ рысцой, ну и вздремнешь поневолѣ. Только вдругъ слышу, — лѣзетъ ко мнѣ кто-то въ сумку. Я цапъ за руку. — Это, молъ что такое, Александръ Петровичъ... — А ты, говоритъ, что думалъ. Думалъ, со мной поспишь? Мы враги съ тобой, а врагъ, извѣстно, не дремли. Если бы удалось захватить бумаги, тутъ бы выхватилъ у тебя еще револьверъ, одного бацъ, другого бацъ. Если бы ямщикъ сталъ препятствовать, — и ямщика — бацъ. Потомъ — на всѣ четыре стороны.

— Вотъ ты, говорю, какой?..

— А ты думаешь какой: говорю — недаромъ я врагъ существующаго порядка, — значитъ я со всѣми вами, его слугами, въ войнѣ...

Что дѣлать съ этакимъ человѣкомъ?.. Мнѣ, положимъ, не вѣрилось: думаю, — на словахъ только грозенъ. А подручный мой испугался. «Въ первомъ волостномъ правленіи, говоритъ, надо потребовать кандалы». А по инструкціи мы дѣйствительно имѣемъ право, если арестантъ буянитъ, заковать въ ножные-ручные кандалы. Ну, только это ужъ въ самой крайности. Какое можетъ быть удовольствіе. Ладно, говорю, авось обойдется. Научилъ подручнаго, и на слѣдующей станціи, какъ стали усаживаться, легъ онъ въ серединѣ телѣги — мы на его съ обѣихъ сторонъ и навалились. Я-то человѣкъ, видите, — плотный, а мой подручный и еще того грузнѣе. «Что вы, черти, говоритъ, — задавите вѣдь». — Ладно, молъ,

поѣзжай, ямщикъ, пошибче. Дремать нечего, надо скорѣе доставить.

Сжалъ онъ зубы, молчитъ. Проѣхали этакъ съ полъ перегона, запросился. «Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ, — черти этакіе, вѣдь кости переломаете... Будетъ». — «А станешь въ сумки да въ кобуры лазить». — «Не стану, — говоритъ, — чертъ съ вами. Ваша сила». — «И слово даешь?» — «Даю, говоритъ слово революціонера». — Ну, говорю подручному, отпускай... Подручный опасается, а я говорю: — небось, — далъ слово революціонера, — сдержитъ. — И правда: послѣ этого ѣхали за милую душу: и ѣли, и пили вмѣстѣ... Была, положимъ, и еще разъ склека порядочная. Пріѣхали на одну станцію. Я вышелъ съ бумагами, подручный остался. Только на грѣхъ выходитъ тутъ со станціи проѣзжающій чиновникъ. Какъ разъ ему пару подали. Вышелъ онъ на крыльцо, и дерни его нелегкая сказать подручному какое-то слово на счетъ ссыльнаго. «Посматривай хорошенько», — что ли. Тому не понравилось. Слово за слово, выскочилъ мой Александръ Петровичъ изъ повозки да къ чиновнику... Тотъ отъ него, тотъ за нимъ. Раза три кругомъ телѣгъ обѣжали. Тутъ ужъ подручный схватилъ его вполобхвата, чиновникъ въ это время усѣлся въ телѣгу, ускакалъ отъ грѣха... Чудакъ этотъ Александръ Петровичъ. Въ какой городишко ни въѣдемъ, проѣзжаемъ мимо тюрьмы, сейчасъ станетъ въ телѣгѣ, кричитъ во весь голосъ: — «Женя, Женя»... — Что вы, говорю, кричите? — «А это говоритъ, — я про невѣсту спрашиваю... Можетъ она

тутъ»... — И смѣхъ съ нимъ, и грѣхъ. Сдали мы его въ Тобольскѣ честь честью, распрощались, просто какъ друзья-пріятели... Все же перекрестился я послѣ этого. Слава-те Господи.

---

15 августа передъ вечеромъ мы въѣхали въ Тобольскъ. Когда наша тройка проѣзжала по какой-то улицѣ, изъ воротъ выкатилась коляска, въ которой сидѣлъ знакомый мнѣ уже красивый полиціймейстеръ въ казачьей папахѣ. Онъ лихо соскочилъ и подбѣжалъ къ намъ.

— Ба-ба. Что я вижу!.. Никакъ опять г. Короленко. Ай-ай-ай. Говорилъ я вамъ въ прошломъ году... Разъ вернулись, въ другой разъ не попадайтесь... Къ губернатору!... — крикнулъ онъ ямщику и самъ поскакалъ впередъ.

Губернаторъ, помнится Лысогорскій, долго меня не держалъ. Узнавъ мою фамилію, — онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня (для Тобольска моя статья въ «Словѣ» была, вѣроятно, событіемъ) и любезно обѣщалъ тотчасъ же переслать мои письма (что и исполнилъ). Затѣмъ съ полиціймейстеромъ впереди, мы отправились въ тюремный замокъ.

Его благородіе, тюремный смотритель, о которомъ въ своей статьѣ я отзывался не особенно благопріятно, сталъ о чемъ-то шептаться сначала съ полиціймейстеромъ, потомъ съ старшимъ надзирателемъ. Наступали уже сумерки, когда меня пригласили слѣдовать за смотрителемъ. Мы вышли изъ знакомыхъ мнѣ воротъ, но пошли не направо, какъ въ про-

шломъ году, а свернули влѣво и подошли къ другимъ воротамъ. Надъ ними я прочиталъ надпись: «военно-каторжное отдѣленіе». Калитка, запертая на замокъ, открылась, и мы вошли въ узкій дворикъ. Съ одной стороны былъ длинный бревенчатый сарай цейхгауза, примыкавшій прямо къ тюремной стѣнѣ, съ другой одноэтажный каменный корпусъ съ рядомъ рѣшетчатыхъ оконъ. Въ эти окна военно-каторжные арестанты съ бритыми головами провожали глазами штатскаго новичка. Я разсчитывалъ, что сейчасъ меня введутъ въ общій коридоръ, гдѣ начнутся разспросы и разговоры. Но, взойдя на нѣсколько ступенекъ крыльца, находившагося въ самомъ концѣ корпуса, — смотритель не пошелъ въ коридоръ, а остановился передъ запертой дверью. Когда ее открыли, мы вошли въ тѣсную каморку надзирателя, а затѣмъ щелкнулъ еще замокъ, и я, наконецъ, очутился въ узкой камерѣ. Вещи мои внесли за мною. Смотритель вошелъ вмѣстѣ съ «повѣркой», и такимъ образомъ меня ввела въ эту каторжную одиночку цѣлая эскорта изъ солдатъ и офицеровъ. Смотритель, какъ мнѣ показалось, съ какимъ-то злораднымъ торжествомъ посмотрѣлъ на меня, и всѣ вышли. Мнѣ какъ будто вспомнилось что-то... Я сталъ осматриваться. На стѣнѣ были слѣды глубоко врѣзанной и затѣмъ выскобленной надписи. Такъ и есть. Первая буква была очевидно Ф. А вотъ и окно, забранное въ пространствѣ между крыльцомъ и тюремной стѣной высокими досками, такъ что изъ-за нихъ можно разсмотрѣть лишь клочокъ

неба. Я, значитъ, попалъ въ камеру Фомина...

Свои ощущенія въ тѣ нѣсколько дней, которые я провелъ въ этой камерѣ, я описалъ въ автобіографическомъ очеркѣ «Искушеніе» — и повторять ихъ не стану. Скажу лишь кратко, что, тщательно осмотрѣвъ камеру, я разыскалъ въ спинкѣ кровати свою прошлогоднюю записку, нѣсколько перьевъ и кусокъ туши, посланные тогда Фомину... Сомнѣній, значитъ, быть не могло.

Не могу сказать, чтобы я былъ особенно мнителенъ или пугливъ, но при данныхъ обстоятельствахъ мнѣ стали приходить въ голову довольно мрачныя мысли. Почему меня, пересыльнаго, помѣстили въ камеру, гдѣ нѣсколько лѣтъ безвыходно провелъ Фоминъ?.. Правда, мнѣ оставили мой чемоданъ, гдѣ были даже перья и бумага. Но — можетъ быть это лишь временно, впредь до окончательныхъ инструкцій. Мнѣ вспомнились слова Енакіева о томъ, что сводъ законовъ не предусматриваетъ отказа отъ присяги на вѣрноподданство и что онъ не можетъ предвидѣть, что придумаютъ для меня въ административномъ порядкѣ. Когда я писалъ въ прошломъ году Фомину разысканную теперь записку, вся Россія говорила о «диктатурѣ сердца» и о предстоящихъ реформахъ. Теперь господствовала мрачная реакція. Не надо было особой мнительности, чтобы будущее казалось мнѣ неопредѣленнымъ и мрачнымъ въ этой камерѣ, гдѣ еще какъ будто бродила тѣнь моего, вѣроятно погибшаго здѣсь, предшественника.

У меня чередовались два надзирателя. Одинъ

былъ грубъ и звѣроподобенъ, другой наоборотъ показался мнѣ человѣкомъ симпатичнымъ и часто тихонько вступалъ со мной въ разговоры. 19 сентября онъ сообщилъ мнѣ, что сегодня мимо Тобольска пройдетъ баржа съ политической партіей и что меня навѣрное отправятъ съ нею. Но баржа пришла, постояла и ушла. Когда долгій пароходный свистокъ смолкъ на рѣкѣ за большой горой, откуда въ прошломъ году мы любовались красивымъ видомъ Тобольска, на меня напала тоска. Я очень рѣдко писалъ стихи, но тутъ я написалъ короткое стихотвореніе, котораго теперь не помню. Помню только, что начиналось оно первымъ впечатлѣніемъ въ этой камерѣ:

Вкругъ меня оружье, шпоры,
Сабли брякаютъ, звенятъ...
И у каторжной затворы
На полъ падаютъ, гремятъ.

А кончалось глубоко меланхолической нотой:

...Божій міръ сошелся клиномъ,
Только свѣта, что въ окнѣ...

Въ упомянутомъ выше автобіографическомъ разсказѣ я изложилъ подробно «искушеніе», которому меня подвергли «военно-каторжные» арестанты.

Ко времени моей прогулки, которая происходила послѣ повѣрки, — я нашелъ стѣну цейхгауза утыканной въ щеляхъ щепками, которыя представляли какъ бы лѣстницу до верху тюремной стѣны... Мнѣ оставалось взобраться на крышу, сдѣлать по ней два шага и соскочить съ тюремной стѣны на пустырь.

Я и до сихъ поръ не представляю себѣ ясно, что это было и какую цѣль преслѣдовалъ арестантъ, дѣлавшій мнѣ знаки и указанія изъ крайняго окна, изъ котораго былъ видѣнъ уголъ двора, скрытый и отъ часового и отъ надзирателя, усѣвшагося въ другомъ концѣ дворика у воротъ... Было ли это простое любопытство «одиночки», соскучившагося въ четырехъ стѣнахъ, или доброе желаніе, относившееся къ человѣку, посаженному въ камеру, гдѣ Фоминъ провелъ столько лѣтъ въ исключительныхъ условіяхъ, — и почему сами каторжане не воспользовались этимъ, какъ будто легкимъ путемъ для побѣга, — этого я и до сихъ поръ не знаю. Знаю только, что искушеніе было сильно, и я, хоть и съ сомнѣніемъ въ душѣ, рѣшился на побѣгъ и взобрался уже аршина на два по импровизированной лѣстницѣ. Что вышло бы изъ этого и писалъ ли бы я теперь эти воспоминанія, — неизвѣстно, если бы не случайное вмѣшательство небольшой и очень смирной на видъ собаченки, которую добродушный надзиратель водилъ съ собою на прогулку... У нея очевидно были инстинкты тюремщика: очень ласковая со мною обыкновенно, — тутъ она кинулась на меня съ лаемъ и, взобравшись на кучу мусора, вцѣпилась зубами въ полу моего пальто. Мнѣ пришлось соскочить, пока подбѣжалъ надзиратель, чтобы унять сабаченку, а на слѣдующій день за мной явились жандармы, чтобы везти меня дальше. Красивый полицеймейстеръ пріѣхалъ опять проводить меня и опять совѣтовалъ считать себя окончательно сибирскимъ жителемъ,

приглядѣть невѣсту и обзаводиться домкомъ. Когда я спросилъ, почему меня, административно пересылаемаго, держали въ военно-каторжной тюрьмѣ, онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Оттуда меньше видно. Мы не любимъ, когда объ насъ пишутъ...

Его предсказаніе не исполнилось: я еще разъ вернулся изъ Сибири. Но когда я впослѣдствіи спрашивалъ у тоболянъ объ этомъ удаломъ полицейскомъ казакѣ, который въ общемъ оставилъ во мнѣ довольно пріятное впечатлѣніе, то мнѣ сообщили странное извѣстіе; кончилъ онъ довольно скверно. Не довольствуясь скромной дѣятельностью полицеймейстера, обязаннаго ловить воровъ и мошенниковъ, онъ усложнилъ ее еще ролью... главаря шайки конокрадовъ. Дѣло въ свое время получило значительную огласку.

Предполагалось офиціально, что меня повезутъ на почтовыхъ. Мы такъ и начали свой путь. Но жандармы сочли болѣе для себя удобнымъ свернуть черезъ нѣкоторое время къ одной изъ обскихъ пристаней. Помню въ тотъ вечеръ какой-то перевозъ и особенное чувство, съ которымъ я теперь смотрѣлъ на рѣчныя дали, на лѣса подъ луннымъ свѣтомъ, на туманы, залегавшіе въ низинахъ... Когда мы переправились, нашъ паромъ встрѣтила кучка народа, неясно виднѣвшаяся въ сумракѣ. Какой-то высокій татаринъ, въ остроконечной бараньей шапкѣ, вглядѣвшись въ нашу кибитку, сказалъ мужикамъ, стоявшимъ въ кучкѣ съ нимъ рядомъ:

— Царевъ врагъ...

Я въ первый разъ услышалъ этотъ терминъ, примѣненный къ политическимъ преступникамъ. Впрочемъ въ этомъ опредѣленіи мнѣ не слышалось ни гнѣва, ни осужденія...

Выѣхавъ по проселкамъ на какую-то пристань, мы сѣли на пароходъ «Нарымъ» и до Томска доѣхали водой. Для жандармовъ это была большая экономія, для меня болѣе удобства въ пути. Я ѣхалъ на пароходѣ между пустынными берегами, почти не чувствуя надъ собою надзора. Это былъ уже послѣдній рейсъ парохода. Публики было мало. Дали то и дѣло заволакивались на Оби снѣгомъ, хотя былъ только конецъ августа, начало сентября. Порой для погрузки дровъ пароходъ тыкался носомъ въ какой-нибудь крутояръ, съ него кидали мостки, и я съ случайнымъ моимъ спутникомъ, какимъ-то томскимъ или иркутскимъ купцомъ, человѣкомъ довольно интеллигентнымъ и выражавшимъ мнѣ свое сочувствіе, сходили на берегъ. Помню такую остановку въ Ляминомъ бору. Кругомъ стояла тишина съ протяжнымъ шумомъ сосноваго бора. На берегу былъ только шалашъ караульщика дровъ, а въ сотнѣ шаговъ, — домикъ. Когда мы подошли къ нему, дверь пріоткрылась, въ щель выглянули два острыхъ почти еще дѣтскихъ глаза, а въ рукахъ парнишки сверкнуло дуло винтовки.

— Что ты это, парень? — спросилъ мой спутникъ...

— Гляжу, какъ бы вамъ тутъ чего не украсти, — просто отвѣчалъ парнишка.

Порой на ходу парохода къ нему приставали съ кормы остяцкія лодочки. Въ первый разъ мнѣ показалось, что лодочку съ двумя гребцами захлеснуло пѣнистыми валами, бѣжавшими отъ колесъ, но черезъ минуту остяки уже зачалили свою лодочку и ловко по канатамъ взобрались на пароходъ среди улыбающихся матросовъ. Они привезли рыбу. — «Винцо, винцо», — спрашивали они весело и, вымѣнявъ вино на рыбу, спустились, слегка уже пошатываясь, въ свою лодку, опять нырнули въ пѣнистые валы и пристали затѣмъ къ баржѣ, зачаленной къ пароходу. Тихій, смиренный, безсильный, но очень ловкій и проворный народъ. У одного изъ посѣтившихъ насъ остяковъ не было и признаковъ носа... «Цивилизація» проникла, очевидно, и сюда.

CXXIV

ВЪ ТОМСКѢ — СОДЕРЖАЮЩАЯ — ГУБЕРНАТОРСКАЯ ФИЛОСОФІЯ — ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ

4-го сентября мы пріѣхали въ Томскъ и послѣ зимы на Оби здѣсь застали еще почти лѣто. На этотъ разъ, послѣ губернаторской канцеляріи, меня доставили не въ пересыльную, а въ такъ называемую по арестантски «содержающую». Это было дряхлое зданіе безъ ограды, какъ-то цинично глядѣвшее рѣшетчатыми окнами прямо на улицу. Въ окнахъ вто-

рого этажа сидѣли арестанты, обмѣниваясь съ улицей не всегда скромными шуточками. Намъ пришлось объѣхать это зданіе съ переулка. Здѣсь уже была ограда и ворота. Насъ остановили у этихъ воротъ, и пока шли переговоры я имѣлъ случай видѣть любопытную картину: въ полуоткрытую калитку на тюремномъ огородѣ виднѣлся господинъ въ рыжемъ пальто, окруженный тюремнымъ штатомъ и арестантами огородниками съ лопатами. Это оказался томскій губернаторъ М—ловъ. Онъ только что видимо открылъ безпорядокъ: на кочнѣ капусты онъ нашелъ червяка и указалъ на него смотрителю. Смотритель почтительно наклонился, за нимъ наклонился помощникъ, старшій надзиратель...

Затѣмъ насъ провели въ канцелярію, и намъ пришлось ожидать, пока придетъ смотритель. Въ канцеляріи я засталъ сцену, которая никогда не изгладится изъ моей памяти. За столомъ, огражденнымъ барьеромъ, сидѣлъ помощникъ стряпчаго, каждыя двѣ недѣли пріѣзжавшій для того, чтобы давать арестантамъ справки о движеніи ихъ дѣлъ. У барьера, напирая другъ на друга, тѣсно жалась толпа арестантовъ.

— Какъ мое дѣло, ваше благородіе, Ивана Сидорова?..

Чиновникъ рылся въ бумагахъ и отвѣчалъ: — дѣло у засѣдателя такого-то участка.

— Господи. Который ужъ мѣсяцъ, а онъ меня все не допрашиваетъ... — отчаянно вскрикивалъ арестантъ. Его оттирали, высту-

пали новые вопрошатели и получали такой же отвѣтъ. Впечатлѣніе было такое, будто въ Томскѣ дѣла въ то время совсѣмъ не двигались, и вся эта толпа забыта здѣсь навсегда. Волненіе среди арестантовъ по мѣрѣ этихъ справокъ росло, то и дѣло прорываясь злобными замѣчаніями, а порой и ругательствами по адресу можетъ быть совсѣмъ неповиннаго чиновника. Особенное негодованіе вызвало одно дѣло. Крестьянинъ изъ недальняго села пріѣхалъ зачѣмъ-то въ городъ. Полиція потребовала паспортъ. Паспорта не оказалось, и мужика взяли за безписьменность. Взяли и... оставили въ тюрьмѣ. Дѣло было самое простое: справка о личности. Село было недалекое. Между тѣмъ родственники арестованнаго приходили на свиданія, общество доставило удостовѣрительный приговоръ, староста нарочно пріѣзжалъ съ этимъ приговоромъ, — а дѣло все покоилось у засѣдателя такого-то участка, а мужикъ все сидѣлъ въ тюрьмѣ, получая каждыя двѣ недѣли одинъ и тотъ же отвѣтъ... Когда на этотъ разъ помощникъ стряпчаго опять повторилъ его — мужикъ прямо завылъ истошнымъ голосомъ, и дѣло Ивана Ларіонова какъ бы обобщило впечатлѣніе всей этой злополучной массы. Я сталъ опасаться за участь бѣднаго чиновника; барьеръ трещалъ подъ натискомъ арестантовъ. Даже привезшіе меня жандармы не могли сдержать негодованія по адресу «чужого вѣдомства»... Къ счастію, чиновникъ успѣлъ наскоро собрать свои бумаги и ускользнуть изъ канцеляріи. Иначе трудно сказать, чѣмъ бы это могло кончиться.

А въ это время губернаторъ (М—ловъ) съ величайшимъ вниманіемъ изслѣдовалъ на огородѣ червей на кочняхъ капусты. Арестанты, зная объ этомъ, просили меня, чтобы я заявилъ, что у меня есть до губернатора дѣло. — Къ вамъ онъ придетъ, — говорили они. — А мы тутъ хоть пропадай, ему все равно. — Я согласился, но когда пришелъ смотритель, бывшій съ губернаторомъ на огородѣ, то оказалось, что губернаторъ уже уѣхалъ... Смотритель обѣщалъ передать мое заявленіе, и это дало арестантамъ надежду, что при семъ случаѣ и они смогутъ заявить свои жалобы.

Я уже зналъ немного объ этомъ губернаторѣ отъ нѣкоторыхъ томскихъ ссыльныхъ, возвращавшихся во времена «диктатуры сердца». М—ловъ сначала заигрывалъ съ ссыльными. Одинъ изъ нихъ (Поспѣловъ) писалъ корреспонденціи и статьи въ сибирскихъ газетахъ. Узнавъ объ этомъ, М—ловъ пригласилъ его къ себѣ и выразилъ горячее сочувствіе прессѣ. Но когда послѣ этого появились корреспонденціи, задѣвавшія тобольскую администрацію, то — пріятныя отношенія кончились. Очевидно его превосходительство считалъ, что выраженія «сочувствія прессѣ» достаточно для того, чтобы застраховать свою губернію отъ непріятныхъ обличеній.

Мое заявленіе подѣйствовало, и на слѣдующій день его превосходительство посѣтилъ не только тюремный огородъ, но и самую тюрьму. Я придумалъ предлогъ: меня посадили въ одну камеру съ сумасшедшимъ и смотритель заявилъ, что перевести меня въ общую камеру не мо-

жетъ безъ разрѣшенія губернатора. Мой сожитель по камерѣ былъ политическій Рабиновичъ, — участникъ довольно громкаго процесса, котораго теперь везли, кажется, съ Кары въ казанскую психіатрическую лѣчебницу. Мнѣ пришлось провести безпокойную ночь: Рабиновичъ курилъ безъ перерыва принесенныя арестантами папиросы, а потомъ, докуривъ послѣднюю, сидѣлъ на койкѣ и, какъ автоматъ, повторялъ одну фразу:

— Папиросу мнѣ... Нѣтъ ли папиросы... Послушайте, папиросу мнѣ.

Я не могъ уснуть до самаго разсвѣта.

На утро стало извѣстно, что въ тюрьму пріѣхалъ губернаторъ. Арестантовъ загнали въ камеры и заперли на замки. Предосторожность, какъ оказалось, была не лишняя. М—ловъ прошелъ прямо ко мнѣ и прежде всего нашелъ безпорядокъ: сырое пятно на стѣнѣ. Затѣмъ, выслушавъ мое заявленіе и приказавъ перевести меня въ другую камеру, онъ вышелъ въ коридоръ, въ которомъ изо всѣхъ камеръ неслись отчаянные вопли:

— Ваше превосходительство... Зайдите къ намъ... И къ намъ, и къ намъ... И къ намъ... Имѣемъ жалобы...

Весь коридоръ гудѣлъ, какъ растревоженный улей, а изъ нѣкоторыхъ камеръ неслись отчаянные вопли и даже удары въ дверь. М—ловъ, человѣкъ худощавый, желчный, съ обозленными глазами, видимо смотрѣлъ на эти вопли, какъ на крайнія проявленія безпорядка и даже бунта. Приказавъ открыть одну дверь, наискосокъ отъ меня, онъ вошелъ туда, и я

слыхалъ отрывками его жестокую рѣчь. Мнѣ было слышно не все, но то, что я слышалъ и что мнѣ потомъ передали, — поразило меня крайней степенью бюрократическаго цинизма. Содержаніе рѣчи было кратко: — Кто вы такіе?.. — Арестанты, то-есть преступники. На кого хотите жаловаться? На чиновниковъ, то-есть на царскихъ слугъ. Кому же я долженъ вѣрить, — преступникамъ или царскимъ слугамъ... Поэтому — никакихъ жалобъ!..

Этотъ силлогизмъ, — который, повидимому, казался М—лову неопровержимымъ, — закончилъ посѣщеніе первой камеры... Губернаторъ вышелъ, и конвойные, послѣ короткой возни, захлопнули дверь. Послѣ этого вся тюрьма закипѣла старательно закупореннымъ въ камерахъ негодованіемъ и гнѣвомъ, а губернаторъ съ рѣзко сдвинутыми бровями и озлобленнымъ противъ бунтовщиковъ лицомъ, прослѣдовалъ дальше. Онъ приказалъ открыть еще одну камеру, изъ которой при его проходѣ арестантъ рѣзко крикнулъ: — «Гдѣ же у васъ правда!..» Но и тамъ дѣло закончилось такой же соломоновски краткой и безапелляціонной губернаторской рѣчью, а затѣмъ возней арестантовъ и конвоя. Послѣ этого выходной блокъ взвизгнулъ, затѣмъ коридорная дверь хлопнула, и посѣщеніе кончилось... Кого-то увели въ секретную... Коридоръ нѣкоторое время шумѣлъ и кипѣлъ, откуда-то слышались крики, ругательства, удары въ дверь, а затѣмъ... понемногу все стихло. Камеры стали открывать для обѣда. Тюрьма проголодалась.

Между тѣмъ, достаточно было бы самаго поверхностнаго взгляда, чтобы понять, что въ «содержающей» далеко не все благополучно. Не говоря уже о вопіющихъ жалобахъ на задержку дѣлъ, — никогда я не видалъ такой оборванной тюрьмы. Арестанты ходили въ какихъ-то фантастическихъ лохмотьяхъ и даже нижнее бѣлье не всегда прикрывало наготу. Мнѣ до сихъ поръ вспоминается живописная фигура одного арестованнаго купчика, который, сидя въ привилегированной камерѣ, надѣвалъ крахмальную манжетку и красный галстухъ но, выставляя грудь, старался драпировать ноги полами изорваннаго халата. Среди жалобъ, которыя неслись изъ камеръ, слышалось между прочимъ: «сами посмотрите, въ чемъ мы ходимъ. Обносились до крайности».

Несмотря на то, что губернаторъ сдѣлалъ все, чтобы вызвать бунтъ, и что было нѣсколько «безпокойныхъ» арестантовъ, которые, очевидно, старались поднять тюрьму на какое-нибудь яркое выступленіе, — волненіе скоро стихло. Мнѣ объясняли свѣдущіе арестанты, что шумѣла больше тюремная мелкота, «шпанка», а тюремная аристократія, «Иваны», ее не поддержали. Смотритель, повидимому, зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ какъ-то радостно признавалъ свою вину, когда губернаторъ замѣчалъ пятно на стѣнѣ или червяка на капустѣ, и въ то же время умѣлъ ладить съ вліятельными элементами тюрьмы. Въ тюрьмѣ допускались кутежи и повальное пьянство, что подкупало «Ивановъ» . . .

Меня перевели въ «привилегированную»,

дворянскую камеру и я получилъ возможность свободно ходить по всей тюрьмѣ. Это была собственно первая тюрьма, которую я имѣлъ случай узнать поближе съ ея уголовной средой, и мнѣ приходится отмѣтить нѣсколько выдающихся эпизодовъ. Прежде всего я здѣсь увидѣлъ заключительный актъ прошлогодней моей переписки съ Фоминымъ. Читатель припомнитъ, что арестантскій староста предупреждалъ меня тогда же, что арестантъ, черезъ котораго я велъ эти пересылки, — подлецъ и надуетъ Фомина. Такъ это и случилось: Фоминъ написалъ письма въ Россію, сообщилъ, что онъ (его кличка была Ursus) находится въ тобольской одиночкѣ и просилъ прислать ему денегъ. Но такъ какъ на собственное имя Фомина (онъ его скрывалъ отъ начальства) выслать было нельзя, то онъ далъ фамилію этого арестанта. Помнится, фамилія его была Семеновъ. Онъ оказался дѣйствительно мошенникомъ. Срокъ его заключенія близился къ концу, и онъ долженъ былъ уйти изъ тюрьмы на поселеніе. Получивъ деньги Фомина, онъ ихъ присвоилъ... Но тюремная Немезида уже протянула надъ нимъ карающую руку. Случилось такъ, что Семеновъ прибылъ въ томскую тюрьму какъ разъ въ то время, когда я находился тамъ, и вслѣдъ за нимъ пришло сообщеніе о его поступкѣ. Его стали жестоко избивать. Арестанты сообщили мнѣ, что тутъ есть «измѣнникъ общества», который прячется подъ нарами, въ пустыхъ камерахъ... Въ концѣ концовъ онъ успѣлъ упросить смотрителя, чтобы посадить его въ секретную. Я увидѣлъ

его тамъ въ глазокъ и узналъ стараго знакомаго. Онъ былъ плохъ: избили его жестоко, и что хуже всего, — ему предстояло еще нѣсколько переходовъ, и на всякомъ его будутъ избивать... Его томили мрачныя предчувствія: врядъ ли дойдетъ живымъ. Онъ надѣялся, что исторія разоблачится не такъ скоро и онъ успѣетъ выйти на поселеніе, но надежда его обманула... У меня не хватило духу упрекать его, и я постарался черезъ лицъ, пользующихся довѣріемъ арестантской среды, смягчить отношеніе къ нему арестантовъ. Но «измѣна обществу», каковой считался поступокъ Семенова въ отношеніи Фомина, — къ особому снисхожденію не располагала. Дальнѣйшей судьбы Семенова я не знаю.

Въ камерѣ, куда меня перевели послѣ камеры Рабиновича, было три человѣка, въ томъ числѣ бывшій помощникъ смотрителя той же тюрьмы, человѣкъ суроваго и меланхолическаго темперамента. Ему приходилось теперь сидѣть подъ присмотромъ своихъ бывшихъ подчиненныхъ. Интереснѣе было общество, помѣщавшееся въ другой привилегированной камерѣ. Особенно заинтересовали меня два пріятеля, если память не измѣняетъ мнѣ, Пекарскій и Овсянниковъ или Овсянкинъ. Это были молодые люди, служившіе волостными писарями. У нихъ повидимому бродили какія-то идеи, страннымъ образомъ преломившіяся въ головахъ сибирскихъ полу-интеллигентовъ. Они составили фантастическій планъ ограбленія почты, но, осуществивъ его и овладѣвъ заснувшимъ почталіономъ и струсившимъ ямщикомъ,

они затѣмъ не рѣшились «дойти до конца», отпустили обоихъ, повѣривъ ихъ клятвамъ, и вскорѣ были пойманы облавой изъ сосѣднихъ деревень...

— Все это было глупо, — говорилъ мнѣ Овсянкинъ, прогуливаясь со мной по коридору, — теперь мы уже будемъ дѣйствовать иначе...

— А какъ, если это не секретъ? — спросилъ я...

— Подкопъ подъ казначейство, — какъ Сашка инженеръ, — отвѣтилъ онъ.

— А развѣ необходимо ограбить почту или казначейство? — спросилъ я.

— Мы «для дѣла», — не безъ важности отвѣтилъ Овсянкинъ. Его другъ былъ сдержанъ и серьезенъ, а самъ онъ довольно экспансивенъ, мягокъ и мечтателенъ. Вообще примѣръ Александра Юрковскаго произвелъ сильное впечатлѣніе на полу-уголовную среду и впослѣдствіи я получилъ большую рукопись отъ нѣкоего Сорокина, который подробно описывалъ совершенный имъ подкопъ подъ гродненское казначейство...

Въ той же тобольской тюрьмѣ я пріобрѣлъ еще одно интересное знакомство. Камера Пекарскаго и Овсянкина служила, такъ сказать, интеллигентнымъ центромъ «содержающей». Самъ Пекарскій представлялъ странную фигуру съ дѣтски узкими плечами и громкимъ басомъ, который во время замѣшательства, вызваннаго посѣщеніемъ М—лова, гулко разносился по коридору. Вообще, онъ видимо старался поднять «шпанку» и выражалъ презри-

тельное негодованіе за ея неумѣніе постоять за себя. Въ его камерѣ, кромѣ того, фабриковались разные документы, способствующіе побѣгамъ. Все въ этомъ мірѣ относительно и, входя къ Пекарскому, я чувствовалъ, что этотъ уголовный преступникъ, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы выработаться въ незауряднаго человѣка и что, по сравненію не только съ тюремной шпанкой или тюремными Иванами, но даже по сравненію съ «его превосходительствомъ» удѣльный вѣсъ его личности былъ гораздо значительнѣе.

У меня было нѣсколько набросковъ изъ моихъ ссыльныхъ скитаній. Тутъ были починки, камера Фомина, видъ двора тобольской пересыльной тюрьмы. Въ камерѣ Пекарскаго ихъ разсматривали съ большимъ интересомъ. Особенно внимательно приглядывался къ нимъ одинъ арестантъ, котораго называли, кажется, Иваномъ Ивановичемъ. Это былъ человѣкъ, чисто говорившій по русски, но въ которомъ чувствовалось что-то инородческое: нѣмецъ или латышъ. Какъ и въ Пекарскомъ, въ немъ угадывалось что-то позначительнѣе средняго арестантскаго уровня. Рисунки онъ разсматривалъ съ видомъ знатока, и на слѣдующій день принесъ мнѣ новенькую рублевую бумажку.

— Вы должны понимать въ этомъ толкъ, — сказалъ онъ. — Что скажете о работѣ?

Я понялъ, что бумажка фальшивая, но работа была превосходная, и я не могъ бы отличить ее отъ настоящей. Оказалось, что Иванъ Ивановичъ былъ тоже артистъ, фальшиво-монетчикъ. Говорили, что онъ «пустилъ въ ходъ»

нѣсколько пріобрѣтавшихъ въ то время извѣстность сибирскихъ фирмъ, которыя начинали со сбыта его издѣлій. Они заводили мастерскую гдѣ-нибудь у себя на лѣсной заимкѣ и начинали сбывать бумажки гдѣ-нибудь подальше. Въ это время обѣ стороны держали себя на чеку. Для купца была опасна невыдержанность или пьяная болтовня мастеровъ... Ходили мрачные разсказы о томъ, какъ порой такія лѣсныя заимки, послѣ болѣе или менѣе продолжительной работы, сгорали до тла вмѣстѣ съ мастерами.

Иванъ Ивановичъ производилъ впечатлѣніе человѣка сдержаннаго и серьезнаго, и болтовни съ его стороны можно было не опасаться. Наоборотъ, самъ онъ попался на этотъ разъ изъ за невыдержанности и неосторожности сибиряка. — Производство было еще не закончено. Готовы были только рублевки. Сибирякъ, торговавшій скотомъ, поѣхалъ покупать скотину и, закупивъ много въ одномъ мѣстѣ, заплатилъ толстыми пачками этихъ рублевокъ. Одинъ изъ продавцевъ обратилъ на это вниманіе и замѣтилъ, что на всѣхъ бумажкахъ одинъ номеръ.

Послѣ того, какъ я похвалилъ дѣйствительно артистическую работу, Иванъ Ивановичъ отлучился изъ камеры и, вернувшись, неожиданно предложилъ мнѣ пачку кредитокъ.

— Возьмите... Богъ знаетъ, что вамъ придется испытать...

Когда я отказался, онъ спокойно спряталъ бумажки въ карманъ...

При этомъ присутствовалъ Пекарскій и Овсянкинъ. Пекарскій молча наблюдалъ эту сцену, а Овсянкинъ не удержался:

— Вамъ надо идти въ монастырь, а не заниматься революціей...

Онъ назвалъ одного политическаго, недавно провезеннаго на сѣверъ Томской губерніи, который не выказалъ такой щепетильности.

Ивану Ивановичу доставили съ воли хорошо припрятанный литографскій камень и онъ возобновилъ производство въ самой тюрьмѣ. Я не знаю, участвовала ли въ этомъ тюремная администрація или нѣтъ. Знаю только, что въ то же время одна изъ сибирскихъ тюремъ (Нижнеудинская) была настоящей фабрикой фальшивой монеты. Объ этомъ знали всѣ арестанты и вся администрація тюрьмы. Одни производили, другіе сбывали, и наша политическая партія (отъ которой я отсталъ въ Томскѣ) застала въ этой тюрьмѣ очень свободные нравы: водку можно было получать не дороже, чѣмъ на волѣ. Чѣмъ это кончилось, — не знаю, но Верхнеудинския тюрьма пользовалась широкой извѣстностью въ уголовной средѣ.

Мнѣ приходится отмѣтить здѣсь еще одну встрѣчу въ той же «содержающей». Однажды, съ двумя спутниками — Пекарскимъ и Ивановъ Ивановичемъ, — я пошелъ въ тюремную церковь. Самая церковь произвела на меня своеобразное впечатлѣніе. Арестанты помѣщались прямо противъ алтаря, на хорахъ. Середина была отведена для «вольной публики» и тюремнаго начальства, а по бокамъ, отдѣленные де-

ревянной загородкой внизу и на нѣкоторой высотѣ еще проволочной рѣшеткой, — были узкія пространства для привилегированныхъ арестантовъ. Прямо за алтаремъ вмѣсто запрестольнаго образа рисовалось большое распятіе. Огромный крестъ и большая фигура распятаго рѣзко выступали на фонѣ огромнаго окна, которое тоже все было перекрещено толстой тюремной рѣшеткой. Замѣтивъ, что я присматриваюсь къ этому зрѣлищу, Иванъ Ивановичъ сказалъ, улыбаясь своей умной улыбкой:

— Да... Христа тоже посадили за рѣшетку...

Это было естественно: конечно, нельзя было оставить безъ рѣшетки церковныхъ оконъ въ тюрьмѣ, но когда впослѣдствіи я отмѣтилъ это въ своихъ очеркахъ, то самое упоминаніе о распятіи за рѣшеткой оказалось нецензурнымъ... Есть такіе символы, которые совершенно правдивы и неизбѣжны и все таки непріятно рѣжутъ цензурный слухъ.

Я думалъ объ этомъ, прислушиваясь къ возгласамъ старенькаго священника, когда мой спутникъ обратилъ мое вниманіе на фигуру, стоявшую впереди насъ на колѣняхъ. Какой-то старикъ въ кандалахъ усердно клалъ поклоны и, казалось, горячо молился.

— Посмотрите на этого святого человѣка, — довольно громко и безцеремонно сказалъ Иванъ Ивановичъ.

Молившійся, при этомъ безцеремонномъ замѣчаніи, повернулъ голову. На насъ взглянуло старческое сухое лицо, съ длинной узкой бо-

родой и острымъ колючимъ взглядомъ. Въ этомъ лицѣ было столько затаенной злобы, что мнѣ стало страшно, но Пекарскій и Иванъ Ивановичъ нимало не смутились. Изъ ихъ разсказовъ, дополненныхъ послѣ того, какъ мы вышли изъ церкви, я узналъ странную исторію этого старика. Мнѣ сказали, что это глава секты «покаянниковъ». «Безъ покаянія нѣтъ спасенія, а безъ грѣха нѣтъ покаянія». Значитъ, грѣхъ нуженъ для спасенія. Не могу сказать ничего болѣе точнаго объ этомъ странномъ ученіи. Мнѣ разсказали только, что человѣкъ этотъ сидитъ въ тюрьмѣ уже не первый разъ, какъ глава опасной разбойничьей шайки, но каждый разъ успѣваетъ откупаться отъ сибирскаго правосудія. И на этотъ разъ на немъ позванивали кандалы, но онъ пользовался въ тюрьмѣ привилегированнымъ положеніемъ, и мои собесѣдники нимало не сомнѣвались, что и теперь онъ выйдетъ сухъ изъ воды. Меня поразила глубокая ненависть, которую мои собесѣдники питали къ этому святошѣ. Остальная арестантская среда относилась къ нему съ нѣкоторымъ уваженіемъ, какъ къ значительной силѣ. Пекарскій и Иванъ Ивановичъ не считали нужнымъ скрывать своего чувства...

Случилось такъ, что вскорѣ мнѣ пришлось ѣхать по пути къ Красноярску съ молодымъ ямщикомъ, который, разговорившись со мной «по душѣ», разсказалъ, что онъ тоже сидѣлъ въ тюрьмѣ, безъ вины, сказавшись бродягой... Это была странная темная душа, въ которой какія-то неоформленныя стремленія къ правдѣ

одно время сказались сильной гнетущей тоской, которая и заставила его «принять добровольный крестъ». Теперь онъ уже вышелъ изъ этого періода, даже женился и живетъ спокойной семейной жизнью. Въ Сибири вообще очень мало распространено сектантство, хотя «старый обрядъ» распространенъ довольно сильно. Но въ этомъ человѣкѣ бродили именно сектантскіе запросы. Мнѣ вспомнился старикъ изъ «содержающей» и въ воображеніи я соединилъ образъ этой простодушной тоскующей души и мрачнаго ханжи-душегуба. Я изобразилъ это сочетаніе, какъ умѣлъ, въ разсказѣ объ «Убивцѣ». Но сколько ни старался узнать болѣе подробно о странной сектѣ покаянниковъ, ничего болѣе точнаго узнать не могъ. Попадались мнѣ лишь поговорки, въ родѣ «грѣхъ и спасеніе въ шабрахъ живутъ», «не покаешься, не спасешься» и т. д. Но сколько-нибудь систематическаго ученія, гдѣ бы оно было приведено въ стройную систему, — я не встрѣчалъ. Можетъ быть мрачная фигура зловѣщаго старика и его вліяніе представляли явленіе единичное.

CXXV

ВЪ КРАСНОЯРСКѢ — ДОЛГУШИНЪ, МАЛАВСКІЙ, ЦЫПЛОВЪ, ЕМЕЛЬЯНОВЪ

Въ «содержающей» я пробылъ четыре дня и подъ вечеръ 7-го сентября въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, двинулся изъ Томска по направленію къ Красноярску.

Проѣхавъ безъ остановокъ Маріинскъ и Ачинскъ, на пятый день мы пріѣхали въ Красноярскъ. Когда, по обыкновенію, меня привезли къ канцеляріи губернатора, я попросилъ, чтобы мнѣ позволили остановиться на нѣсколько дней и повидаться съ родными, которые жили въ этомъ городѣ. Губернаторъ Лохвицкій выразилъ довольно даже любезно свое согласіе. Впрочемъ, вѣроятно и безъ просьбы произошла бы остановка.

Зато въ тюрьмѣ меня ждалъ довольно грубый пріемъ. Смотрителемъ въ это время былъ нѣкій Островскій. Если въ Томскѣ мнѣ пришлось видѣть бывшаго помощника смотрителя въ роли арестанта, то здѣсь, наоборотъ, бывшій арестантъ, пришедшій съ партіей изъ Россіи, занималъ теперь должность тюремнаго смотрителя. Ему удалось поступить на службу въ какую-то канцелярію сначала частнымъ образомъ, потомъ добиться возстановленія правъ и наконецъ онъ получилъ мѣсто смотрителя въ той самой тюрьмѣ, которая видѣла его въ арестантскомъ халатѣ. Нельзя сказать, чтобы собственный опытъ расположилъ его къ особенной гуманности. Наоборотъ, Островскій былъ извѣстенъ, какъ самодуръ и человѣкъ жестокій къ арестантамъ.

Не знаю, по какимъ соображеніямъ, онъ рѣшилъ посадить меня не въ общую политическую камеру, а въ одиночку, грязную и тѣсную мурью, вдобавокъ съ выбитымъ окномъ. На мое замѣчаніе по этому поводу Островскій отвѣтилъ рѣшительнымъ тономъ, что онъ знаетъ, что дѣлаетъ, а мое дѣло только повиноваться.

При этомъ надзиратели имѣли какой-то многозначительный видъ, а тщедушный арестантъ, принесшій парашку, явно покушался, когда смотритель вышелъ, сказать мнѣ что-то, но, очевидно, побоялся и только многозначительно оглядывался на окно, подъ которымъ виднѣлось странное сѣрое пятно и болтался обрывокъ веревки.

Все это настроило меня особеннымъ образомъ, и я провелъ довольно безпокойную ночь. Вѣтеръ залеталъ въ разбитое окно, свистѣлъ въ желѣзныхъ рѣшеткахъ, и луна свѣтила мнѣ прямо въ лицо. На слѣдующій день Островскій вдругъ перемѣнилъ свое обращеніе и перевелъ меня въ общую политическую камеру. Тутъ я узналъ, между прочимъ, что въ той камерѣ, гдѣ я провелъ ночь, незадолго передъ моимъ пріѣздомъ нашли повѣсившимся тюремнаго палача. Она служила секретной. Палачъ былъ извѣстенъ своей жестокостью. Ловкіе палачи могутъ наносить удары по желанію. Порой кажется, что ударъ долженъ совершенно изрѣзать тѣло, но наказываемый едва его чувствуетъ. Даже наружные слѣды можно наносить такимъ образомъ, что знаки представляются страшными, но не болѣзненными. Но этотъ палачъ не поддавался ни вліяніямъ, ни задабриваніямъ, «билъ на совѣсть», и Островскій особенно дорожилъ имъ. Недавно въ Красноярскѣ была произведена такая экзекуція, послѣ которой наказаннаго унесли почти замертво въ больницу... А такъ какъ онъ пострадалъ за общественное дѣло, то арестантская среда потеряла терпѣніе. Какъ-то на утро

палача нашли въ секретной повѣсившимся на оконной рѣшеткѣ. Положеніе тѣла было таково, что онъ очевидно могъ стать ногами на полъ, но ноги были поджаты. Это возбудило подозрѣніе, но Островскій не считалъ удобнымъ поднять настоящее разслѣдованіе, и палача похоронили, какъ самоубійцу. Говорили послѣ этого, что арестантамъ одной камеры удалось подобрать ключи, и ночью открыть камеру свою и секретную. Они задушили палача и устроили подобіе повѣшенія. Пятно на стѣнѣ осталось отъ того, что сильный палачъ бился, очнувшись уже въ петлѣ, и обдиралъ штукатурку. Но его держали до тѣхъ поръ, пока онъ окончательно задохся. Камера послѣ этого внушала суевѣрный ужасъ и арестантамъ, и надзирателямъ, и я понялъ странные взгляды, которыми они сопровождали мое заключеніе въ эту камеру. Едва ли я былъ не первый, проведшій въ ней ночь послѣ трагедіи, и можетъ быть Островскій имѣлъ именно это въ виду: мною онъ «обживалъ» эту камеру.

Какъ бы то ни было, я очень обрадовался, когда меня перевели въ общую политическую. Здѣсь я засталъ довольно интересныхъ людей. Въ центрѣ, какъ самая значительная фигура, стоялъ Долгушинъ, именемъ котораго называли одинъ крупный политическій процессъ (долгушинцевъ). Онъ отсталъ «по болѣзни» отъ той политической партіи, которая еще при мнѣ прошла черезъ Пермь. Дѣло долгушинцевъ было чисто пропагандистское. О террорѣ еще не было и рѣчи. Но это не помѣшало жесто-

кой расправѣ. Долгушинъ и его товарищи провели нѣсколько лѣтъ въ ужасныхъ условіяхъ печенѣжской тюрьмы (въ Харьковской губерніи). Это заключеніе отразилось страшной худобой и блѣдностью нервнаго лица. Но движенія и рѣчь Долгушина были какъ-то по особенному отчетливы, и во всей фигурѣ этого некрупнаго человѣка сквозила желѣзная воля. Его отецъ былъ губернскимъ прокуроромъ какъ разъ въ Красноярскѣ, и его вліяніемъ, а также лорисъ-меликовскими вѣяніями объяснялось то обстоятельство, что Долгушину удалось на время остаться въ Красноярскѣ. Къ нему допускали даже не въ урочное время его сынишку, который до этой встрѣчи не зналъ отца. Приходилъ также ежедневно старикъ-прокуроръ, съ привычными манерами важнаго губернскаго чиновника, но какъ-то угнетенный и подавленный положеніемъ сына, котораго очевидно сильно любилъ. Приходила также и жена, жившая это время у тестя.

Второй жилецъ политической камеры былъ Малавскій, тоже приговоренный къ каторгѣ. Въ противуположность Долгушину, это былъ человѣкъ крупнаго роста, но съ типичными чертами медлительнаго украинца. Третій ихъ сожитель былъ тотъ самый Цыпловъ, который въ прошломъ году, во время моего пребыванія въ тобольскомъ подслѣдственномъ отдѣленіи, сидѣлъ въ камерѣ, окошко которой выходило подъ своды тюремныхъ воротъ. Это онъ былъ приговоренъ къ смертной казни за сопротивленіе напавшимъ на него на дорогѣ переодѣтымъ жандармамъ, но въ сущности для того,

чтобы вывѣдать у него слѣды конспиративной организаціи.

Я съ любопытствомъ взглянулъ на эту чрезвычайно характерную фигуру. Средняго или нѣсколько выше средняго роста, онъ былъ очень широкоплечъ и коренастъ. Фигура у него была какъ будто медвѣжеватая, что, однако, не мѣшало извѣстной ловкости движеній. У него были большіе на выкатѣ глаза, толстые усы и хищный носъ крючкомъ. Физіономія обладала той особенной выразительностью, которая дѣлала ее мелодраматически страшной. Глаза у Цыплова легко загорались и какъ-то особенно таращились, лицо легко наливалось кровью, и толстые усы становились торчкомъ. Онъ, очевидно, зналъ за собой эту особенность и часто дѣлалъ страшную физіономію.

Въ моментъ моего прибытія въ камерѣ происходила небольшая драма. Въ ней недавно былъ и еще одинъ жилецъ. Это былъ нѣкто Симскій, бывшій офицеръ, какъ и Верещагинъ, попавшій въ политическіе неизвѣстно за что. Товарищи, очевидно, не захотѣли мириться съ нѣкоторыми чертами его характера, и, охотно принявъ къ себѣ Цыплова, потребовали удаленія Симскаго въ другую камеру. Теперь онъ былъ отсаженъ въ больницу. Узнавъ еще вчера о моемъ пріѣздѣ, онъ прислалъ мнѣ съ парашечникомъ записку, какъ знакомый. Онъ былъ одно время въ Глазовѣ и теперь принялъ меня за моего брата. Я слышалъ о немъ коечто, еще будучи въ Починкахъ, и теперь постарался разсѣять его недоразумѣніе. Когда я отдалъ записку нашему посланцу, котораго

звали по имени, а можетъ только прозвали Меркуріемъ, — Цыпловъ прибавилъ ему рѣшительнымъ тономъ:

— Кромѣ того, скажи Симскому, что Цыпловъ требуетъ, чтобы онъ прислалъ сапоги. Да чтобы сейчасъ.

— Слушаю-съ, — почтительно отвѣтилъ парашечникъ.

Оказалось, что кто-то въ камерѣ былъ нездоровъ, и Симскій отдалъ ему на время свои теплыя валенки, а самъ взялъ новые сапоги Цыплова. По минованіи надобности, валенки были отосланы Симскому, но съ возвращеніемъ сапогъ онъ медлилъ, оттягивая день за день. А такъ какъ ему предстояло скоро выйти на мѣсто поселенія въ Енисейской губерніи, то у Цыплова явилось опасеніе, что и его новые высокіе сапоги могутъ послѣдовать туда же.

— Такъ смотри, чтобы сей-часъ... Понимаешь!.. — подтвердилъ Цыпловъ. Но черезъ нѣкоторое время нашъ Меркурій вернулся безъ сапогъ и вмѣсто этого подалъ записку. Цыпловъ прочелъ и лицо у него налилось кровью. Симскій писалъ, что «мы всѣ соціалисты, значитъ, не признаемъ собственности... Такъ можетъ ли между нами быть рѣчь о томъ, что т в о е и что м о е». Цыпловъ, весь красный, съ взъерошенными усами, схватилъ тотчасъ же бумажку и карандашъ, усѣлся за столъ и пыхтя что-то долго писалъ, съ очевиднымъ трудомъ выводя строки. Кончивъ, онъ поднялся и сказалъ, обращаясь къ намъ:

— Вотъ послушайте, что я написалъ ему...

Голосъ его прерывался отъ бѣшенства. Мы съ интересомъ приготовились выслушать его реплику по поводу соціализма, но она была очень кратка и гласила только:

— А я тибе, сукинъ сынъ, говорю: отдай мое сапоги!!!

Но послѣднюю фразу Цыпловъ произнесъ съ такимъ бѣшенствомъ, и такимъ неожиданно громовымъ голосомъ, что бѣдняга Меркурій, человѣкъ очевидно чрезвычайно робкій, мгновенно вылетѣлъ за дверь, и его пришлось вернуть изъ коридора чтобы все таки вручить записку. Цыпловъ очевидно всю силу своего письма вложилъ именно въ свою бѣшеную интонацію, не соображая, что интонація не передается почеркомъ. Впрочемъ онъ не ошибся. Робкій Меркурій очевидно сумѣлъ передать часть своего ужаса Симскому, и черезъ нѣсколько минутъ сапоги были уже у Цыплова.

Громовый окликъ Цыплова разбудилъ еще одного жильца камеры. Кто-то, ворча, зашевелился на одной изъ кроватей, и съ нея поднялся молодой человѣкъ съ одутловатымъ, какъ будто налитымъ, нездоровымъ лицомъ и сѣлъ, запустивъ руки въ волосы, какъ будто въ тяжеломъ похмеліи. Когда черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ себя и поздоровался со мной, я узналъ въ немъ еще одного знакомаго и вспомнилъ характерный эпизодъ.

Когда мы жили въ Петербургѣ, на Клинскомъ проспектѣ, къ намъ какъ то неожиданно явился землякъ изъ Житоміра. Это былъ нѣкто, по фамиліи помнится Станкевичъ. Онъ былъ собственно хорошій знакомый нашего

родственника, офицера Туцевича, но, какъ землякъ, явился къ намъ и какъ-то быстро прижился. Съ матерью говорилъ о житомірской роднѣ и очень любилъ стряпать, изобрѣтая разные польскіе соусы. Онъ служилъ въ Житомірѣ въ качествѣ мирового посредника и пріѣхалъ хлопотать о чемъ-то по службѣ. Повидимому особенными служебными талантами не отличался, но отлично рисовалъ на слоновой кости миніатюрные портреты губернатора, губернаторши и милыхъ превосходительныхъ дѣтокъ, и на этомъ покоилась его карьера. Намъ онъ начиналъ порядочно надоѣдать, тѣмъ болѣе, что порой проговаривался. Однажды, говоря о своихъ заслугахъ и о неблагодарности начальства, сообщилъ, что у губернатора было свое имѣніе, и ему, Станкевичу, удалось отлично устроить «соглашеніе» съ крестьянами въ пользу его превосходительства. Только чрезвычайное простодушіе и какая-то особенная наивность этого любителя миніатюръ и соусовъ кое-какъ спасали насъ отъ столкновеній, но все таки мы ждали, — скоро ли уладятся его дѣла.

Однажды я остался съ нимъ вдвоемъ въ квартирѣ. Сестры ушли на курсы, мать за покупками, братъ и зять на дневную работу. Станкевичъ возился около плиты надъ какимъ-то рѣдкимъ кушаніемъ, которое должно было къ обѣду удивить всѣхъ насъ, начинающихъ уже терять всякую вѣру въ его кулинарныя способности, когда раздался звонокъ, и къ намъ вошелъ тотъ самый юноша, котораго я увидѣлъ въ камерѣ. Онъ былъ одѣтъ очень

неряшливо, въ грязной блузѣ и сильно обтерханныхъ снизу брюкахъ. Въ этой неряшливости было что-то нарочитое, въ сущности же въ его наружности и манерахъ видно было нѣчто пожалуй утонченное. И дѣйствительно, съ первыхъ же словъ онъ заявилъ, что онъ сынъ генерала Емельянова, но что ему въ сущности плевать на генеральское званіе, да пожалуй и на самаго родителя, такъ какъ послѣдній зараженъ предразсудками, а самъ юноша отъ всякихъ предразсудковъ избавился. Ко мнѣ онъ явился потому, что слышалъ о моихъ знакомствахъ съ рабочими и желаетъ проникнуть на одну изъ фабрикъ въ качествѣ пропагандиста, или хоть въ какую-нибудь типографію.

Разумѣется, въ то время устроить это было нетрудно, но юноша производилъ до такой степени легковѣсное и прямо противное впечатлѣніе, что ни я, ни вернувшійся къ тому времени братъ не имѣли ни малѣйшаго желанія оказывать ему какое бы то ни было содѣйствіе. Но и послѣ нашего отказа, онъ продолжалъ сидѣть, развалясь за столомъ, и болталъ все въ томъ же родѣ. Станкевичъ, слышавшій все изъ кухни, черезъ нѣкоторое время вошелъ въ комнату и, сѣвъ къ столу, смотрѣлъ на юношу, не отрывая глазъ. Емельяновъ продолжалъ, не только не стѣсняясь посторонняго, но еще какъ будто подстрекаемый его присутствіемъ. Тогда я замѣтилъ, что во взглядѣ Станкевича является какое-то почти плотоядное выраженіе. Наконецъ, онъ отозвалъ меня въ другую комнату и сказалъ:

— Послушайте. Здѣсь насъ только четверо. Давайте, сейчасъ высѣчемъ этого мальчишку... Отецъ, если онъ человѣкъ дѣйствительно почтенный, будетъ намъ только благодаренъ.

Станкевичъ былъ очень разочарованъ моимъ отказомъ.

Съ этой встрѣчи прошло нѣсколько лѣтъ. Передо мной былъ тотъ же юноша, только лицо у него было еще болѣе нездоровое. Не знаю, за что именно онъ опять попалъ въ тюрьму. Кажется за побѣгъ, который онъ устроилъ вмѣстѣ съ Вишневецкимъ, тоже юношей, но только скромнымъ и болѣе пріятнымъ, который помѣщался въ той же камерѣ. Емельяновъ теперь держался не такъ мальчишески задорно, какъ въ первую нашу встрѣчу, но при первомъ взглядѣ было видно, что это человѣкъ конченный. У него было лицо молодого пропойцы, набряклое и одутловатое. Оказалось, что, живя въ Красноярскѣ, онъ предавался самому грязному разгулу и в концѣ концовъ пристрастился къ морфію. Нѣкоторыя сердобольныя женщины изъ политическихъ старались удержать его отъ этихъ пороковъ, но только напрасно потратили время. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ вынырнулъ и даже одно время пріобрѣлъ нѣкоторую, довольно печальную, извѣстность, печатая въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» свои воспоминанія, очень безцвѣтныя и блѣдныя. Видно было руку недоучившагося, хотя и бойкаго гимназиста, который, соотвѣтственно требованіямъ катковской газеты, старался по возможности облить грязью всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался во время ссыльныхъ

скитаній. Вспомнилъ онъ и о встрѣчѣ со мной въ красноярской тюрьмѣ. «Это субъектъ, — писалъ онъ, — котораго, будь онъ даже въ десять разъ талантливѣе, ни одно правительство не потерпѣло бы въ средѣ мирныхъ гражданъ». Въ томъ же родѣ были отзывы и о другихъ лицахъ...

Каждый день ко мнѣ приходилъ кто-нибудь изъ родныхъ, и мы проводили вмѣстѣ по часу. Порой вмѣстѣ съ матерью или сестрой являлся еще кто-нибудь изъ ссыльныхъ. Это была уже нѣкоторая вольность, и смотритель Островскій допускалъ ко мнѣ безъ разрѣшенія губернатора тѣхъ, кто ему нравился. Такъ познакомился я съ С. Н. Южаковымъ. Тѣ, кто зналъ Сергѣя Николаевича въ петербургскомъ періодѣ его жизни, не представляютъ себѣ того худощаваго, очень живого и изящнаго молодого человѣка, котораго я увидѣлъ въ красноярской тюрьмѣ. Высокій, стройный, одѣтый съ очевидной заботливостью, — онъ производилъ впечатлѣніе изящнаго джентлемена... Тогда у него не было еще и привычки къ вину и пиву, которая явилась впослѣдствіи.

Мой зять, студентъ второго курса медико-хирургической академіи, устроился провизоромъ въ аптекѣ. Очень дѣловитый, онъ скоро овладѣлъ работой, и имъ дорожили, какъ работникомъ. Семьѣ жилось сносно. Мать уже привыкла къ неожиданнымъ ударамъ судьбы, и, хотя по временамъ не могла удержать слезъ при мысли о дали, куда меня гонитъ судьба

на этотъ разъ, но я успѣвалъ передать ей часть моего оптимизма... Общество въ Красноярскѣ собралось симпатичное. Тутъ была, между прочимъ, семья Лесевичей, и эти двѣ семьи служили центрами, которые такъ дороги въ ссылкѣ...

Эти свиданія служили какъ бы маяками, освѣщавшими мое пребываніе въ Красноярскѣ. Остальное время проходило обычнымъ тюремнымъ порядкомъ. Отношеніе мѣстной администраціи было въ общемъ довольно мягкое. Ежедневныя посѣщенія губернскаго прокурора налагали свою печать и на отношенія остальной администраціи. Полицеймейстеръ часто заходилъ въ нашу камеру съ вопросами, нѣтъ ли у насъ какихъ-нибудь просьбъ. Всѣ мы держались съ нимъ корректно, за исключеніемъ Емельянова, который, едва очнувшись отъ постоянной сонливости, то и дѣло отпускалъ сальныя фамиліарности, отъ которыхъ всѣмъ становилось неловко...

— Что давно не приходили?.. Чѣмъ вы тамъ занимаетесь?..

И онъ дѣлалъ непристойное предположеніе отъ котораго всѣмъ становилось совѣстно.

Въ провинціи всѣ вѣянія доходятъ поздно, и новый реакціонный курсъ, водворявшійся въ столицахъ, до Красноярска еще не дошелъ. Скоро послѣ моего отъѣзда наступили событія въ красноярской тюрьмѣ, послѣ которыхъ даже вліяніе губернскаго прокурора не могло смягчить отношеній.

Для меня не было тайной, что изъ красноярской тюрьмы готовится побѣгъ. Хотя уже 7-го

мая 1881 года Лорисъ-Меликовъ вышелъ въ отставку, и реакція уже опредѣлилась въ центрахъ, но на такой дальній востокъ эта перемѣна еще не докатилась. Въ обществѣ все еще ждали чего-то, относились съ большимъ интересомъ къ политическимъ заключеннымъ, сидѣвшимъ въ красноярской тюрьмѣ, среди которыхъ былъ сынъ важнаго губернскаго чиновника, и готовы были оказывать имъ услуги.

Обыкновенно насъ выпускали гулять послѣ повѣрки, когда всѣ остальные заключенные уже запирались по камерамъ. Приходилъ старшій надзиратель или помощникъ смотрителя и объявлялъ о прогулкѣ. Я старался не терять времени, накидывалъ халатъ и выходилъ во дворъ.

Однажды я вышелъ такимъ же образомъ однимъ изъ первыхъ. Передо мной ушелъ только Цыпловъ. Когда я сошелъ внизъ, то на маленькомъ дворикѣ никого не оказалось. Большой фонарь освѣщалъ его весь. Цыплова не было. Когда я оглядывался съ недоумѣніемъ, Цыпловъ вдругъ вышелъ изъ подъ широкихъ затѣненныхъ воротъ. Онъ быстро подошелъ ко мнѣ и, схвативъ мою руку, крѣпко до боли сжалъ ее. Лицо его, при свѣтѣ фонаря, было блѣдно, и дышалъ онъ тяжело, какъ человѣкъ, глубоко взволнованный.

— Что это съ вами, Цыпловъ? — спросилъ я.

— Сейчасъ былъ за воротами, — сказалъ онъ, наклоняясь ко мнѣ.

Оказалось, что ключникъ только что выпустилъ помощника смотрителя, когда его вдругъ окликнулъ Островскій изъ канцеляріи. Кан-

целярія помѣщалась за тюремной оградой, и ходъ въ нее былъ снаружи. Островскаго страшно боялись, и на его нетерпѣливый окрикъ ключникъ бросился опрометью, не закрывъ воротъ тяжелымъ и тугимъ замкомъ. Цыпловъ это замѣтилъ и по первому побужденію, тотчасъ же очутился за воротами...

— А тамъ... воля, — говорилъ онъ мнѣ, почти задыхаясь. — Сегодня базарный день. Мужики возвращаются съ базара пьяные. Кинулся къ первой телѣгѣ, схватилъ чалдона за горло...

И онъ показалъ мнѣ, какъ бы онъ это сдѣлалъ. Его страшное лицо съ вытаращенными и горящими глазами наклонилось близко къ моему лицу...

— Ночь темная... Погналъ бы лошадь... Подумали бы, что пьяный чалдонъ гонитъ. До зари гдѣ былъ бы... А тамъ тайга-матушка пріютила бы привычнаго бродягу... Да и не спохватились бы до утренней повѣрки.

— Такъ въ чемъ же дѣло?..

— Нельзя, — отвѣтилъ онъ со вздохомъ. — Неловко передъ товарищами. У насъ есть планъ... Если нельзя будетъ всѣмъ, — первый пойдетъ Малавскій.

Въ это время къ воротамъ торопливо прибѣжалъ ключникъ и раздалось щелканіе замка. Цыпловъ тяжело вздохнулъ...

Я оцѣнилъ эту жертву бродяги на алтарь политическаго товарищества. И это была не первая жертва. Въ этотъ же вечеръ онъ разсказалъ мнѣ, какъ во время одной изъ поѣздокъ съ порученіями, политическихъ, въ поѣздѣ между Екатеринбургомъ и Пермью онъ

очутился въ вагонѣ съ толстосумомъ купцомъ, который имѣлъ неосторожность при немъ вынуть изъ кармана бумажникъ, а потомъ безпечно задремалъ.

— Эхъ, по прежнему бы моему поведенію... Схватилъ бы купчину за горло... Вытащилъ бумажникъ, да на ходу поѣзда въ тайгу... А тутъ... убѣжденія не позволили...

Этотъ разсказъ Цыпловъ любилъ приводить, какъ доказательство, какую силу надъ нимъ пріобрѣли новыя убѣжденія... И по тому, какъ онъ разсказалъ мнѣ этотъ случай, какъ его рука невольно потянулась къ горлу купчины и какъ сверкали страшные глаза, я понялъ, что «сила убѣжденій» должна была быть большая...

Впослѣдствіи, когда Цыпловъ попалъ на Кару, онъ нѣкоторое время все еще держался общей дисциплины. Но со временемъ гнетъ «убѣжденій», принципіальные споры въ пустотѣ надоѣли старому бродягѣ и онъ при посѣщеніи тюрьмы петербургскимъ чиновникомъ подалъ покаянную просьбу и былъ переведенъ въ привычную, общеуголовную среду...

Я прожилъ въ Красноярскѣ двѣнадцать дней, и въ это время никакихъ особыхъ происшествій не происходило. Но послѣ моего отъѣзда разыгрался цѣлый рядъ событій, отразившихся трагически на судьбѣ моихъ знакомыхъ. Планъ побѣга былъ приведенъ въ исполненіе: убѣжалъ Малавскій. Ему помогли нѣсколько человѣкъ съ воли, въ томъ числѣ молодая дѣвушка, кажется портниха, которая пріютила его на своей квартирѣ. Предполагалось, что онъ проживетъ у нея лишь первые дни, пока

кругомъ города будутъ идти особенно тщательные поиски. Помѣщеніе было неудобное: бѣднягѣ Малавскому большую часть времени приходилось проводить подъ кроватью, особенно, когда начальство почему-то обратило вниманіе на портнихъ. Къ тому же выборъ оказался не совсѣмъ удаченъ: Малавскій былъ слишкомъ тяжелъ на подъемъ и мало предпріимчивъ. Кажется, что онъ пропустилъ нѣсколько рискованныхъ, но все таки возможныхъ случаевъ, и въ концѣ-концовъ его открыли. Были замѣшаны и пострадали нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ дочь прокурора Долгушина. Малавскому и Долгушину прибавили по 15 лѣтъ каторги. Малавскій пытался бѣжать еще разъ съ Кары, но опять попался и былъ переведенъ въ Шлиссельбургкую крѣпость, гдѣ и умеръ...

Такъ же трагически кончилъ и Долгушинъ. Я не знаю точно подробностей дальнѣйшихъ разыгравшихся въ Красноярскѣ происшествій. То, что доходило до меня, представляется въ слѣдующемъ видѣ: послѣ побѣга Малавскаго, самодуръ Островскій освирѣпѣлъ и сталъ проявлять свою власть и свое самодурство. Однажды онъ отказалъ въ какой-то законной просьбѣ женѣ Долгушина или кому-то изъ его родственниковъ, причемъ сдѣлалъ это въ оскорбительной формѣ. Долгушинъ во время дневной прогулки во дворѣ подошелъ къ нему и совершенно спокойно предложилъ вопросъ: Онъ ли, Островскій, сдѣлалъ такое-то распоряженіе? Едва Островскій отвѣтилъ утвердительно, какъ раздалась звонкая пощечина. Это было въ присутствіи полицеймейстера, и таково

было еще обаяніе этого страннаго и физически слабаго человѣка, что полиціймейстеръ, какъ разсказывали, бросился къ нему съ просьбой успокоиться.

На этотъ разъ даже вліянію отца не удалось уже потушить дѣло и Долгушину, какъ и Малавскому, пришлось жестоко расплатиться за свой поступокъ: ему сначала прибавили 15 лѣтъ каторги, а потомъ онъ былъ тоже отправленъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и погибъ...

23-го сентября, утромъ, мнѣ пришлось попрощаться съ родными, такъ какъ вечеромъ въ тотъ же день за мной явились жандармы, и опять потянулись дни и ночи подъ однообразный звонъ почтоваго колокольчика. Изъ этого пути у меня осталось впечатлѣніе одной чудесной зари. Разсвѣтъ засталъ меня на плавномъ спускѣ съ горъ за Нижнеудинскомъ. Лошади бойко спускались съ горъ въ долину. Передъ глазами виднѣлась широкая даль, и на далекомъ горизонтѣ стояла гряда ослѣпительно бѣлыхъ облаковъ какой-то странной формы, освѣщенныхъ яркими лучами только что взошедшаго солнца. Я не могъ оторвать глазъ отъ этого зрѣлища, и ямщикъ, взмахнувъ въ томъ направленіи кнутомъ, сказалъ:

— Бѣлогорье это... Вишь какъ явственно оказываетъ сёдни.

Я понялъ, что это не облака, а дальнія снѣговыя горы...

30-го сентября мы пріѣхали въ Иркутскъ.

ВЪ ИРКУТСКОЙ ТЮРЬМѢ

CXXVI

НАРОДНИКИ: РОГАЧОВЪ, ВОЙНАРАЛЬСКІЙ И КОВАЛИКЪ

Въ Иркутскѣ по обыкновенію меня прежде всего привезли въ канцелярію губернатора, которымъ тогда былъ Педашенко. Его самого я не видѣлъ, и вскорѣ тѣ же жандармы, по распоряженію изъ канцеляріи, повезли меня въ тюрьму.

Здѣсь опять обычныя формальности, и меня съ моимъ небольшимъ чемоданчикомъ повели въ политическое отдѣленіе. Здѣсь мнѣ предстояла встрѣча съ той самой партіей, которую я уже видѣлъ при ея проѣздѣ въ Перми.

Когда мы съ тюремнымъ сторожемъ вошли въ довольно тѣсный, темный и грязный коридоръ, то принуждены были остановиться. Камеры были открыты, и ихъ жильцы тѣсной толпой сгрудились въ коридорѣ. Они вытягивали шеи и подымались на носки, стараясь взглянуть въ середину толпы, откуда неслось пѣніе въ нѣсколько голосовъ какой-то плясовой народной пѣсни, кажется, камаринскаго, и чей-то частый топотъ.

Оказалось, что это пляшетъ Рогачовъ. Онъ то опускался на полъ въ присядку, то быстро привскакивалъ, и тогда мнѣ было видно его лицо, сверкавшее веселымъ одушевленіемъ. На головѣ у него была лихо заломлена арестантская шапка безъ козырька, изъ подъ которой надъ лбомъ выбивались отросшіе кудри (по тюремнымъ правиламъ у каторжанъ брили полголовы).

— О, чортъ бы побралъ этого Рогачова! — сказалъ около меня одинъ изъ зрителей, съ восторгомъ и завистью глядя на плясавшаго богатыря. На немъ какъ будто совсѣмъ не отразились тяжелые годы централки, такъ сильно истомившіе другихъ. Я невольно вспомнилъ мою прошлогоднюю спутницу Вѣру Павловну и ея сердечную драму...

Когда Рогачовъ кончилъ пляску и, смѣясь, сталъ отирать потный лобъ, — арестанты замѣтили прибытіе новаго члена компаніи и стали со мною знакомиться.

Меня ввели въ довольно большую камеру, гдѣ для меня нашлось мѣсто на нарахъ, среди 6 или 7-ми человѣкъ. Здѣсь мнѣ прежде всего бросился въ глаза Михаилъ Петровичъ Сажинъ, извѣстный въ революціонныхъ кружкахъ, подъ именемъ Росса, другъ и сподвижникъ Бакунина, страшно воевавшій съ «лавристами». У него былъ совершенно обнаженный черепъ, что придавало ему среди насъ солидный видъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно молодые блестящіе глаза, сверкавшіе по временамъ веселіемъ и юморомъ. Впослѣдствіи

мнѣ было суждено ближе сойтись съ этимъ человѣкомъ и работать на общемъ дѣлѣ.

Въ этой же камерѣ былъ еще кавказецъ Карташовъ, и два крестьянина Черниг. губ., Олейникъ и Песковой, сосланные за такъ называемое чигиринское возстаніе, организованное посредствомъ подложныхъ царскихъ грамотъ Стефановичемъ и Дейчемъ. Это были природные украинскіе крестьяне, которые до конца пребыванія въ Сибири не могли примириться съ ней. Все здѣсь, по ихъ мнѣнію, было не по-людски, то есть не по-украински; даже сало не имѣло «никотораго скусу». И старикъ, говоря это, горько плакалъ.

Кажется, въ той же камерѣ, куда помѣстили меня, былъ еще Сыцянко, сынъ харьковскаго профессора, судившійся вмѣстѣ съ отцомъ. Отца оправдали, сына сослали въ Якутскую область.

Другихъ своихъ сожителей, кромѣ перечисленныхъ, я не помню, можетъ быть потому, что наши камеры почти не запирались: мы цѣлые дни могли сообщаться, и отдѣльныя лица выплываютъ въ моей памяти на общемъ фонѣ.

Во всякомъ случаѣ, это собраніе заключенныхъ въ иркутской тюрьмѣ представляло необыкновенный интересъ. Это былъ какъ бы своего рода геологическій разрѣзъ напластованій того революціоннаго поколѣнія, съ его быстро смѣнявшимися настроеніями отъ наивно-идеалистическаго народничества къ террору. Здѣсь были представители большого процесса пропагандистовъ, охватившаго, по словамъ правительственныхъ сообщеній, своей

пропагандой 36 губерній. Предполагалось, что, стоитъ раскрыть народу глаза на его положеніе, чтобы привести въ движеніе «присущія русскому народу творческія силы». Это было поколѣніе «хожденія въ народъ» и большого процесса 193-хъ.

Однимъ изъ популярныхъ и яркихъ представителей этого періода являлся бывшій артиллерійскій офицеръ Рогачовъ, о которомъ мнѣ пришлось уже говорить.

Кромѣ сердечной драмы Вѣры Павловны, онъ интересовалъ меня еще, какъ авторъ «записокъ пропагандиста». Какъ-то Григорьевъ, сохранившій связи съ военной средой, принесъ мнѣ записки бывшаго артиллериста Рогачова, ходившія по рукамъ, когда мы были еще на свободѣ.

Левъ Тихомировъ, въ періодъ своего обращенія къ Каткову, въ одномъ изъ фельетоновъ уже своего покаяннаго періода говорилъ, между прочимъ, и объ этихъ запискахъ. Онъ отозвался о нихъ, какъ о произведеніи совершенно бездарномъ. На меня они произвели совершенно другое впечатлѣніе. Надо было сказать, что меня не легко было подкупить «тенденціей». Мнѣ не нравились гремѣвшія тогда «Знаменія времени» Мордовцева, а Свѣтловъ изъ не менѣе популярнаго среди молодежи романа «Шагъ за шагомъ» Омулевскаго, казался мнѣ слишкомъ свѣтлымъ, какъ хорошо вычищенный мѣдный тазъ.

Помню, какъ возмущали эти мои отзывы моихъ сверстниковъ студентовъ.

Но записки Рогачова, лишенныя художественныхъ претензій, простыя и безхитростныя, произвели на меня прямо обаятельное впечатлѣніе. Въ нихъ Рогачовъ разсказывалъ только то, что видѣлъ въ томъ новомъ мірѣ, въ который многіе изъ насъ стремились окунуться, сбросивъ съ себя «ветхаго человѣка». Въ его простыхъ разсказахъ мнѣ чудился волжскій просторъ и поэзія того настроенія, которому наше поколѣніе отдало столько жертвъ. Не знаю, какое впечатлѣніе произвели бы на меня теперь эти записки пропагандиста. Тогда мнѣ чудилась въ нихъ Волга, пристани съ наваленнымъ на нихъ барочнымъ лѣсомъ и два интеллигентныхъ пильщика, жадно приглядывавшіеся къ новому для нихъ міру, или, во всякомъ случаѣ — къ міру съ новой для нихъ точки зрѣнія.

Рогачовъ съ другимъ товарищемъ, фамиліи котораго я не помню, ходили лѣтомъ по волжскимъ пристанямъ, участвуя въ артеляхъ, нанимавшихся для распилки сваленнаго на пристаняхъ лѣса. Теперь уже многое исчезло изъ моей памяти, но нѣкоторые эпизоды остались... Помню, напримѣръ, описанный Рогачовымъ вечеръ на песчаной отмели одной изъ волжскихъ пристаней гдѣ-то, помнится, около Работокъ. Къ костру рыбаковъ, съ которыми ночевали пильщики, подходитъ группа крестьянъ. Они — ходоки отъ общества и возвращаются въ свою деревню ни съ чѣмъ. Дѣло, на ихъ взглядъ, простое: баринъ захватилъ крестьянскія земли...

Былъ ли это дѣйствительно формальный за-

хватъ, или у крестьянъ было только общее фантастическое представленіе объ ихъ «исконномъ правѣ», основанное на томъ, что земля Божія и т. д., — я теперь не помню. Во всякомъ случаѣ мы всѣ тогда раздѣляли взглядъ на землю, какъ на достояніе тѣхъ, кто на ней трудится: тогдашнее революціонное поколѣніе было въ вопросахъ землевладѣнія на сторонѣ крестьянъ, идеализируя притомъ ихъ общину и ея порядки. Въ данномъ случаѣ законъ, истекающій изъ римскаго права, изъ формальныхъ соображеній о срокахъ и давностяхъ, былъ на сторонѣ помѣщика, и крестьяне всюду встрѣчали отказъ. Кажется, доходили даже до царя.

Возникалъ вопросъ: что же дальше? У костра водворилось унылое молчаніе, пока одинъ мужикъ не заявилъ, что теперь міру остается одно средство. Помѣщичій домъ стоитъ надъ волжскимъ откосомъ и окна выходятъ въ глухой садъ. Стоитъ пробраться туда вечеромъ и выпалить въ окно. Этимъ весь вопросъ рѣшится...

— Я громко захохоталъ, — писалъ Рогачовъ въ своихъ запискахъ... и я теперь представлялъ себѣ хохотъ этого богатыря.

Впослѣдствіи такой «бытовой терроръ» серьезно обсуждался и даже примѣнялся, какъ одинъ изъ революціонныхъ пріемовъ. Но тогда еще этого не было, и Рогачовъ сталъ объяснять, при огнѣ костра, что, кромѣ бѣды на всю деревню, этимъ ничего не добьешься. Явятся «законные наслѣдники», и земля все равно не станетъ мужицкой. Виноватъ не тотъ или другой баринъ и не то или другое рѣшеніе

сената, а общія условія русской жизни. Нужно взяться за умъ всѣмъ русскимъ міромъ и на мѣсто господской правды, поддерживаемой царемъ, поставить правду общую, крестьянскую, мірскую, а не царскую... и т. д.

Всѣ мы тогда были народники, и всѣ сочувствовали этимъ идеямъ. Теперь я, конечно, знаю, что картина была не такъ проста, какъ мнѣ тогда представлялось. Авторитетъ царя былъ еще непоколебленъ въ глазахъ крестьянства, и все приписывалось кознямъ хитрыхъ господъ. Разговоры о царѣ, навѣрное, возбуждали въ слушателяхъ Рогачова много сомнѣній и заставляли настораживаться. Но въ тогдашнемъ нашемъ настроеніи все это казалось такъ просто и ясно.

Помню изъ тѣхъ же записокъ еще одинъ эпизодъ. Рогачовъ (на этотъ разъ, кажется, одинъ) пробрался въ какую-то «раскольничью» деревню. Надо замѣтить, что такъ называемый «расколъ», разумѣя подъ нимъ все старообрядчество и сектантство безразлично, представлялся въ глазахъ интеллигенціи настроеннымъ оппозиціонно къ преслѣдующему его правительству. Казалось, это такъ естественно: правительство преслѣдуетъ свободу религіознаго убѣжденія. Значитъ... Но это была еще одна ошибка радикальной интеллигенціи: старообрядчество было, наоборотъ, самая вѣрноподданная и консервативная часть русскаго народа. Но эту ошибку раздѣляло тогда и само правительство, въ интересахъ, разумѣется, господствующей церкви. Рогачовъ опять правдиво и просто описывалъ то, что видѣлъ.

Зайдя въ домъ богатаго старообрядца, находившагося въ то время въ отсутствіи, онъ засталъ здѣсь молодую дѣвушку русскаго типа, очевидно, очень набожную, которая учила маленькаго братишку чтенію. Преподаваніе шло, конечно, по-славянски, мальчикъ разбиралъ по складамъ псалтырь. Прислушавшись къ уроку, неизвѣстный странникъ рѣшилъ вмѣшаться въ него. Учить надо не тому и не такъ. Надо, чтобы мальчику было понятно, о чемъ идетъ рѣчь. И онъ началъ читать популярную тогда нелегальную «сказку о четырехъ братьяхъ». Четыре брата отправляются искать по свѣту правду, и ихъ приключенія въ этихъ поискахъ составляютъ содержаніе сказки. Правды они не находятъ нигдѣ: всюду царитъ неправда, поддерживаемая властями, не исключая и царя. Мальчикъ жадно слушаетъ невѣдомаго странника, читающаго что-то такъ просто и понятно. Дѣвушка сначала тоже заслушивается, но затѣмъ спохватывается, что въ видѣ этого красавца явился соблазнъ и грѣхъ. Въ это время со двора слышенъ стукъ телѣги. Вернулся отецъ. Дѣвушка страстно проситъ странника не заводить такихъ рѣчей при отцѣ.

Цѣлая полоса жизни легла между тѣмъ временемъ и настоящимъ, когда я познакомился съ авторомъ этихъ записокъ. Рогачовъ былъ арестованъ, долго просидѣлъ до суда и послѣ — въ централкѣ. Когда наступилъ судъ сената, то подсудимыхъ, которыхъ цѣлые годы держали въ тюрьмахъ, чтобы судить вмѣстѣ, рѣшили, въ видахъ удобства, раздѣлить на отдѣльныя группы. Масса подсудимыхъ (193),

озлобленная и вообще склонная къ протесту по всякому поводу, рѣшилась не подчиняться, и залъ сената сталъ ареной бурныхъ эпизодовъ. Между прочимъ разсказывали, что Рогачовъ, вырвавшись у жандармовъ, подбѣжалъ къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей сенаторовъ отъ подсудимыхъ, и привелъ судей въ ужасъ, съ огромною силой сотрясая эту рѣшетку, отъ которой его едва удалось оттащить жандармамъ.

И все таки, когда вспоминаешь о томъ времени, невольно приходитъ въ голову: какая это была въ сущности невинная стадія русской революціи!..

Были въ Иркутской тюрьмѣ и другіе представители «большого процесса» и идеалистическаго народничества Порфирій Войнаральскій и Сергѣй Филипповичъ Коваликъ.

Съ ними были связаны нѣсколько эпизодовъ, которые сдѣлали ихъ имена очень популярными въ радикальной (такъ тогда называли) средѣ. Начать съ того, что оба были уже далеко не зеленые юноши, какъ большинство подсудимыхъ. Процессъ застигъ ихъ уже мировыми судьями. Затѣмъ ими, очевидно, такъ дорожили въ революціонной средѣ, что было сдѣлано нѣсколько попытокъ устроить ихъ побѣгъ. Первая попытка была сдѣлана еще въ домѣ предварительнаго заключенія. Обоимъ удалось уже перебраться черезъ стѣну, но одинъ (кажется, Коваликъ), сдѣлалъ прыжокъ, сломалъ себѣ ногу, а другого догналъ на улицѣ на извозчикѣ какой-то доброволецъ изъ

публики. Тогда называли фамилію этого человѣка. Говорили, что, узнавъ, кого именно ему удалось задержать, онъ очень жалѣлъ объ этомъ.

Другая попытка была сдѣлана уже въ то время, когда Войнаральскаго везли въ одну изъ центральныхъ тюремъ Харьковской губерніи. Это было дѣло чрезвычайно смѣлое, даже дерзкое, и о немъ много писали въ газетахъ. Среди бѣлаго дня, когда въ поляхъ работали крестьяне, на почтовую телѣжку, въ которой два жандарма везли Войнаральскаго, напали верховые. Человѣкъ, переодѣтый офицеромъ, остановилъ повозку и сталъ разспрашивать жандарма. Затѣмъ выстрѣломъ изъ револьвера онъ ранилъ этого жандарма и долго гнался вмѣстѣ съ другими по дорогѣ за повозкой, причемъ на эту странную гонку глядѣли равнодушно украинцы, опершись на свои косы. Въ концѣ концовъ, ямщику удалось ускакать. Только дальше, когда погоня уже прекратилась, на дорогу выѣхалъ еще одинъ всадникъ, котораго жандармъ и заподозрилъ въ соучастіи съ первыми. Жандармъ принялъ свои мѣры, и верховой проѣхалъ мимо. Это былъ тотъ самый Медвѣдевъ-Ѳоминъ, о которомъ я говорилъ уже. Теперь онъ былъ уже на Карѣ.

Войнаральскій и Ковaликъ, связанные дружбой на волѣ, были дружны и здѣсь. Войнаральскій былъ человѣкъ небольшого роста, подвижной сангвиникъ. Его пріятель былъ, наоборотъ, большого роста и очень флегматиченъ. Только приглядѣвшись къ этому большому, грузному, какъ бы отяжелѣвшему человѣку,

можно было разглядѣть огоньки юмора, пробѣгавшіе порой въ его глазахъ, и услышать мѣтко-остроумное замѣчаніе. Вообще же онъ производилъ впечатлѣніе помѣщика-сибарита, и арестантскій халатъ порой казался на немъ именно комфортабельнымъ халатомъ. Говорили, что впослѣдствіи, въ Якутской области, онъ оказался очень дѣятельнымъ хозяиномъ, до извѣстной степени культуръ-трегеромъ. По возвращеніи изъ ссылки, послѣ какого-то манифеста, онъ устроился, при помощи старыхъ пріятелей и сослуживцевъ, въ либеральномъ акцизномъ вѣдомствѣ. Я съ нимъ переписывался, но въ послѣднее время мы потеряли другъ друга изъ виду.

CXXVII

ИППОЛИТЪ НИКИТИЧЪ МЫШКИНЪ

Но, быть можетъ, самымъ яркимъ представителемъ не только народническаго періода, но, пожалуй, и всѣхъ напластованій революціи того времени былъ Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ.

Брандесъ въ одномъ изъ своихъ историко-литературныхъ очерковъ, характеризуя настроеніе французскаго общества передъ великой французской революціей, говоритъ объ одномъ французѣ, съ которымъ дѣлались нервные припадки, когда при немъ упоминали слово священникъ (или, не помню точно, аббатъ).

Дѣйствительно, нужно было огромное движеніе въ отдѣльныхъ душахъ, движеніе до извѣстной степени болѣзненное, чтобы всѣ эти индивидуальныя сотрясенія могли вызвать тотъ огромный сдвигъ въ общественной психологіи, который далъ великую французскую революцію. Разумѣется, не во всякой душѣ это сказывалось такъ рѣзко, но во многихъ происходили соотвѣтственныя душевныя сотрясенія, заранѣе уже предвѣщавшія взрывъ вулкана.

Мышкинъ былъ характернымъ представителемъ такого сотрясенія въ душѣ русскаго интеллигента.

Съ другой стороны, великій русскій художникъ Тургеневъ, который, какъ извѣстно, изучалъ русскихъ революціонеровъ, говорилъ о Мышкинѣ Кравчинскому: «вотъ человѣкъ... Ни малѣйшаго слѣда гамлетовщины».

Тургеневъ ошибался: въ Мышкинѣ было много болѣзненнаго и если въ комъ были слѣды процесса, отмѣченнаго Брандесомъ, то это именно въ Мышкинѣ. Правда, наряду съ этимъ, въ немъ были признаки очень сильной личности. Сынъ николаевскаго солдата изъ кантонистовъ и простой крестьянки, онъ выдѣлился уже въ школѣ кантонистовъ яркими способностями и былъ переведенъ въ межевой институтъ, какъ выдающійся воспитанникъ. По окончаніи этого заведенія, онъ изучилъ, кромѣ того, модную тогда стенографію, сталъ правительственнымъ стенографомъ, завелъ собственную типографію и небольшой книжный магазинъ. Всякое практическое дѣло кипѣло у него въ рукахъ. Въ нѣкоторыхъ его біогра-

фіяхъ упоминается, что въ началѣ службы онъ попалъ въ ординарцы къ какому-то штабному генералу, который изобрѣлъ особую систему стенографической азбуки и демонстрировалъ ее передъ Александромъ II. Въ качествѣ секретаря или ординарца при этомъ присутствовалъ и Мышкинъ. При такомъ началѣ, при счастливой наружности и при умѣніи пользоваться благопріятными шансами для личныхъ цѣлей, — ему предстояла блестящая карьера.

Но... Мышкинъ скоро свернулъ на путь, который увлекалъ тогда его поколѣніе. Кажется, что ему пришлось стенографировать процессъ нечаевцевъ для катковскихъ «Московскихъ Вѣдомостей». Очень можетъ быть, что здѣсь впервые проникъ въ него микробъ революціоннаго настроенія.

Какъ бы то ни было, онъ съ прежней дѣловитостью и пламенной энергіей пошелъ по этому новому пути. Въ своей типографіи онъ сталъ печатать книги, хотя сначала и не прямо революціоннаго содержанія, но съ извѣстнымъ подборомъ, такъ сказать, полузапрещенныхъ. Въ качествѣ наборщицъ онъ подобралъ кружокъ интеллигентныхъ дѣвушекъ, между прочимъ, изъ того архангельскаго кружка, о которомъ я говорилъ выше. Представительницу этого кружка я встрѣтилъ въ Перми, въ лицѣ Ларисы Тимофеевны Зарудневой. Она пережила впослѣдствіи довольно крутой переломъ въ сторону религіознаго настроенія, но, сколько мнѣ извѣстно, въ душѣ ея теплился до конца настоящій культъ преклоненія передъ Мышкинымъ.

Такимъ образомъ, у Мышкина въ то время былъ уже кружокъ единомышленницъ и почти готовая нелегальная типографія. Стоило ему случайно познакомиться съ Войнаральскимъ, и его типографія стала печатать революціонныя изданія для саратовскихъ пропагандистовъ.

Однажды, подходя къ дому, онъ замѣтилъ на окнѣ условный сигналъ. Въ квартирѣ происходилъ обыскъ, причемъ жандармы неожиданно наткнулись на цѣлый складъ нелегальщины. Мышкинъ, разумѣется, домой уже не явился. Всѣ наборщицы были арестованы, а самъ Мышкинъ скрылся за границу.

Здѣсь, не довольствуясь обычной жизнью эмигранта, онъ задумалъ экспедицію съ цѣлью освобожденія Чернышевскаго, жившаго въ то время въ Вилюйскѣ. Это было со стороны правительства прямое беззаконіе: за окончаніемъ срока Чернышевскаго должны были бы отпустить на поселеніе, но (опять по высочайшему повелѣнію) этотъ законный порядокъ былъ для него замѣненъ поселеніемъ подъ карауломъ въ особой тюрьмѣ, выстроенной въ Вилюйскѣ для выдающагося повстанца Огрызко (въ то время уже отпущеннаго). Съ этихъ поръ освобожденіе Чернышевскаго стало одной изъ очередныхъ задачъ русскихъ революціонныхъ партій. Есть указанія, что нѣсколько лицъ отправлялось съ этой цѣлью въ Сибирь, въ томъ числѣ извѣстный Германъ Лопатинъ, а въ послѣднее время мнѣ попалось указаніе, что въ этомъ же намѣреніи подозрѣвался и Грибоѣдовъ, который сидѣлъ со мною въ Литовскомъ замкѣ. Но одинъ только Мышкинъ

со своей пламенной энергіей и стремительностью успѣлъ доѣхать подъ видомъ жандармскаго офицера до самаго Вилюйска. Здѣсь его постигла неудача. Говорили, что онъ надѣлъ аксельбантъ не на то плечо, на которое слѣдовало, и что это обратило вниманіе вилюйскаго исправника. Но это, конечно, невѣрно. Мышкинъ самъ служилъ въ военной службѣ и, конечно, хорошо зналъ подробности обмундировки. Но вообще предпріятіе было устроено непрактично: нельзя было миновать якутскаго губернатора. Исправникъ потребовалъ бумаги отъ губернатора, и Мышкину пришлось отправиться въ Якутскъ. При этомъ онъ не могъ не замѣтить, что двое провожатыхъ казаковъ держали себя, какъ караульные, приставленные къ нему. Мышкинъ стрѣлялъ въ нихъ, одного ранилъ, и самъ былъ арестованъ. При этомъ мнѣ кажется, что тутъ уже было много гамлетовщины: Мышкинъ выполнялъ скорѣе долгъ революціонера, чѣмъ дѣйствительно стремился убить обоихъ казаковъ и освободиться.

Какъ бы то ни было, Мышкинъ былъ арестованъ. Здѣсь опять онъ велъ себя не совсѣмъ обычно. Всѣ другіе, попавъ въ положеніе арестованныхъ, относились къ этому по возможности спокойно и держали себя съ провожатыми, какъ случайные спутники.

Мышкинъ держался иначе. Онъ сразу становился въ положеніе воюющей стороны. Простодушный жандармскій офицеръ, отвозившій его въ Иркутскъ, разсказывалъ впослѣдствіи (и это отмѣчаютъ нѣкоторые біографы Мышкина),

сколько ему пришлось натерпѣться дорогой. Когда, напримѣръ, приходили сказать, что лошади поданы, Мышкинъ выходилъ на середину комнаты и становился неподвижно. Я думаю, что онъ ничѣмъ съ своей стороны не желалъ содѣйствовать жандармамъ въ своемъ передвиженіи. Жандармамъ приходилось одѣвать его и вести въ приготовленную повозку. Это, разумѣется, тоже можетъ быть названо тургеневскимъ гамлетствомъ. Это ожесточало провожатыхъ и сильно ухудшало положеніе Мышкина. Простой русскій человѣкъ не понималъ такихъ сложныхъ вещей. Но Мышкинъ менѣе всего думалъ о своемъ положеніи.

Такимъ образомъ, Мышкинъ былъ доставленъ изъ Сибири и попалъ на большой процессъ 193-хъ. Правительство тоже отнеслось къ процессу этихъ наивныхъ идеалистовъ-народниковъ не просто и не спокойно. Оно испугалось, а за испугомъ обыкновенно слѣдуетъ жестокость. Мышкинъ сразу пріобрѣлъ широкую извѣстность. Онъ настоялъ передъ товарищами, чтобы они позволили ему, не въ примѣръ другимъ, произнести въ сенатѣ рѣчь. Онъ, вѣроятно, чувствовалъ въ себѣ незаурядныя ораторскія способности. И, дѣйствительно, когда онъ говорилъ эту рѣчь, въ сенатѣ происходило нѣчто необычайное. Залъ засѣданія прямо кипѣлъ. Жандармы рвались къ Мышкину, его товарищи ихъ не пускали. Профессіональные адвокаты прибѣгали въ волненіи къ другимъ подсудимымъ, чтобы подѣлиться съ ними потрясающими впечатлѣніями отъ «краснорѣчія» Мышкина.

Когда послѣ этого его рѣшили перевести вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими въ крѣпость, онъ, проходя по коридору, поднялъ на ноги весь домъ предварительнаго заключенія. — «Прощайте, товарищи, — кричалъ онъ, — меня ведутъ пытать». Вѣра Николаевна Панютина, сидѣвшая въ то время въ предварительномъ заключеніи, разсказывала мнѣ, что вслѣдъ за этимъ по коридорамъ пронеслась настоящая буря истерикъ, грома по камерамъ и криковъ... Надо замѣтить, что въ то время пытокъ со стороны правительства еще не было. Но Мышкинъ представлялъ себѣ поведеніе враговъ именно такимъ образомъ.

Правительство потеряло голову. Вмѣсто спокойствія силы, можетъ быть, великодушія, царь отвѣтилъ личной жестокостью. Даже сенатъ, принимая во вниманіе долгое предварительное заключеніе (прокуроръ Желеховскій сказалъ съ необыкновеннымъ цинизмомъ, что многихъ держали «для фона»), ходатайствовалъ о значительномъ смягченіи приговора. Были до такой степени увѣрены въ этомъ смягченіи, что многіе заключенные въ ожиданіи были даже отпущены по домамъ.

Царь отказалъ въ этомъ смягченіи. Это вызвало осужденіе даже въ нейтральныхъ слояхъ общества. Царь, очевидно, поддался личному раздраженію. Отпущенные были вновь арестованы и разосланы въ ссылку, а къ тѣмъ, кто заявилъ о себѣ въ процессѣ особенно ярко, примѣнили жестокую систему центральныхъ тюремъ, устроенныхъ нарочно въ Харьковской

губерніи (Ново-Бѣлгородская и Андреевская или Печенѣжская).

Я уже сказалъ, что это произвело самое отрицательное впечатлѣніе даже на нейтральное общество и, можетъ быть, рѣшило участь Александра II-го.

Изъ этихъ двухъ тюремъ Мышкинъ попалъ въ ново-бѣлгородскую, въ которой режимъ былъ особенно тяжелый. Здѣсь онъ, едва осмотрѣвшись, замѣтилъ въ камерѣ шатающуюся половицу и тотчасъ же создалъ планъ побѣга. Снявъ доску, онъ проникъ подъ полъ. Вынося землю, во время прогулки, въ тюремной парашкѣ, которую арестанты выносили сами, онъ уже вывелъ подкопъ за стѣну. Теперь предстояло только выйти изъ-подъ земли съ наружной стороны стѣны. Если часовой не замѣтитъ (Мышкинъ выбралъ для этого канунъ Пасхи), то являлась отдаленная возможность свободы. Случайность разрушила этотъ планъ: тюремный сторожъ заглянулъ въ камеру въ неурочный часъ, именно въ тотъ моментъ, когда Мышкинъ, приподнявъ половицу, выходилъ изъ подкопа. Въ отчаяніи отъ этой неудачи, Мышкинъ рѣшается сдѣлать что-нибудь, влекущее за собой смертную казнь. И вотъ въ какой-то праздникъ, во время торжественнаго богослуженія, онъ наноситъ смотрителю Копнину пощечину въ церкви. Его страшно избили, но эпизодъ кончился все таки неожиданно: это совпало съ «диктатурой сердца», и Мышкина только перевели изъ ново-бѣлгородской въ андреевскую централку, гдѣ режимъ былъ значительно мягче, а затѣмъ всѣхъ цен-

тралистовъ вывезли въ Мценскъ, гдѣ дали имъ отдохнуть и повезли на карійскую каторгу. Вотъ на этомъ пути я видѣлъ ихъ сначала въ Перми, а потомъ въ Иркутскѣ.

Уже изъ этой характеристики читатель видитъ, что Мышкинъ былъ человѣкъ обреченный: у него не было самообладанія и спокойствія, необходимаго въ борьбѣ. Поведеніе враговъ представлялось ему въ преувеличенно-злодѣйскомъ видѣ и къ себѣ онъ былъ безпощаденъ. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Иркутска опять представился случай для новаго выступленія Мышкина. Умеръ, заразившись, кажется, тифомъ, староста нашей партіи, Дмоховскій. Я сказалъ уже выше, что это былъ очень спокойный, уравновѣшенный человѣкъ, что его очень любили заключенные и уважало начальство. Мышкинъ во время похоронной службы въ тюремной церкви вдругъ выступилъ изъ рядовъ и, ставъ у гроба, произнесъ пламенную рѣчь, которую закончилъ словами: «на почвѣ, удобренной нашей кровью, расцвѣтетъ могучее дерево русской свободы». Всѣ были настолько ошеломлены властнымъ потокомъ мышкинскаго краснорѣчія, что никто изъ начальства не рѣшился остановить его. И только, когда рѣчь уже была кончена, то священникъ, испуганный и раздраженный, крикнулъ: «врешь, не выростетъ, врешь, не выростетъ!»

За эту рѣчь Мышкину прибавили еще 15 лѣтъ каторги. Она была произнесена только въ присутствіи своихъ и тюремнаго начальства, и говорили, что на этотъ разъ и самъ Мыш-

кинъ пережилъ нѣкоторую рефлексію: онъ высказалъ передъ товарищами сомнѣніе, слѣдовало ли ему произносить ее.

По прибытіи на Кару партія тотчасъ же затѣяла побѣгъ. Надо замѣтить, что этотъ періодъ, то-есть періодъ передъ приходомъ партіи централистовъ, былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ на Карѣ. Къ тяжелому режиму присоединились внутренніе раздоры и дрязги среди самихъ заключенныхъ. Я не знаю этого точно, но то, что разсказывали заключенные, рисуетъ это время самыми мрачными красками. Говорили даже объ убійствѣ въ своей собственной средѣ. Прибытіе централистовъ, конечно, немного разсѣяло эту затхлую атмосферу, но все таки раздоры среди политическихъ каторжанъ продолжались. Претендентовъ на первую очередь при побѣгѣ было нѣсколько, въ томъ числѣ Александръ Юрковскій («Сашка инженеръ») и одесситъ Минаковъ. Это были представители того пласта революціонеровъ, въ которомъ выступилъ на первый планъ элементъ приключеній, что, конечно, значительно понижало самый типъ революціонера. Минаковъ былъ сосланъ изъ Одессы за покушеніе на убійство шпіона. Онъ уже заявилъ себя нѣсколькими попытками побѣга, задуманными и исполненными довольно легкомысленно.

По тщательномъ обсужденіи, сопровождаемомъ болѣе или менѣе страстными спорами, партія отдала предпочтеніе Мышкину, предоставивъ ему выбрать себѣ товарища. Онъ выбралъ рабочаго Хрущова. Вся партія содѣй-

ствовала побѣгу: для повѣрки устраивали чучела, и, такимъ образомъ, довольно долго удавалось маскировать побѣгъ. Мышкинъ и Хрущовъ достигли Благовѣщенска, и имъ оставалось только сѣсть на американскій пароходъ. Но въ это время Минаковъ заявилъ, что онъ не ждетъ ни одного дня сверхъ срока, и опять совершилъ побѣгъ такъ легкомысленно и необдуманно, что черезъ нѣсколько дней самъ явился изъ тайги на кухню смотрителя и отдался въ руки начальства. Тогда, разумѣется, открылось также отсутствіе Мышкина и Хрущова... Въ Благовѣщенскъ была снаряжена погоня, и бѣглецы схвачены чуть не наканунѣ отправленія американскаго парохода.

За этотъ побѣгъ Мышкина и Минакова перевели въ Шлиссельбургскую крѣпость. Здѣсь ихъ встрѣтилъ тотъ ужасающій режимъ, о которомъ теперь читающая публика знаетъ изъ многихъ воспоминаній. Тутъ оправдались самыя фантастическія представленія Мышкина о врагахъ, только и думающихъ о всяческихъ униженіяхъ тѣхъ, кто попалъ въ ихъ руки. Режимъ Шлиссельбурга останется вѣчнымъ позоромъ на прошломъ режимѣ, начиная отъ царей и кончая послѣдними жандармами. Весь этотъ составъ былъ тщательно подобранъ, причемъ исключались всѣ признаки человѣчности. Даже врачи (за рѣдкими исключеніями) боялись проявить по отношенію къ узникамъ искру человѣческаго чувства. Вскорѣ Минаковъ нанесъ ударъ тюремному доктору. Въ объясненіи передъ судомъ онъ заявилъ, что подозрѣваетъ этого доктора въ томъ, что вмѣсто лѣ-

карства онъ давалъ ему ядъ. Это, конечно, было невѣрно, но показывало тонъ отношеній между врачами и заключенными. Въ сущности несомнѣнно, что Минаковъ былъ ненормаленъ. Но его все таки повѣсили на тюремномъ дворѣ.

Тогда для Мышкина наступила страшная душевная драма. Когда Минакова вели на казнь (это было для его товарищей совершенно неожиданно), онъ крикнулъ въ коридорѣ: «Прощайте, товарищи, меня ведутъ убивать». Ему никто не отвѣтилъ. Не отвѣтилъ и Мышкинъ. Но Мышкинъ не умѣлъ прощать себѣ даже и случайныхъ промаховъ въ отношеніи товарищей. Послѣ казни Минакова онъ много разъ повторялъ: «Какъ, должно быть, тяжело было Минакову всходить на висѣлицу съ мыслью, что никто изъ товарищей не откликнулся на его послѣднее прости». При этомъ у Мышкина, вѣроятно, вставало воспоминаніе о личныхъ столкновеніяхъ съ Минаковымъ на Карѣ. И вотъ у Михаила Родіоновича Попова, ближе всѣхъ помѣщавшагося къ Мышкину и часто съ нимъ перестукивавшагося, стало являться подозрѣніе, что онъ что-то затѣваетъ. Онъ пересталъ откликаться на его стуки. Потомъ наканунѣ Рождества стуки опять возобновились, всю ночь Мышкинъ говорилъ о матери. Онъ просилъ Попова, чтобы, если онъ, Мышкинъ, умретъ, не повидавшись съ нею, передать ей, что онъ умеръ съ мыслью о ней.

Въ это время онъ принялъ уже свое рѣшеніе. 25 декабря, когда смотритель обходилъ камеры, послышался звонъ металлической тарелки, по-

катившейся съ лѣстницы. Это Мышкинъ бросилъ въ смотрителя тарелкой. Оскорбленіе было, должно быть, символическое. Мышкинъ казнилъ себя за то, что не отвѣтилъ товарищу на его послѣднее прощаніе. Жандармы остались вѣрны себѣ до конца. Мышкина, прежде всего, безчеловѣчно избили, а потомъ на его столѣ товарищи нашли надпись: «26 января, я, Мышкинъ, казненъ»...

Впослѣдствіи изъ стѣнъ крѣпости вынырнули на свѣтъ и подробности казни. Мышкина разстрѣляли на заднемъ дворѣ крѣпости, гдѣ были сложены штабели дровъ. До послѣдней минуты онъ думалъ о матери. Отъ одного жандарма, служившаго въ то время въ крѣпости, мой знакомый слышалъ, что его послѣднія слова были: «мама, мама». Другой жандармъ разсказывалъ, что когда его уже вели на казнь, навстрѣчу ему попалась какая-то старушка, навѣрное изъ семьи кого-нибудь изъ служащихъ въ самой крѣпости. Онъ и къ ней кинулся съ тѣми же словами: «мама, мама».

Но его ждала не мать, а открытая могила. Его похоронили тутъ и опять заровняли мѣсто штабелями дровъ...

Такъ кончилъ жизнь этотъ страстотерпецъ революціи...

Въ этомъ разсказѣ я сильно забѣжалъ впередъ. Въ то время, когда я былъ въ иркутской тюрьмѣ, трагедія Мышкина вся еще была впереди, хотя я теперь не могу избавиться отъ впечатлѣнія, что надъ нимъ и тогда уже носилась ея мрачная тѣнь.

Въ то время онъ постоянно былъ окруженъ самыми скромными рабочими. Я никогда не видѣлъ, чтобы во время прогулокъ онъ ходилъ съ Петромъ Алексѣевымъ, прославившимся въ радикальныхъ кругахъ яркой рѣчью на процессѣ 50-ти. Постояннымъ его спутникомъ былъ рабочій Александровъ. Это была фигура самая неблестящая во всей нашей партіи. Онъ былъ изъ такъ называемыхъ «шпитонцевъ», то-есть подкидышей Воспитательнаго дома. Александровъ, какъ и другой постоянный спутникъ Мышкина, Герасимовъ (впослѣдствіи въ одномъ изъ историческихъ журналовъ были помѣщены его воспоминанія), — были на первые годы отданы на вскормленіе въ окрестныя финскія села, что оставило на ихъ рѣчи тотъ нѣсколько комическій оттѣнокъ, который я отмѣчалъ у первой моей петербургской хозяйки, Мавры Максимовны Цывенко. Мышкинъ относился къ Александрову съ трогательной внимательностью. Они постоянно ходили по дворику, постоянно о чемъ-то бесѣдуя. Однажды, когда я гулялъ съ Мышкинымъ и Александровымъ по нашему тѣсному дворику, къ намъ подошелъ Михаилъ Петровичъ Сажинъ и, съ веселыми огоньками въ глазахъ, сказалъ мнѣ:

— Спросите у Александрова, откуда произошли люди. Рекомендую — это у насъ новый Дарвинъ.

Мышкинъ насупился, а Александровъ съ простодушной готовностью сталъ мнѣ объяснять свою теорію.

— Были когда-то такія насѣкомины. И жили

они на деревахъ. Такихъ деревовъ уже теперь нѣту, да и такихъ насѣкоминъ тоже нѣту. На деревахъ росли особые плоды. Вотъ надо такой насѣкоминѣ сорвать плодъ. Сейчасъ она дѣлаетъ упоръ на заднія лапы. Вотъ и ноги... А передними лапами тянется, срываетъ плодъ и подноситъ его ко рту. Вотъ тебѣ и руки. Такъ по малу и выработался человѣкъ.

Я невольно улыбнулся. Мышкинъ посмотрѣлъ на меня съ укоромъ. Онъ сразу омрачился при шуткѣ Сажина, а теперь еще болѣе насупился при моей улыбкѣ. Думаю, что мнѣ впослѣдствіи такъ и не удалось ближе сойтись съ Мышкинымъ, хотя у насъ уже начиналось сближеніе, именно вслѣдствіе шутки Сажина и этой моей улыбки. По тому виду, съ какимъ онъ старался вслушаться въ рѣчи Александрова, было замѣтно, что онъ относится къ нему серьезно, внимательно и съ своего рода уваженіемъ.

CXXVIII

ТРАГЕДІЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІОННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ — БОРЬБА БЕЗЪ НАРОДА — ВООРУЖЕННЫЯ СОПРОТИВЛЕНІЯ — ТЕРРОРИСТИЧЕСКІЯ УБІЙСТВА — МОЙ ЗЕМЛЯКЪ КОБЫЛЯНСКІЙ

Я такъ долго остановился на трагической фигурѣ Мышкина потому, что въ большей или меньшей степени это была трагедія всей тогдашней русской революціонной интеллиген-

ціи. Положеніе это было создано поразительнымъ политическимъ невѣжествомъ народа, инертностью общества и проснувшимся сознаніемъ въ части интеллигенціи, которая одна рѣшилась на борьбу съ могущественнымъ государствомъ, какъ ослѣпленный Самсонъ среди пирующихъ филистимлянъ. Народъ былъ еще весь во власти легенды о непрестанной царской милости. Крестьянство, даже въ случаѣ сильнаго раздраженія, можно было поднять на сопротивленіе только подложными царскими грамотами, какъ это было въ случаѣ съ возстаніемъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Рабочіе, правда, начинали уже кое-гдѣ просыпаться, но это были еще только отдѣльные индивидуальные случаи, и они только увеличивали число жертвъ, не придавая замѣтной силы движенію. Самымъ яркимъ представителемъ такихъ рабочихъ былъ Петръ Алексѣевъ, тоже бывшій тогда въ Иркутскѣ. Это былъ коренастый, сильный человѣкъ, по виду больше крестьянинъ, чѣмъ рабочій, настоящая черноземная сила. Его рѣчь произвела тогда сильное впечатлѣніе. Онъ говорилъ, что одна революціонная интеллигенція стоитъ за интересы рабочаго народа и будетъ стоять за нихъ до тѣхъ поръ, «пока не подымется мускулистый кулакъ народныхъ массъ и не свергнетъ ярмо деспотизма». Но до этого было еще далеко.

Въ проснувшейся послѣ великой реформы странѣ, политическая жизнь была задержана, казалось, навсегда. Всякая попытка самостоятельнаго исканія выхода прекращалась самыми варварскими мѣрами. А между тѣмъ интелли-

генція уже проснулась и живо почувствовала безправное положеніе страны. Но ей оставалось только тѣми или другими пріемами пробуждать политически спящій народъ. Мышкинъ, съ его интенсивной болью, съ его попытками подать голосъ къ народу и обществу изъ-за крѣпко запертыхъ стѣнъ сената, — былъ настоящимъ выразителемъ положенія. Въ безсильной и отдѣленной отъ народа революціонной средѣ начинались процессы изолированной борьбы. Въ февралѣ 1877 года въ Москвѣ разбирался процессъ 50-ти. При арестѣ одного изъ участниковъ, кавказца, кн. Циціанова, произошелъ слѣдующій эпизодъ. Циціановъ долго ходилъ въ задумчивости по комнатѣ, въ которой жандармы производили обыскъ, какъ будто глубоко что-то обдумывая, потомъ внезапно выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ. Не помню теперь, ранилъ ли онъ кого-нибудь или это былъ только символъ сопротивленія. Помню, однако, что и тогда вся обстановка этого выстрѣла давала впечатлѣніе не столько непосредственнаго импульса, сколько рефлексіи и раздумья. Этотъ выстрѣлъ былъ какъ будто откликомъ долгихъ разговоровъ въ революціонной средѣ. Въ мое время Циціановъ тоже былъ въ Иркутскѣ и впослѣдствіи я еще разъ видѣлъ его на обратномъ пути въ Киренскѣ, въ семьѣ Джабардари. Онъ держался все такъ же молчаливо и производилъ впечатлѣніе не вполнѣ нормальнаго.

Примѣръ находилъ откликъ. Въ 1878 году разбирался въ Одессѣ процессъ о вооруженномъ сопротивленіи Ковальскаго, который кон-

чился его казнію. Было не мало указаній, что это былъ тоже не непосредственный импульсъ ненависти, а сопровождаемое рефлексіей исполненіе какъ бы программнаго долга. Говорили тоже, что Ковальскій сильно жалѣлъ о своемъ поступкѣ и надѣялся, что его не казнятъ, но никакого малодушія не проявилъ. Въ Одессѣ по этому поводу произошли уличныя демонстраціи, помнится, даже съ выстрѣлами. У насъ были представители этого дѣла; Виташевскій (совсѣмъ еще юноша) и Кленовъ, оба выдержавшіе режимъ централки.

За этимъ слѣдовали вооруженныя сопротивленія при арестѣ типографій. Въ особенности много говорили въ свое время о сопротивленіи въ Саперномъ переулкѣ, при которомъ одинъ человѣкъ (Лубкинъ) застрѣлился, сдѣлавъ предварительно нѣсколько выстрѣловъ въ обыскивавшихъ. У насъ было два представителя этого дѣла: Бухъ и Цукерманъ. Бухъ былъ серьезный молодой еще человѣкъ, съ рѣзкими чертами лица, но особенно запомнилась мнѣ выразительная фигура Цукермана. Это былъ типичный еврей изъ рабочихъ (наборщикъ), очень плохо говорившій по русски, такъ что все, что бы онъ ни говорилъ, пріобрѣтало невольно комическій оттѣнокъ. Разсказывали между прочимъ слѣдующій эпизодъ процесса. Послѣ своей побѣды полиція и жандармы страшно избили уже связанныхъ революціонеровъ. Подсудимые при помощи адвокатовъ старались освѣтить этотъ эпизодъ, полиція, разумѣется, это отрицала. Особенно отрицалъ это одинъ приставъ, лично избивавшій какъ разъ Цукермана.

— Какъ же ви говорите, что ви меня не били. А кто мнѣ далъ двѣ подщечины по спинѣ.

Въ публикѣ и даже среди судей раздался невольный смѣхъ. Приговоръ по этому дѣлу былъ сравнительно мягкій. Несмотря на вооруженное сопротивленіе, смертныхъ казней, помнится, не было. Я любилъ бесѣдовать съ Цукерманомъ и убѣдился, что, несмотря на комизмъ его рѣчи (который онъ по временамъ нарочно усиливалъ), это былъ человѣкъ умный и даже по своему развитой.

Возрастали также случаи террористическихъ убійствъ.

Въ 1881 году былъ убитъ въ Харьковѣ губернаторъ Крапоткинъ. Когда онъ проѣзжалъ по городу, на подножку его кареты вскочилъ молодой человѣкъ и убилъ его выстрѣломъ въ упоръ. Это убійство было отвѣтомъ на жестокій режимъ центральныхъ тюремъ и показывало, какое ожесточеніе вызывалось этимъ. Какое это было самоотверженное ожесточеніе. То, что терялось въ смыслѣ распространенія идей, революціонная среда рѣшилась вознаградить страшной интенсивностью движенія въ своей средѣ. Помнится, исполнителемъ убійства харьковскаго губернатора былъ еврей Гольденбергъ. Во время процесса, который не могъ для него кончиться иначе, какъ казнію, Гольденбергъ раскаялся и далъ подробныя показанія, въ которыхъ, помнится, не было прямого доноса, но было много показаній, ко-

торыми, въ концѣ концовъ, жандармы сумѣли воспользоваться. Вскорѣ послѣ этого Гольденбергъ бѣжалъ, и тогда говорили, что этотъ побѣгъ былъ заранѣе условленъ, какъ награда за измѣну. Несомнѣнно, что у этого очень экспансивнаго человѣка перспектива висѣлицы сыграла при этомъ большую роль. Это былъ не Мышкинъ. Но мнѣ тогда казалось, что перомъ Гольденберга водила не одна трусость. Было что-то еще въ этомъ нервномъ стилѣ, что говорило и объ извѣстной степени искренности. Тогда его записка была напечатана въ газетахъ, и въ ней мнѣ невольно чувствовалась душа увлекавшагося человѣка, останавливавшагося теперь въ раздумьи предъ страшнымъ путемъ, на который толкала революціонную интеллигенцію сила вещей.

Одного изъ участниковъ Гольденберговскаго дѣла мнѣ пришлось встрѣтить въ Иркутскѣ. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Иркутскую тюрьму, проходя по коридору, я неожиданно попалъ въ объятія неизвѣстнаго мнѣ молодого человѣка...

— Я — Кобылянскій изъ Ровно, — сказалъ онъ въ объясненіе, видя, что я не могу признать его.

Въ нашемъ городѣ была дѣйствительно семья Кобылянскихъ изъ той разорившейся шляхты, о которой я какъ-то говорилъ выше и которая служила какъ бы промежуточнымъ слоемъ между учащейся интеллигенціей и рабочими. Другіе два его брата за недостаткомъ

средствъ, были отданы въ ученіе ремеслу. Никто изъ нихъ особенными способностями не отличался, но всѣ представляли много искренности и порыва. Старшій, впрочемъ, одно время игралъ довольно видную роль въ эмиграціи драгомановскаго толка, хотя, помнится, подъ другой фамиліей. Съ среднимъ мнѣ пришлось впослѣдствіи встрѣтиться въ Якутской области и даже возвращались мы вмѣстѣ. Теперь передо мною былъ младшій изъ братьевъ. Я его лично не зналъ, но онъ меня видѣлъ много разъ на улицахъ Ровно, можетъ быть съ братомъ, и теперь бросился обнимать меня, какъ родного. Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, широкоплечій, медвѣжатый и очень экспансивный. Во всѣхъ его пріемахъ сквозила крайняя искренность, и я понялъ, почему онъ съ такой легкостью отдался борьбѣ и почему его привлекла месть за жестокость въ центральныхъ тюрьмахъ.

Мнѣ приходится упомянуть еще о нѣсколькихъ заключенныхъ народническаго направленія. Это были Пекарскій, Іоновъ, Сѣряковъ, судившіеся за попытки пропаганды среди рабочихъ и даже въ войскахъ. Попавъ въ Якутскую область, Пекарскій и Іоновъ стали серьезными изслѣдователями якутскаго быта, и можетъ быть, въ этомъ было ихъ настоящее призваніе.

Вспоминаю еще Быдарина, очень картинно разсказывавшаго эпизоды изъ времени своего

пребыванія съ цѣлью пропаганды на рыбныхъ промыслахъ Каспійскаго моря. Впослѣдствіи онъ прислалъ эти очерки въ «Русское Богатство», но они не могли быть помѣщены по цензурнымъ условіямъ.

CXXIX

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОРЪ

Партія уже довольно долго путешествовала вмѣстѣ и, конечно, имѣла время переговорить о многомъ. Но централисты въ своихъ каменныхъ мѣшкахъ такъ сильно отстали отъ жизни, что у нихъ было еще много о чемъ разспросить у людей, дѣйствовавшихъ въ послѣдніе годы. По временамъ къ какой-нибудь камерѣ собиралась толпа. Кто-нибудь разсказывалъ о какомъ-нибудь выдающемся эпизодѣ изъ недавняго прошлаго. Происходили подробные разспросы, порой возникали споры. Особенно запомнился мнѣ одинъ такой разговоръ.

Въ центрѣ большой камеры, на столѣ, сидѣлъ, свѣсивъ короткія ноги, Зунделевичъ и разсказывалъ о знаменитомъ Липецкомъ съѣздѣ, на которомъ было рѣшено цареубійство. Онъ приводилъ разговоры на этомъ съѣздѣ, фамиліи участниковъ, изъ которыхъ многихъ уже не было въ живыхъ. Тонъ разсказа былъ грустный и серьезный. Слушали разсказъ тоже грустно и серьезно съ жаднымъ вниманіемъ. Слушатели сидѣли вокругъ разсказчика на та-

буреткахъ, на кроватяхъ, порой прямо на полу. Помню фигуру Рогачова. Онъ сидѣлъ на тюремной кровати, не спуская глазъ съ Зунделевича.

Зунделевичъ былъ человѣкъ небольшого роста, съ огромной окладистой черной бородой. Борода придавала ему, на первый взглядъ, довольно суровый видъ, но достаточно было обмѣняться съ нимъ нѣсколькими разговорами, чтобы увидѣть необыкновенную мягкость, даже кротость, сквозившую во всѣхъ чертахъ его лица.

Я сблизился съ нимъ еще тогда же, въ Иркутскѣ, и меня поразило, что такіе добродушные люди могли принимать такія рѣшенія. Это, очевидно, указывало на ту психическую инерцію, которая неудержимо толкала тогдашнюю революціонную интеллигенцію на путь террора и притомъ, какъ тогда говорили, на путь «террора центральнаго». Это было сильнѣе индивидуальныхъ свойствъ характера.

Липецкъ — небольшой городокъ Тамбовской губерніи, съ уѣздно-патріархальными нравами и такой же полиціей. Тамъ и состоялось рѣшающее конспиративное собраніе. Къ этому времени предубѣжденіе противъ конституціоннаго строя, долго державшееся въ нашей революціонной средѣ, стало разсѣиваться. Чувствовалась необходимость открыть форточку, чтобы просвѣжить затхлую политическую атмосферу Россіи. Къ этому убѣжденію пришли многіе, въ томъ числѣ недавно примкнувшій къ исполнительному комитету Желябовъ. Но Александръ II попрежнему держался въ

центрѣ реакціи и сошелъ съ этой дороги, когда уже было поздно. Мѣсто свирѣпыхъ на видъ, но въ сущности очень скромныхъ народниковъ, произносившихъ потрясающія рѣчи, какъ Мышкинъ, и потрясавшихъ въ буквальномъ смыслѣ рѣшетки сената, какъ Рогачовъ, занимали Квятковскіе, Кибальчичи, Желябовы, въ самой корректной формѣ объяснявшіе суду устройство минъ, которыми былъ убитъ Александръ II. Народники мечтали не о конституціи, а о всеобщемъ катаклизмѣ, который сразу перевернетъ весь строй. То, что шло на смѣну народничества, было скромнѣе по задачамъ, но гораздо опаснѣе по исполненію. Теперь Рогачовъ и Мышкинъ съ жаднымъ вниманіемъ слушали разсказъ добродушнаго Зунделевича о Липецкомъ съѣздѣ.

Зунделевичъ разсказывалъ: на съѣздѣ было прочитано прощальное письмо Валеріана Осинскаго (казненнаго въ 1879 г. и напечатанное впослѣдствіи въ одномъ изъ номеровъ «Земли и Воли»). Александръ Михайловъ произнесъ длинный обвинительный актъ противъ Александра II, который во вторую половину царствованія уничтожилъ почти все то добро, которое онъ допустилъ сдѣлать передовымъ дѣятелямъ шестидесятыхъ годовъ подъ впечатлѣніемъ севастопольскаго погрома». Когда послѣ этого на съѣздѣ былъ поставленъ вопросъ: «должно ли этому царю проститься все то зло, которое онъ уже сдѣлалъ и еще сдѣлаетъ въ будущемъ», всѣ присутствовавшіе единогласно отвѣтили «нѣтъ», и этимъ судьба Александра II-го была рѣшена. Нельзя сказать, чтобы на-

родничество сразу уступило. Оно долго держалось своей точки зрѣнія. Теперь изъ нѣкоторыхъ воспоминаній видно, что, когда ранѣе въ Петербургъ явился Соловьевъ съ проектомъ покушенія на Александра II-го, то народники, исходя изъ того несомнѣннаго факта, что народъ признаетъ заслуги «царя-освободителя», долго и страстно возражали. Раздавались даже голоса, что необходимо предупредить царя объ опасности. И затѣмъ рядомъ съ террористическимъ исполнительнымъ комитетомъ возникла партія народной воли, направленія народническаго.

Когда Зунделевичъ среди глубокаго молчанія закончилъ свой разсказъ, народническая точка зрѣнія заговорила устами Рогачова:

— Скажите, Зунделевичъ, — спросилъ онъ, — что вы имѣли въ виду, посягая на жизнь царя, котораго весь народъ еще признавалъ своимъ освободителемъ?

На этотъ вопросъ, поставленный въ упоръ, Зунделевичъ нѣсколько смѣшался. Очевидно готоваго отвѣта у него не было.

— Мы думали, — отвѣтилъ онъ, — что это произведетъ могучій толчокъ, который освободитъ присущія народу творческія силы и послужитъ началомъ соціальной революціи.

— Ну, а если бы этого не случилось, и народъ соціальной революціи не произвелъ... какъ и вышло въ дѣйствительности... Тогда что?..

Зунделевичъ задумался какъ бы въ колебаніи и потомъ отвѣтилъ:

— Тогда... тогда мы думали... принудить...

Рогачовъ захохоталъ такъ искренно и звонко, что мнѣ невольно вспомнились его записки и хохотъ его на волжской пристани при проектѣ мужиковъ разрѣшить земельный вопросъ убійствомъ помѣщика. Для меня же стало ясно еще разъ то, что выяснилось при разговорѣ съ Юріемъ Богдановичемъ еще въ Перми: ударъ былъ нанесенъ въ отчаяніи, технически увѣренно, но совершенно слѣпо. Народники были правы: цареубійство не послужило толчкомъ для дальнѣйшаго движенія, и Россія пережила еще долгій періодъ реакціи, можетъ быть, болѣе долгій, чѣмъ было бы безъ этого...
1-ое марта было просто актомъ отчаянія.

CXXX

ДѢЛО О ПРОЛОМѢ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТІЕЙ ТЮРЕМНОЙ СТѢНЫ — НОВЫЙ ТИПЪ АДМИНИСТРАТОРА — ГЕНЕР.-ГУБЕРНАТОРЪ АНУЧИНЪ — ЕГО ПОДЧИНЕННЫЙ СОЛОВЬЕВЪ

Я пріѣхалъ въ Иркутскъ 30 сентября, а выѣхалъ оттуда только вечеромъ 6 ноября. Болѣе мѣсяца меня вмѣстѣ съ другими пересыльными держали потому, что въ это время надъ нашей партіей производилось разслѣдованіе о «проломѣ тюремной стѣны».

Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ я говорилъ о «хорошихъ людяхъ на плохихъ мѣстахъ». Такихъ хорошихъ людей я встрѣчалъ

на разныхъ ступеняхъ, начиная съ вятскаго и вышневолоцкаго тюремнаго смотрителя (читатель припомнитъ Ипполита Павловича Лаптева) и кончая служителями и даже жандармами въ III отдѣленіи, которые разными пріемами ухитрялись сообщать мнѣ свѣдѣнія о братьяхъ. Присутствіе такихъ людей смягчало для насъ суровыя впечатлѣнія и давало лучшія представленія о человѣческой природѣ.

Постепенно, однако, въ администраціи происходилъ своего рода психологическій отборъ, и составъ ея мѣнялся... На плохія мѣста становились плохіе, жестокіе люди. Закончилось это Шлиссельбургомъ и систематическими пытками въ тюрьмахъ... Самодержавію нужны были уже не Ипполиты Лаптевы, а люди, готовые на всякія низости, лишь бы это било по врагамъ самодержавія. Всякое человѣческое чувство по отношенію къ заключеннымъ тщательно изгонялось.

Въ Иркутскъ около этого времени былъ назначенъ новый генералъ-губернаторъ Анучинъ. Это назначеніе вызвало въ свое время много надеждъ. Анучинъ былъ серьезный военный писатель. Онъ написалъ военную исторію пугачевскаго бунта, а также рядъ статей по землевладѣнію въ остъ-зейскомъ краѣ. Какъ всегда, въ такихъ случаяхъ, русское общество и печать предались излишнимъ надеждамъ. Ядринцевъ, издававшій «Восточное обозрѣніе» въ Петербургѣ, издатели газеты «Сибирь», Загоскинъ и Нестеровъ въ Иркутскѣ, привѣтствовали назначеніе писателя на постъ генералъ-губернатора, какъ «начало новой эры».

Вскорѣ наступило разочарованіе. Первые же шаги Анучина разрушили всѣ надежды. При немъ началась полоса небывалыхъ преслѣдованій мѣстной печати. Одинъ изъ двухъ редакторовъ-издателей «Сибири», былъ человѣкъ, не лишенный остроумія. Въ объясненіе своей ошибки съ привѣтствіемъ, онъ пустилъ среди иркутскаго общества шутку, будто на настоящаго Анучина, просвѣщеннаго человѣка и писателя, какая-то шайка бѣглыхъ каторжниковъ сдѣлала по дорогѣ нападеніе. Настоящій Анучинъ былъ ими убитъ и теперь на посту восточно-сибирскаго ген.-губернатора водворился бѣглый каторжникъ. Въ то время эта острота была въ большомъ ходу и дошла даже до Якутска.

Анучинъ сталъ подбирать свой составъ администраціи. Для того, чтобы выдѣлиться при немъ, недостаточно было строго блюсти законъ и быть справедливымъ, нужно было еще питать завѣдомую злобу къ идеямъ извѣстнаго порядка и къ людямъ, которые эти идеи проводятъ. Это, впрочемъ, водворялось и ранѣе во всей Россіи, страшно исказило и принизило власть, можетъ быть, погубило Александра II.

Видную роль при Анучинѣ игралъ нѣкто Соловьевъ. Въ мое время онъ былъ въ тюрьмѣ два раза и каждый разъ меня поражало выраженіе какой-то холодной жестокости въ довольно изящномъ лицѣ этого казачьяго офицера. Мнѣ разсказывали, что еще до моего пріѣзда Соловьевъ внезапно вошелъ въ большую камеру и очень увѣренно направился къ нарамъ. Здѣсь, произведя, по очевидному плану,

розыски подъ нарами, администрація нашла проломъ въ стѣнѣ. Тотчасъ же всѣхъ перевели въ другую камеру, и началось дѣло. Соловьевъ утверждалъ, что проломъ сдѣланъ политическими съ цѣлью побѣга. Сообщили объ этомъ Анучину, наряжена была комиссія.

Со стороны арестантовъ при осмотрѣ присутствовали староста Дмоховскій и Михаилъ Петровичъ Сажинъ. Послѣдній сразу обратилъ вниманіе на то, что подъ нарами оказался слой многомѣсячной пыли, которая не могла бы образоваться въ короткое пребываніе здѣсь политической партіи. Соловьевъ объяснилъ это тѣмъ, что арестанты нарочно насыпали эту пыль. «Знаемъ мы, какъ ловко это дѣлается...»

Но натяжка была очевидна. Въ комиссіи образовалось два мнѣнія. Меньшинство, съ Соловьевымъ во главѣ, настаивали на томъ, что это сдѣлано политическими съ цѣлью побѣга. Но большинство отрицало это и успокаивало нашихъ депутатовъ. На этой сторонѣ былъ и губернскій прокуроръ.

Скоро выяснилось, что за стѣной помѣщались уголовныя женщины, и арестанты проломили стѣну, чтобы сообщаться съ ними. Выяснилось даже больше; о проломѣ знала администрація тюрьмы и смотритель сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы къ приходу политической партіи проломъ былъ задѣланъ, что не было исполнено надзирателемъ. Но объ этомъ и смотритель, и надзиратель въ комиссіи умолчали, зная, что это разоблаченіе будетъ не угодно Соловьеву. Надзиратель сталъ теперь однимъ изъ

главныхъ пособниковъ Соловьева... Дѣло стояло почти въ открытую; «благонамѣренность» требовала обвиненія политическихъ. Однако, это было уже слишкомъ. Большинство комиссіи не согласилось съ Соловьевымъ, и благонамѣренная версія провалилась. Съ другой стороны, несмотря на явную злостность этой версіи, доходившей почти до подлоговъ, — это не могло повредить Соловьеву въ глазахъ Анучина. Это было все таки «благонамѣренно». Дѣло кончилось заключеніемъ комиссіи и прекращеніемъ дѣла о подкопѣ тюремной стѣны.

Интересна дальнѣйшая судьба Соловьева. Онъ былъ переведенъ на Сахалинъ главнымъ завѣдующимъ Сахалинскими тюрьмами. Мѣсто было чрезвычайно доходное, но здѣсь Соловьева погубила излишняя жестокость. Своей, почти не ограниченной властью, онъ пользовался въ амурныхъ цѣляхъ. Между тѣмъ, какъ бы низко ни пала извѣстная среда, — она все таки стремится оградить свои бытовыя основы извѣстными условіями[1]). Соловьевъ не принялъ это въ соображеніе и завелъ свои поползновенія слишкомъ далеко. Сахалинцы сдѣлали засаду... и оскопили своего начальника.

Надзиратель, который былъ правой рукой Соловьева въ дѣлѣ о подкопѣ, былъ впослѣдствіи убитъ административнымъ ссыльнымъ Легкимъ, впрочемъ, безъ связи съ этимъ дѣломъ. Легкій былъ за это казненъ.

---

[1]) См. напр. главу «Бродячій бракъ», въ моемъ очеркѣ «Марусина Заимка».

CXXXI

ПОСЛѢДНІЯ ИРКУТСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ — РАБОЧІЙ БАЧИНЪ И ТРАГЕДІЯ ЮЖАКОВОЙ

Однажды я гулялъ съ Мышкинымъ и Александровымъ по нашему небольшому дворику. Въ это время невдалекѣ брякнула форточка, и въ одномъ изъ противолежащихъ оконъ, изъ-за тюремной рѣшетки, показалась фигура арестанта.

— Это Бачинъ, — сказалъ про себя Мышкинъ и подошелъ къ оградѣ нашего дворика, видимо намѣреваясь вступить въ разговоръ.

Я уже зналъ эту фамилію. При проѣздѣ моемъ черезъ Красноярскъ, Сергѣй Николаевичъ Южаковъ сообщилъ мнѣ, что въ Иркутскѣ я, вѣроятно, увижу его сестру, Елизавету Николаевну Южакову. Она была сослана въ Балаганскъ, Иркутской губ. и оттуда бѣжала вмѣстѣ съ рабочимъ Бачинымъ. Оба въ пути арестованы и содержатся въ Иркутской тюрьмѣ до окончанія слѣдствія о побѣгѣ. Поэтому-то Бачинъ не былъ пріобщенъ къ нашей партіи и сидѣлъ отдѣльно, въ другомъ отдѣленіи тюрьмы. Теперь его фигура рисовалась изъ-за оконной рѣшетки.

Можетъ быть, это результатъ послѣдующихъ событій, но мнѣ теперь кажется, что Бачинъ сразу своимъ появленіемъ произвелъ на меня какое-то неизгладимо мрачное впечатлѣніе. Въ это время среди рабочихъ обозначилось тече-

ніе, стремившееся къ рѣзкому обособленію отъ интеллигенціи. Впослѣдствіи ихъ называли «махаевцами», по имени Махайскаго, написавшаго первую книгу въ этомъ смыслѣ, но я помню совершенно ясно, что еще когда я былъ на волѣ въ Петербургѣ, — въ революціонныхъ кругахъ уже много говорили объ этомъ «теченіи». Въ то время, какъ Петръ Алексѣевъ на судѣ 50-ти произнесъ настоящій дифирамбъ революціонной интеллигенціи и звалъ рабочихъ къ союзу съ нею, будущіе махаевцы, наоборотъ, старались поселить рознь въ небольшихъ еще рядахъ революціонеровъ. Тогда объясняли это самолюбіемъ нѣкоторыхъ вожаковъ изъ рабочихъ, которые не могли выдвинуться въ первые ряды при участіи интеллигенціи. Мнѣ тогда не пришлось познакомиться ни съ кѣмъ изъ представителей этого направленія, и Бачинъ былъ первымъ изъ нихъ, котораго я увидѣлъ. Поэтому я отнесся съ интересомъ къ предстоящему разговору и тоже приблизился къ оградѣ.

Разговоръ, однако, не состоялся. Въ первой же фразѣ, съ которою Бачинъ обратился къ Мышкину, сопровождая ее какой-то кривой улыбкой, зазвучала фальшивая нота.

— Что-то долго ваша партія не приходила... Ужъ мы ждали, ждали... Что вы такъ долго возились въ пути... Съ начальствомъ цѣловались, что ли?

На лицѣ Мышкина я увидѣлъ выраженіе недоумѣнія.

Онъ, очевидно, готовился къ серьезному разговору. Но въ словахъ Бачина звучало только

желаніе сказать что-нибудь язвительное, даже не зная и не пытаясь узнать человѣка, съ которымъ говоритъ. Такъ какъ движеніе партіи отъ нея не зависѣло, то вопросъ былъ явно искусственный и даже безсмысленный. Мышкинъ же отличался чрезвычайной искренностью. Онъ постоялъ нѣсколько времени съ выраженіемъ недоумѣнія на лицѣ. Затѣмъ рѣзко повернулся и сталъ продолжать прогулку. Форточка Бачина опять рѣзко брякнула и закрылась.

Больше я Бачина не видѣлъ. Разсказывали въ то время, что бѣдная Южакова сошлась съ нимъ случайно. Изъ Балаганска они бѣжали подъ видомъ рабочихъ, мужа и жены, и имъ пришлось на какомъ-то сибирскомъ заводикѣ стать въ условія невольной близости, чтобы не возбуждать подозрѣній. Послѣ того, какъ они были арестованы и сидѣли въ Иркутской тюрьмѣ, оказалось, что изъ побѣга Южакова вернулась беременною. Въ Иркутскѣ она (уже послѣ моего отъѣзда) родила дочку и для того, чтобы дать малюткѣ хоть какое-нибудь положеніе, рѣшила выйти за Бачина замужъ.

Это было самое худшее, что она могла придумать. Когда я разспрашивалъ о Южаковой, мнѣ разсказывали, что Бачинъ — человѣкъ грубый и желчный. Говорили, что у него болѣзнь печени. Кромѣ того, онъ не могъ простить Южаковой, что она дочь генерала, «интеллигентка и бѣлоручка», что она получила прекрасное образованіе, работала въ одесскихъ газетахъ, читала англійскія и французскія книги. Въ Иркутскѣ знавшія ее еще въ Одессѣ

подруги уговаривали ее не связывать съ этимъ человѣкомъ свою дальнѣйшую жизнь. Но она была безпомощна въ этой далекой и холодной Сибири. Ее, какъ южанку, страшно пугали полярные холода якутской области, куда ей предстояло отправиться по окончаніи слѣдствія, пугала суровая жизнь въ юртѣ безъ возможности какого-нибудь заработка. А Бачинъ былъ прекрасный работникъ (кажется, кузнецъ) и, повидимому, серьезно относился къ своимъ отцовскимъ обязанностямъ.

Законный бракъ состоялся, помнится, еще при мнѣ. Затѣмъ, по отбытіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, оба были направлены въ Якутскую область, гдѣ впослѣдствіи и разразилась трагедія; Бачинъ задушилъ Южакову, и маленькую дѣвочку на утро нашли у холодной груди матери.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось услышать разсказъ объ этомъ событіи отъ одного изъ очевидцевъ, почти участника трагедіи. Разсказъ этотъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и я изложу его дальше.

CXXXII

СТАСИКЪ РЫХЛИНСКІЙ И ИСТОРІЯ ЕГО ВОСПОМИНАНІЙ

Въ одинъ день меня позвали въ контору, сказавъ, что тамъ меня ждетъ посѣтитель, получившій разрѣшеніе на свиданіе со мной. Я до-

гадался, что мнѣ предстоитъ пріятная встрѣча съ человѣкомъ, чей образъ живо сохранился въ моей памяти еще изъ временъ дѣтства.

Читатель припомнитъ изъ перваго тома этой «исторіи моего современника» пансіонъ Рыхлинскаго, въ которомъ мы учились, мои дѣтскія волненія по вопросу о томъ, кто я по національности, и роль, которую играли въ этихъ волненіяхъ сыновья Рыхлинскаго, въ особенности младшій изъ нихъ, котораго въ нашей семьѣ называли Стасикомъ.

Всѣ три сына участвовали въ повстаніи, куда Стасикъ ушелъ тотчасъ по окончаніи гимназіи. Этотъ Стасикъ былъ для насъ съ братомъ своего рода идеаломъ. Онъ еще не отошелъ отъ насъ настолько, чтобы стать взрослымъ, то-есть чужимъ. Это былъ еще совсѣмъ юноша, съ дѣтскимъ пушкомъ на щекахъ, краснощекій, румяный и по-дѣтски красивый. Онъ былъ общимъ любимцемъ, а мой отецъ, приглашенный на прощальный вечеръ, очень сердился и съ обычной рѣзкостью и прямотой говорилъ Рыхлинскимъ:

— Всѣ вы посходили съ ума. Ну, старшіе какъ хотятъ, а Стасика я бы заперъ на ключъ и прямо не пустилъ бы. Вѣдь это еще ребенокъ...

Но это предложеніе, разумѣется, не было принято. Сыновья Рыхлинскихъ торжественно прощались съ родными и знакомыми... Въ заключеніе они стали на колѣни, и родители ихъ благословили. Было пролито много слезъ, и въ ту же ночь молодые люди уѣхали. Мнѣ часто снился этотъ Стасикъ въ разныхъ герои-

ческихъ положеніяхъ, то грознымъ для моихъ русскихъ пріятелей, то внушавшимъ тревогу за свою собственную судьбу.

А судьба эта скоро опредѣлилась. Всѣхъ переловили казаки и мужики. Старшій, Феликсъ, при этомъ былъ раненъ казацкою пикой и умеръ гдѣ-то на этапѣ подъ Красноярскомъ. Двое другихъ, Ксаверій и Станиславъ, попали на каторгу въ Нерчинскъ.

Теперь одинъ изъ нихъ, именно Станиславъ, ждалъ меня въ иркутской тюремной конторѣ. Мы горячо обнялись и стали дѣлиться впечатлѣніями прошлаго. Отецъ Станислава, панъ Валентинъ, ходившій на костыляхъ, давно умеръ. Мать, жившая у замужней дочери около Бреста, умерла недавно, успѣвъ повидать передъ смертью одного изъ сыновей, Ксаверія, получившаго уже право вернуться на родину. Станиславъ, стоявшій теперь предо мною, оказался человѣкомъ средняго роста, лѣтъ подъ сорокъ. Розы, когда-то расцвѣтавшія на щекахъ нашего Стасика, теперь поблекли, и жизнь избороздила его лицо преждевременными морщинами.

О времени своей нерчинской каторги онъ разсказывалъ съ горечью. Это были тяжелые годы.

Чувства, вызванныя въ польскомъ обществѣ возстаніемъ, которыя я описывалъ въ первомъ томѣ, постепенно испарялись, уступая мѣсто «отрезвленію». Поляки мечтали теперь лишь объ экономическомъ подъемѣ и накопленіи богатствъ. Это настроеніе отразилось въ романѣ Сенкевича: «Семья Поланецкихъ» и сопрово-

ждалось нѣсколько презрительнымъ отношеніемъ къ повстанію съ его патріотическимъ романтизмомъ.

Это не могло не отразиться на настроеніяхъ въ глубинѣ далекой сибирской каторги. Одушевленіе ея жертвъ, не питаемое сочувствіемъ съ родины, падало. Росли, наоборотъ, раздоры и тюремныя дрязги, отравлявшія жизнь въ казематахъ. Сначала поляки были не одни. Нѣкоторое участіе въ возстаніи принимали венгерцы, не забывшіе Россіи ея венгерскаго похода, и италіанцы, среди которыхъ кипѣло гарибальдійское настроеніе. Но затѣмъ, вслѣдствіе заступничества своихъ правительствъ, и венгерцы, и италіанцы получили право вернуться на родину, и поляки остались одни.

Объ этомъ времени Рыхлинскій разсказывалъ, какъ о самомъ тяжеломъ. Нравы польскихъ каторжанъ падали. Дѣло дошло до того, что однажды бывшій повстанецъ по рѣшенію товарищей былъ высѣченъ розгами...

Черезъ нѣкоторое время къ полякамъ стали присоединять первыхъ русскихъ революціонеровъ: каракозовцевъ, «воскресниковъ», распространителей прокламацій. Потомъ на нерчинскую каторгу привезли Чернышевскаго. Рыхлинскій говорилъ о послѣднемъ съ большой теплотой, и кое-что изъ этихъ разсказовъ я ввелъ впослѣдствіи въ свои воспоминанія о Чернышевскомъ. Но это была лишь крупица изъ интересныхъ разсказовъ Рыхлинскаго, и я горячо убѣждалъ его записать все, обѣщая приложить старанія, чтобы это было напечатано, если не въ польскихъ, то въ русскихъ журналахъ.

Впослѣдствіи, уже послѣ моего возвращенія въ Россію, онъ это и исполнилъ, но эти интересныя воспоминанія имѣли въ свою очередь собственную трагическую судьбу.

Въ Иркутскѣ жилъ въ эти годы мой пермскій знакомый Александръ Александровичъ Криль, о которомъ я говорилъ выше, въ главѣ о моемъ пребываніи въ Перми. Онъ всегда былъ на счету неблагонадежныхъ и, вѣроятно, этимъ слѣдуетъ объяснить его служебный переводъ въ отдаленный Иркутскъ. Здѣсь онъ, какъ и въ Перми, держался близко къ политическимъ ссыльнымъ. Въ то время среди административно-ссыльныхъ былъ въ Иркутскѣ нѣкто Татаровъ. По общимъ отзывамъ всѣхъ, его знавшихъ, это былъ человѣкъ чрезвычайно привлекательный и всѣ относились къ нему съ большой симпатіей. Сблизился съ нимъ и Криль.

Однажды этотъ Татаровъ явился къ нему съ тревожною вѣстью: онъ узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что у Криля въ скоромъ времени предстоитъ обыскъ. «Не надо ли что-нибудь скрыть?» Криль былъ хорошо знакомъ также и съ Рыхлинскимъ, который незадолго передъ тѣмъ умеръ, оставивъ Крилю свои записки, поручивъ ихъ переслать мнѣ. Получивъ тревожное извѣстіе, Криль передалъ записки Татарову, которому предстояло скорое возвращеніе въ Россію.

Этотъ Татаровъ оказался шпіономъ. Это стало извѣстно въ Россіи. При этомъ случилось такъ, что два шпіона, Азефъ и Татаровъ, стали въ революціонныхъ кругахъ уличать другъ друга.

Азефъ оказался ловчѣе и, ранѣе своего окончательнаго разоблаченія, успѣлъ убѣдить революціонеровъ въ причастности къ сыску Татарова.

Тогда Татарова убили при ужасной обстановкѣ. Онъ жилъ тогда въ Варшавѣ съ отцомъ, священникомъ, и матерью...

Однажды на квартиру священника явились неизвѣстные люди и потребовали свиданія съ сыномъ. Въ то время у Татарова были уже сильныя опасенія, и онъ согласился принять неизвѣстныхъ только въ передней, въ присутствіи отца и матери. Предосторожность не помогла. Едва онъ вошелъ, одинъ изъ пришедшихъ бросился на него съ кинжаломъ и убилъ его на глазахъ родителей. Мать, кинувшаяся защищать сына, была ранена револьверною пулей.

Такія формы принималъ тогда терроръ. Записки Рыхлинскаго для меня погибли.

Пришло, наконецъ, время моего отъѣзда изъ Иркутской тюрьмы. Интрига Соловьева даже въ то время крайней деморализаціи чиновничества, даже при ген.-губернаторѣ Анучинѣ удаться не могла. Комиссія высказалась, и дѣло о подкопѣ тюремной стѣны закончилось ничѣмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступало время отправки задержанныхъ въ Иркутскѣ административно-ссыльныхъ и закончившихъ срокъ каторги.

Наступила и моя очередь отправки въ Якутскую область.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ВЫШНЕВОЛОЦКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЮРЬМА

ВЪ ПЕРМИ

ПО ПУТИ ВЪ ЯКУТСКУЮ ОБЛАСТЬ

ВЪ ИРКУТСКОЙ ТЮРЬМѢ
